

ТИРАДЕНТИС

О. Шматко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

- [Олег Игнатьев](#)
 -
 - [ПО ДОРОГАМ КАПИТАНИИ](#)
 - [1. ДРАГУНСКИЙ ПРАПОРЩИК](#)
 - [2. БЛАГОДАРНОСТЬ КОРОЛЕВЫ](#)
 - [3. СВЕЖИЕ ВЕТРЫ РЕВОЛЮЦИИ](#)
 - [5. ВСТРЕЧА С АЛВАРЕСОМ МАСИЕЛОМ](#)
 - [6. НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ](#)
 - [7. СЛУЖИТЕЛИ МУЗЫ](#)
 - [8. ПЕРВАЯ САБЛЯ ЗАГОВОРЩИКОВ](#)
 - [9. «ПУСТЬ ЗАПОЗДАЛАЯ, НО СВОБОДА»](#)
 - [10. ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ](#)
 - [11. ДОНОС ГУБЕРНАТОРУ](#)
 - [12. ЗАПАДНЯ](#)
 - [13. СУДИЛИЩЕ](#)
 - [14. КАЗНЬ](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖОАКИНА ЖОЗЕ ДА СИЛВА ШАВЬЕРА ТИРАДЕНТИСА](#)
 - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
-

Олег Игнатьев
Тирадентис

ПО ДОРОГАМ КАПИТАНИИ

Дорога, извиваясь, то стелилась у подножья гор, то, стиснутая каменными громадами, лезла круто вверх, добираясь до очередного перевала, и исчезала на другой стороне его. Солнце стояло почти в зените, и раскаленные камни делали полуденную жару еще нестерпимей. В такие часы все живое пряталось от зноя и только суслики выходили из норок, степенно усаживались недалеко от входа, с любопытством озираясь по сторонам. Однако при малейшем шуме они тотчас же скрывались в подземных лабиринтах.

Вот и сейчас несколько этих симпатичных зверьков заняли было свои наблюдательные посты у самой дороги, но вдруг, словно по команде, стремглав бросились прочь. Сначала нельзя было понять, кого могли испугаться грызуны. Но вот вдали послышались неторопливый мерный цокот копыт и голос человека, подбадривающего животных. Наконец из-за ближайшего поворота показался первый мул, за ним – второй, третий, целый караван из семи мулов, каждый из которых тащил по два перекинутых через спину туго набитых мешка. Мулы шли гуськом, друг за другом, связанные одной веревкой. За ними, на восьмом муле, восседал молодой человек с каштановыми волосами, ниспадающими на плечи. Он был одет в парусиновую рубашку с открытым воротом, темные брюки, заправленные в высокие сапоги с отворотами. Голова его была прикрыта широкополой шляпой с загнутыми краями. На вид всаднику можно было дать лет двадцать, не больше. Загорелое обветренное лицо свидетельствовало о том, что он большую часть времени проводит именно так – в пути, не боясь палящих лучей тропического бразильского солнца.

– Оле, оле! – закричал погонщик и присвистнул. – Ну-ка, друзья, пошевеливайтесь! Скоро мы отдохнем в Минас-Новасе.

Конечно, он мог бы просто свистнуть и закричать: «Оле, оле!», и мулы, без сомнения, пошли бы быстрее. Все равно они не поняли ровным счетом ничего из слов хозяина об отдыхе и привале в Минас-Новасе. Но разъяснения были сделаны просто так. Когда долгие часы пути находишься в компании с такими молчаливыми спутниками, то поневоле начнешь разговаривать сам с собой.

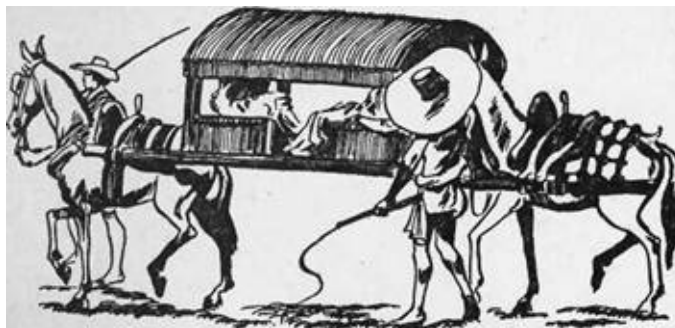
В те времена на дорогах капитании Минас надеяться на попутчиков было трудно, хотя дорог-то всего было две: одна соединяла столицу капитании город Вила-Рику с Рио-де-Жанейро, а вторая шла от Вила-Рики

к бывшей столице вице-королевства городу Баия-де-Тодос-лос-Сантос. Как раз по этой второй дороге и двигался караван нашего знакомого.

По тому, как громко разговаривал, не опасаясь, что его кто-нибудь услышит, владелец мулов, можно было заключить, что разрешение на поездку у него имеется и его не пугает встреча с драгунами, патрулирующими участки дорог, проходящих по капитании. Они ловили беглых рабов и контрабандистов. Ни один житель капитании не мог без разрешения португальских властей заниматься торговлей, ввозить и вывозить что-либо с территории одной капитании в другую. Кроме того, драгуны обязаны были следить за тем, чтобы на территорию Минаса не проникали люди из других районов вице-королевства.

Наш рассказ относится к тому периоду, когда капитания Минас переживала свой золотой век. Правда, старожилы вспоминали время, когда на земле Минаса были найдены первые алмазы. Вести о сказочных алмазных россыпях достигли самых далеких уголков Бразилии, и тогда сюда потянулись любители быстрого обогащения. К сороковым годам XVIII века число искателей алмазов – гаримпейрос – в этом районе достигло почти пятидесяти тысяч, в то время как раньше здесь жило всего несколько сот человек. Вскоре португальские власти преобразовали этот район Бразилии в самостоятельную административную область, назвав ее капитанией Минас, и она стала самой процветающей территорией в этой далекой колонии. Потом были открыты золотые россыпи, и новый поток иммигрантов хлынул из Баии, Пернамбуко, Рио-де-Жанейро. Португальские власти не могли бороться с этой миграцией, хотя на переселенцев в Минасе налагались большие пошлины. Тогда-то и появились на дорогах капитании военные отряды. К 1767 году в Минасе за сезон добывалось около тысячи арроб золота. Это составляло примерно пятнадцать тонн, так как одна арроба равнялась пятнадцати килограммам.

Пока мы с вами занимались выяснением экономической обстановки в капитании Минас, погонщик вместе со своим караваном мулов уже дошел до ранчо, расположенного почти на самой окраине поселка Минас-Новаса.

Во время путешествия из Вила-Рики в Рио-да-Жанейро.

Почуяв жилье и предвкушая заслуженный отдых, мулы прибавили шагу и, не ожидая понуканий и свиста хозяина, двинулись прямо к распахнутой калитке ранчо. Владелец каравана улыбнулся, глядя на торопливо перебирающих ногами животных. Но потом неожиданно улыбка исчезла с его лица. Он склонил голову набок и прислушался. Со двора ранчо доносились крики человека. Шлепнув рукой по крупу мула, путник заставил перейти его на рысь и, обогнав свой караван, первым въехал во двор. Его глазам предстала картина, которую часто можно было наблюдать в те времена на бразильской земле. В дальнем углу двора был врыт большой столб, около которого лежал на земле прикованный цепью негр. Кандалы охватывали его руки и ноги, так что несчастный был лишен возможности не только передвигаться, но даже не мог закрыть руками лицо и голову от сыпавшихся на него ударов. Рядом с ним, широко расставив ноги, стоял белый мужчина в длинном камзоле, какие в то время носили плантаторы. В левой руке он держал толстый хлыст, оканчивавшийся металлической треххвосткой. Вот он размахнулся и с силой нанес удар по распростертому у его ног телу. Затем еще удар, еще. Негр уже не мог кричать и был, вероятно, без сознания. Спина его походила на ужасную кровавую массу. Плантатор нанес последний удар и отбросил хлыст в сторону. Владелец каравана спрыгнул с мула и сделал несколько шагов вперед.

– Эй, приятель! Наверное, твой раб уже помер. Зачем же бить мертвого?

– А тебе какое дело? Мое имущество, никто не вправе мне указывать.

И, словно желая подкрепить сказанное, он с силой ударил носком сапога по телу раба.

– Ну, это уже слишком. Даже самый последний шакал не будет так обращаться с живым существом! – воскликнул приезжий.

– Это кто, я хуже шакала?! – возмутился плантатор, поднимая с земли

хлыст. – А ну-ка, попробуй повторить свои слова!

– Если хочешь, я повторю их двадцать раз. Я сказал, что даже шакал не будет обращаться так с живым существом.

Раз – и удар хлыстом сбил широкополую шляпу с головы приезжего. Еще мгновение, и по пыльной площадке двора катался клубок из двух сцепившихся тел. На шум драки из двери ранчо выбежали несколько рабов, но, увидев, что потасовка идет между белыми господами, благоразумно решили удалиться и не вмешиваться. Приезжий был моложе и сильнее плантатора. Исход поединка не вызывал сомнений, но в этот момент во двор въехала группа солдат. Спрыгнув с лошадей, они окружили дерущихся и растащили их в разные стороны.

– В чем дело? В чем причина драки? – спросил офицер, командовавший патрулем.

Плантатор выступил вперед.

– Этот каналья, – указал он на владельца каравана, – хотел помешать мне наказать моего раба. Мой раб вчера попытался сбежать. Один из ваших патрулей притащил его, перехватив по дороге в Баию. И вот этот каналья осмелился заступиться за раба, который принадлежит только мне. Я что хочу, то с ним и могу сделать.

– Правду говорит этот человек? – обратился офицер к второму участнику драки.

– Нет, – отвечал тот, отряхивая с волос приставшую к ним пыль. – Какой толк было заступаться за раба, если к моему приезду он уже не дышал? Я только возмутился, когда увидел, как избивают мертвеца.

– Он назвал меня шакалом! – закричал плантатор, пытаясь вырваться из рук державших его солдат.

– Заберите обоих, – приказал командир патруля. – Пусть поостынут за решеткой, а судья уж разберется, кто прав, а кто виноват.

Плантатору и владельцу каравана скрутили руки веревками, концы которых привязали к седлам лошадей. Когда вся группа собиралась выехать из двора, на крыльце ранчо показался его хозяин.

– Друг, – крикнул погонщик каравана, – прошу, присмотри за моими животными! Я скоро вернусь и заплачу тебе за услугу.

Владелец ранчо, видно, узнал говорившего, потому что глаза его широко раскрылись, когда он увидел погонщика, стоявшего со связанными руками. Однако он не подал виду, что знаком с ним, наверное боясь, как бы его не пригласили в свидетели, что всегда влекло за собой большие неприятности, потому что иметь дело с властями не сулило ничего хорошего.

В Минас-Новасе арестованных довели до тюрьмы и втолкнули в разные камеры.

Владелец каравана ошибался, предсказывая свое скорое возвращение. Постоянного судьи в Минас-Новасе не было, и все дела рассматривались только тогда, когда приезжал какой-нибудь судебный чиновник из Виларики или Баии. А это случалось не часто. Прошло долгих полтора месяца, прежде чем в этот поселок заглянул очередной посланец Фемиды. Все это время погонщика мулов не выпускали из застенка, и он не знал ничего ни о судьбе своих животных и товаров, ни когда ему удастся вырваться на свободу. Наконец однажды, после того как он уже начал терять счет дням, двери камеры раскрылись и заключенного повели на допрос. В небольшом зале, куда двое солдат ввели арестованного, за высоким столом сидел судья, одетый в свою традиционную мантию и черную шапочку. Рядом разместился писец, приготовившийся записывать вопросы судьи и ответы арестованного.

– Твое имя? – обратился судья к владельцу каравана.

– Жоакин Жозе да Силва Шавьер, – последовал ответ.

– Сын чьих родителей?

– Отец – Домингос да Силва дос Сантос. Мать – Антониа да Энкарнасао Шавьер.

– Где они живут?

– И мать и отец умерли.

– Чем ты занимаешься и где твое место жительства?

– Постоянно живу в Вила-де-Сан-Жозе. Занимаюсь торговлей, вожу товары в Рио-де-Жанейро и Баия-де-Тодос-лос-Сантос.

– Знает ли арестованный законы и постановления, действующие на территории вице-королевства и находящиеся под высоким покровительством ее величества королевы донны Марии Первой?

– Да, знаю.

– Знает ли арестованный, что ждет человека, который осмелится покуситься на собственность, принадлежащую другому лицу, вассалу ее величества королевы, проживающего на территории вице-королевства?

– Да, знаю. Но, ваша светлость...

– Арестованный должен отвечать только на вопросы, которые задает ему судья. Если он будет вести пререкания и вступать в споры, то наказание будет соответственно увеличено.

Жоакин Жозе опустил голову. Он понимал бессмысленность и бесполезность каких-либо оправданий. Хозяином положения являлся судья, олицетворявший все законы и все беззаконие португальского владычества.

– Жоакин Жозе да Силва Шавьер, – произнес судья, – вы обвиняетесь в нарушении законов вице-королевства, в попытке заступиться за раба, являющегося полной и неотъемлемой собственностью владельца, властного над его жизнью и смертью. В соответствии с высочайшими законами, действующими на территории вице-королевства, лиц, виновных в преступлении, подобном вашему, приговаривают к наказанию плетью или к штрафу в три контос. Если через трое суток вы не внесете указанную сумму представителю королевской казны, то подвергнетесь публичной экзекуции на площади Минас-Новаса. Отведите арестованного, – приказал судья конвоирам и, не обращая больше никакого внимания на Жоакина Жозе, стал снимать мантию.

В помещении стояла такая духота, что было удивительно, как это судья мог выдержать даже несколько минут, будучи облаченным в темную плотную накидку.

Ровно через трое суток те же конвоиры ввели Жоакина Жозе в знакомую нам комнату. Тот же судья в той же мантии величественно восседал за столом, только щека его была закутана теплым красным платком. Снова последовали вопросы и ответы об имени подсудимого, его профессии, о его матери и отце. После этого согласно правилам судья должен был объявить, когда Жоакина Жозе подвергнут наказанию, потому что всем было ясно, что арестованный, находясь в камере, никак не мог внести установленную сумму штрафа. Однако судья вопреки правилам не стал читать обвинительный приговор, а передал его писарю, сам же склонился над столом, обхватив голову руками.

– Если у господина судьи болят зубы, то я, может быть, могу чем-нибудь помочь вашей светлости, – обратился к судейскому чиновнику Жоакин Жозе.

Судья отнял руки и удивленно посмотрел на арестованного.

– Ты пытаешься увильнуть от наказания? Каким образом ты можешь помочь?

– В этих местах меня знают как врачевателя, – отвечал Жоакин Жозе. – Если я не смогу облегчить ваши страдания, вы подвергнете меня двойному наказанию.

– Ну показывай свое искусство! – воскликнул судья и даже привстал от волнения.

– Сумка с инструментами, – сказал Жоакин Жозе, – приторочена к седлу мула, на котором я приехал. Прикажите солдатам сходить на ранчо и доставить его сюда. Вы увидите, что я помогу вам.

В глазах судьи затеплилась надежда.

– Ну-ка, – сказал он одному из конвоиров, – бери лошадь и немедленно отправляйся на ранчо. Приведи сюда всех мулов арестованного. Да поживее!

– В полчаса обернусь, господин судья, – ответил солдат.

– Давай! Только не мешкай. А пока лекаря этого отведите обратно в камеру.

Вернулся солдат только часа через полтора, когда зубная боль у судьи разыгралась настолько, что он готов был обещать половину вице-королевства тому, кто избавит его от страданий.

Солдат внес в комнату небольшую кожаную сумку, которую нашел привязанной к седлу, висевшему в сарае ранчо. Снова в комнату ввели арестованного. Жоакин Жозе попросил судью усестись на низенькую скамейку. Порывшись в сумке, он вынул оттуда изогнутые клещи, профессиональным движением поднял голову судьи, велел пошире раскрыть рот. Через минуту операция была блестяще завершена, и судья, так и не сняв свою мантию, пошатываясь от пережитого волнения, удалился в боковую дверь, держась за щеку. Жоакин Жозе остался в комнате вместе с конвоирами, которые в растерянности смотрели друг на друга, не зная, что им дальше делать с арестованным.

– Может, отпустим его? – сказал, наконец, один из солдат.

– Если хочешь сам сесть в камеру, то, пожалуйста, отпускаяй, а у меня жена, дети, и я не совершу такой глупости, – резонно возразил второй конвоир.

Писец, все время сидевший молча за своим столиком, подошел к служакам.

– Подождите немного, – почему-то шепотом сказал он. – Если у господина судьи пройдет зубная боль, то я минут через десять спрошу, как нам поступать дальше.

– Где этот Жоакин Жозе? – вдруг послышался из соседней комнаты голос судьи.

Писец подскочил к двери.

– Он здесь, ваша светлость.

– Пусть эти болваны отпустят его, но прежде арестованный должен заплатить судебные издержки. Не зря же я три дня торчал в этом проклятом Минас-Новасе. И наверное, зубную боль напустили на меня именно в этом месте. Неспроста, когда я вчера проходил по улице, мне навстречу попала старуха с завязанной щекой. У нее тоже, без сомнения, болели зубы. От нее-то я и заболел. Но раз арестованный столь искусный зубодер, то часть вины с него снимается, кроме, конечно, судебных расходов, которые он

обязан заплатить.

Писец подошел к Жоакину Жозе.

– Ты должен заплатить два контос судебных расходов. Есть у тебя такие деньги?

Жоакин Жозе пожал плечами.

– Только если мне удастся здесь продать товар, который я везу в Баию,
– ответил он.

Солдат, ездивший на ранчо за сумкой с инструментами, засмеялся:

– В таком случае тебе придется сидеть в камере до второго пришествия. Хозяин ранчо рассказал о бандитах, которые украли весь твой товар и четырех мулов; оставшихся трех я привел сюда да еще захватил твою сумку.

Жоакин Жозе побледнел.

– В таком случае я разорен. Все мои деньги вложены в товары для продажи в Баии. Я не смогу уплатить сумму, причитающуюся с меня.

Писарь сжалился над Жоакином Жозе.

– Я попробую уговорить господина судью, – опять шепотом сказал он.
– Может быть, господин судья согласится взять вместо денег трех мулов?

Судья, конечно, не стал возражать, потому что лучше было получить трех мулов, чем сажать Жоакина Жозе в камеру и не возместить даже части судебных издержек. Кроме того, воспоминания о пережитом были еще так свежи, и никто не мог дать гарантии, что судье никогда больше не встретится на пути какая-нибудь старуха, которая может заразить новым приступом зубной боли почтенного стража португальской законности на земле вице-королевства.

Солнце уже заходило за горизонт, когда Жоакин Жозе вышел из Минас-Новаса и отправился пешком по дороге, ведущей в Вила-Рику.

Месяц с лишним назад он ехал по этой дороге, полный радужных надежд, обладатель целого каравана мулов и тюков, набитых товарами. Сейчас он потерял все и возвращался домой, чтобы начинать заново бороться за место под солнцем. Однако если бы в тот момент вы спросили Жоакина Жозе, наполнено ли его сердце безнадежным пессимизмом или отчаянием, то наверняка услышали бы: «Нет!» Во-первых, он обладал на редкость неунывающим характером, а во-вторых, Жоакину Жозе в то время было всего лишь девятнадцать лет.

Через неделю Жоакин Жозе добрался до Вила-Рики. Безусловно, даже пешком он мог проделать этот путь гораздо быстрее. Но приходилось останавливаться в расположенных у дороги поселках и ранчо, где везде

Жоакина Жозе принимали как желанного и дорогого гостя Среди жителей капитании погонщик пользовался славой искусного лекаря и зубодера. Когда четырнадцатилетним мальчишкой Жоакин Жозе жил у своих теток в местечке Вила-де-Сан-Жозе, его хотели отдать в семинарию, потому что два старших брата нашего героя уже готовились стать священниками и заканчивали учебу. А попасть в духовную семинарию в то время было не так-то просто. Поступающий в семинарию должен был иметь безупречную с точки зрения католической церкви родословную. Во-первых, кандидату следовало доказать, что он является законным сыном своих родителей, что в роду у него не было отлученных от церкви дедушек и бабушек, что никто из его родственников не происходит от евреев или мавров и никто из них никогда не сидел в тюрьме, не подвергался какому-либо наказанию со стороны святого престола Братья Жоакина Жозе должны были доказать, что в их жилах течет чистая пор тугальская кровь, без примеси негритянской или мулатской Они должны были представить медицинское свидетельство, что у них в порядке ноги, руки, пальцы, а на теле нет шрамов, полученных в драках и скандалах. Если на одном из глаз, особенно левом, у поступающего в семинарию было бельмо, то он мог отказаться от мысли стать священником. Так как два брата Жоакина Жозе успешно прошли через чистилище, то, вероятно, и сам Жоакин Жозе мог рассчитывать на поступление в семинарию. Видимо, именно поэтому после смерти отца его отправили на учебу к священнику Жоану Гонсалвесу Шавесу. Каковы были успехи его в духовных науках, мы не знаем. Однако у нас имеются достоверные сведения, что именно в то время он стал увлекаться медициной и особенно зубоврачебным делом, настолько преуспев в мастерстве зубодера, что все друзья и знакомые стали звать его не иначе как Тирадентис – зубодер. Мы тоже познакомились с Жоакином Жозе и отныне будем называть нашего героя Тирадентисом.

Тирадентис был очень любознательный человек. И когда во время дождливого периода караваны прерывали на несколько месяцев свой путь, он не терял времени даром. Если период дождей заставлял его в Рио или Вила-Рике, то он использовал свободное время для пополнения своего образования. Если же ему удавалось добраться до родного селения, то он каждый день ходил в старому учителю, священнику Шавесу, и с ним совершенствовал свои познания в латыни и французском языке. Когда же кончался период дождей и бродячие торговцы отправлялись с караванами мулов в далекий путь, то во всех местечках, селениях, городах от Баии до Вила-Рики и от Вила-Рики до Рио-де-Жанейро Тирадентис был желанным гостем. Его прихода ожидали, его мастерству доверяли, к нему обращались

с просьбами, не боясь получить отказ, безразлично будь то владелец фазенды или бедный простой гаримпейро.

Обладая Тирадентис другим характером, он быстро стал бы богатым человеком. Врачей в то время в Бразилии насчитывались единицы. Достаточно сказать, что население Рио-де-Жанейро обслуживали всего два врача. Но, помогая людям, Тирадентис не стремился к обогащению. Просто ему было приятно делать людям добро и он не мог спокойно смотреть на человеческие страдания. Поэтому когда у пациента не было денег, Тирадентис не отказывал ему в помощи, а лечил бесплатно.

И на этот раз путь из Минас-Новаса до Вила-Рики занял у Тирадентиса целую неделю. Добравшись до Вила-Рики, Тирадентис зашагал к мосту Росарио. Подойдя к маленькому домику, он вошел в него и крикнул:

– Падре Франсиско!

– О-ля! – послышалось в ответ, и из комнаты вышел небольшого роста тучный человек в сутане.

Это был священник Франсиско Феррейра да Кунья, друг и компаньон Тирадентиса. Вместе с ним Тирадентис держал в этом домике небольшую аптеку, и, когда торговые дела вынуждали его надолго отлучаться из Вила-Рики, падре Франсиско продавал нехитрые снадобья, а неимущих больных снабжал лекарствами даром.

– О Тирадентис! – воскликнул падре Франсиско, удивленно подняв брови. – С тобой что-нибудь приключилось? Почему так рано вернулся? Я ожидал твоего возвращения из Ваий по меньшей мере через месяц.

Тирадентис снял висевшую на плече сумку, сбросил шляпу и кинул ее на лавку.

– Падре, я имел счастье испытать на себе всю прелесть законов нашей августейшей повелительницы, королевы донны Марии Первой.

– С тобой таки стряслась какая-то беда? – испуганно спросил падре Франсиско.

– По крайней мере все происшедшее со мной нельзя назвать большой удачей. Я вернулся без мулов, без товаров и без денег.

– На тебя напали бандиты?

– Пожалуй, их можно и так назвать, – ответил Тирадентис. – Правда, они были одеты в форму и мантию и действовали от имени закона.

Падре замахал руками, подбежал к входной двери и плотно прикрыл ее.

– Что ты говоришь, одумайся! За такие слова по головке не погладят. Виселица в Вила-Рике редко пустует. Если господину губернатору кто-либо донесет о твоих словах, то нам не поздоровится. Тебе – потому, что ты их

произносишь, а мне – лишь за одно слушание крамольных речей.

Тирадентис тяжело вздохнул и сел, подперев голову руками.

– Говорить, конечно, не о чем. На оставшиеся сбережения новый караван не сколотишь. Я, когда шел обратно, думал о будущем и решил заняться разработкой алмазов. Участок достать легко, а на трех-четырех рабов денег хватит. Но, – и Тирадентис поднял вверх палец, – аптека не перестанет существовать. И если тебя станут о чем-нибудь расспрашивать больные, то прошу каждому отвечать: Тирадентис остался Тирадентисом.

1. ДРАГУНСКИЙ ПРАПОРЩИК

Говорят, беда не приходит одна. Тирадентису удалось приобрести хороший участок на реке Пираибанья, около местечка Симон Перейра. Денег на покупку нужного количества рабов у Тирадентиса все же не хватило, и он занял недостающую сумму у местного ростовщика. Но приближалось время отдавать долг, а участок пока еще никакой прибыли не приносил, и в конце концов его пришлось отдать за долги кредиторам. А за несколько дней до этого Тирадентис потерпел неудачу и в личной жизни.

В Сан-Жоан-дел-Рей жила одна девушка, за которой ухаживал наш герой. Перед последней злополучной поездкой в Баию молодые люди договорились справить помолвку после возвращения Тирадентиса. Но происшествие в Минас-Новасе нарушило все планы. Девушка была из зажиточной семьи, и Тирадентис, не желая подвергать будущую жену неизбежной нужде и лишениям, предложил отложить помолвку до лучших времен. Но, став владельцем участка, Тирадентис решил все же просить руки у родителей невесты и отправился в Сан-Жоан-дел-Рей. Однако, не доехав сотни метров до их дома, Тирадентис встретил избранницу своего сердца, возвращавшуюся с мессы. Увидев Тирадентиса, девушка, ничего не сказав, прошла мимо, потупив взор. Встревоженный Тирадентис поспешил за ней, но тут дорогу ему преградил отец невесты, который самым решительным образом заявил о своем нежелании отдавать дочь за человека, не имеющего ни гроша за душой. Как потом оказалось, португалец исподволь разузнал все подробности о финансовых затруднениях Тирадентиса, и полученные сведения были отнюдь не утешительными для претендента на руку его дочери.

Вот так несчастная любовь или коммерческие неудачи, а может быть, и то и другое, вместе взятое, послужили толчком, заставившим Тирадентиса надеть военный мундир. Как бы то ни было, но в 1769 году, когда Тирадентису исполнился двадцать один год, мы могли встретить его в гарнизоне драгунов Вила-Рики.

День за днем, месяц за месяцем, год за годом проходили, не внося существенных изменений в его жизнь, в его судьбу. Он, правда, сперва стал быстро подниматься по служебной лестнице и через семь лет после начала военной службы дослужился до звания прапорщика. В том же году декретом губернатора капитании был создан кавалерийский отряд, и прапорщик Тирадентис скоро стал в нем одним из наиболее уважаемых

людей. Прекрасный знаток сертанов, Тирадентис в лесах и горах капитании чувствовал себя как дома, и, когда возникала необходимость в рискованной экспедиции против бандитов или по вылавливанию шаек контрабандистов, эти задания чаще всего поручались отряду Тирадентиса. Однако, надев военный мундир, Тирадентис не думал прекращать деятельности врачевателя и зубодера. Во все походы он брал с собой сумку с медицинскими инструментами и в свободное время не упускал случая побродить по полям, лесам, окружающим дороги, и пополнить там запас лечебных трав. Говорили, что он завел даже дружбу с местными индейцами, а в те времена индейцы составляли почти восемьсот тысяч человек – шестую часть всего населения вице-королевства. Может быть, именно индейцы и научили Тирадентиса прекрасно распознавать травы, употребляемые им для исцеления от различных недугов.

20 февраля 1780 года на пост губернатора капитании Минас вступил Родриго Жозе де Менезес. Вскоре после пасхи из дворца губернатора в Вила-Рике выехала кавалькада вооруженных людей. Зеленая с красной отделкой форма свидетельствовала о принадлежности их к драгунам. Солдат было человек пятьдесят, что по тем временам составляло полный отряд. Во главе его на гнедом коне ехал Тирадентис. К седлам всадников не были приторочены сумки, в которые обычно драгуны клали одеяла и провизию на время непродолжительных экспедиций против контрабандистов. На этот раз сзади двигалось несколько повозок, доверху груженных поклажей. В середине отряда можно было разглядеть роскошный возок, запряженный четверкой лошадей. Все это указывало на то, что драгунам поручено сопровождать в длительной поездке по капитании какое-то высокопоставленное лицо. Так оно и было.

Новый губернатор Родриго Жозе де Менезес отправлялся в первую инспекционную поездку по территории вверенной ему капитании.

Губернатор вступил в должность полный честолюбивых планов, которые надеялся осуществить, дабы приумножить богатства португальской короны. И вот сейчас он ехал осматривать места, где собирался проводить новые дороги, желая облегчить строительство шахт по добыче золота и проезд к участкам, где работали гаримпейрос, добывавшие алмазы.

Золото и алмазы, алмазы и золото. Почему, говоря о богатствах Минаса, мы упоминаем только о них и о гаримпейрос, работавших на золотых и алмазных приисках?

Безусловно, в недрах земли Минаса хранились и другие богатства, но согласно строгим законам португальской короны жители капитании имели

право работать только на шахтах по добыче золота и драгоценных камней. Эта деятельность пользовалась всяческим покровительством местных властей. Однако ко времени, о котором мы ведем наш рассказ, богатые месторождения золота и драгоценных камней стали постепенно истощаться. Владельцы шахт бросали участки; то в одном, то в другом месте стали открываться новые фабрики, хозяева которых всеми правдами и неправдами стремились обойти португальские законы. Губернатор Родриго Жозе де Менезес, прибыв в капитанию, смотрел сквозь пальцы на такие нарушения законов, понимая, что строительство новых фабрик принесет с собой новые прибыли для португальской казны. Однако в то же время он хотел прослыть верным слугой португальской короны и на свой страх и риск решил организовать прокладку новых дорог к еще не изведанным и не тронутым месторождениям золота и алмазов. В конце каждой дороги он задумал разместить гарнизоны из драгунских отрядов, в задачу которых входила бы охрана рудников, борьба с контрабандой и поимка беглых рабов. Поставив перед собой такую цель, губернатор выехал в инспекционную поездку по капитании Минас, сопровождаемый отрядом под руководством Тирадентиса.

Отряд двигался очень медленно, так как дорога совершенно не была приспособлена для передвижения кареты, в которой восседал губернатор. Путешествие было довольно монотонным и однообразным. Во время остановок Тирадентис подолгу беседовал с Родриго Жозе де Менезесом, рассказывая о жителях края, о достопримечательностях мест, которые им предстоит посетить во время долгого пути. За месяц путешественники добрались только до границ района Тижучо. Когда от городка их отделял всего один четырехчасовой переход, губернатор приказал сделать короткий привал, во время которого солдатам велено было почистить оружие и привести в порядок обмундирование. Губернатор желал въехать в Тижучо при полном параде, чтобы местные жители прониклись сразу же большим уважением к новому губернатору.

На привале его превосходительство губернатор Родриго Жозе де Менезес завтракал, не выходя из кареты. Тирадентис выбрал тенистый уголок под стоявшим у дороги деревом, разложил на траве свой плащ и прилег, намереваясь немножко вздремнуть. Предыдущую ночь они ночевали на берегу речки в заброшенном ранчо, и назойливые москиты не дали ему сомкнуть глаз.

Тирадентис с наслаждением растянулся на земле, закинул за голову руки и сразу же заснул. Ему показалось, что прошло довольно много времени, и он уже начал видеть какой-то сон. Вдруг кто-то резко схватил

его за локоть.

– Прапррщик! Нас окружают бандиты!

Тирадентис быстро вскочил на ноги, схватив с земли плащ.

Место для привала было выбрано почти на самой вершине горы Итарамандиба, с которой прекрасно обозревалась вся окружающая местность. Тирадентис бросил взгляд вдоль склона горы и сразу же оценил опасность положения. За кустами и валунами, в обилии рассыпанными по склону, можно было рассмотреть вооруженных людей, одетых в потрепанные куртки и брюки из плохо выделанной кожи. Единственно правильным для отряда было занять круговую оборону. Тирадентис сразу же принял верное решение и приказал ни в коем случае не подпускать бандитов близко, чтобы не дать им возможности завязать рукопашную схватку. Драгуны чувствовали себя более уверенно на лошадях, но в пешем бою бандиты могли легко взять над ними верх. Послышались первые выстрелы. Бандиты стреляли из-за укрытий, но почему-то не пытались сблизиться и добраться до вершины горы. Прошло полчаса, и, хотя бандиты несли потери, несколько человек из отряда Тирадентиса также получили ранения.

– Прапорщик! Куда вы там запропалились? Подите-ка сюда, – вдруг услышал Тирадентис голос губернатора.

Тирадентис подошел к карете, стоявшей в безопасном месте, в центре площадки на самой вершине горы, куда не могли долетать пули и где жизнь губернатора пока не подвергалась никакой опасности. Вельможа полулежал на подушках, и лицо его было бледно от страха.

– Что вы медлите, прапорщик? – резким фальцетом закричал губернатор, увидев подошедшего командира отряда. – Почему вы не прикажете драгунам начинать атаку на бандитов? Двигаясь сверху, мы могли бы очень легко опрокинуть их и уничтожить. Неужели вы хотите, чтобы они постепенно расправились с нами, как с кроликами?

– Ваше сиятельство, мы не можем оставить наши позиции и перейти в наступление. Бандиты только этого и ожидают. Сейчас нас пятьдесят человек сконцентрировано в одном месте. Бандитов раза в три больше. Если мы станем спускаться с горы, то распылим свои силы, и они, набросившись по три человека на одного солдата, немедленно нас уничтожат. Нам нужно держать силы собранными в один кулак. Надолго у них выдержки не хватит. Кроме того, им желательно уничтожить нас как можно быстрее, потому что в любой момент сюда могут подойти патрули или какой-нибудь отряд из Тижучо, и тогда вся их затея сорвется. Запаситесь, ваша светлость, терпением. Как только они пойдут в атаку, мы

их уничтожим.

Действительно, через некоторое время, потеряв надежду выманить драгунов с вершины горы и заставить их начать преследование, бандиты сами пошли в атаку. Тут солдаты Тирадентиса показали, какую школу они прошли под руководством прапорщика. Пули косили ряды противника, и атакующие, не добравшись метров двадцать пять до вершины, стали с криками откатываться назад, потеряв больше половины своих людей.

И вот когда Тирадентис заметил, что бандиты стали скапливаться метрах в двухстах от дороги, ведущей к холму, он принял решение самому атаковать вражеские силы, оставив для охраны губернатора лишь группу в дюжину солдат.

Это было красивое зрелище. Заиграл рожок. Тирадентис взмахнул короткой саблей, прищпорил гнедую лошадку и помчался по дороге вниз с горы. За ним следовал всадник, державший в руке штандарт отряда. Несколько метров позади скакали остальные драгуны, и их сабли сверкали на солнце. По всей вероятности, вид у драгунов был довольно воинственный, потому что не успели они промчаться и половины расстояния, как в группе противника поднялась паника и бандиты стали разбегаться, несмотря на отчаянные призывы главаря дать отпор королевским драгунам. Сражение было недолгим. На лошадях драгуны с гиком и криками гонялись за мечущимися бандитами, настигая их и уничтожая, мастерски орудуя саблями.

Идя на сближение с противником, Тирадентис решил сам заняться главарем; и увидев, как тот бросился в заросли невысокого леса, спешился и нырнул за ним в чащу. Вряд ли кто-либо еще из драгунов осмелился бы на такой поступок. Но Тирадентису, многие годы проведенному в сертанах, лес был родным домом.

Несколько раз он терял из виду главаря бандитов. Но постепенно расстояние между ними сокращалось. Сначала Тирадентис не мог понять, на что рассчитывает бандит, все время придерживаясь одного и того же направления. Лес скоро кончался – Тирадентис хорошо знал эти места, – и там наверняка прапорщик должен был настигнуть врага. Вдруг Тирадентис вспомнил: ведь на опушке стоит хижина охотника. Видимо, бандит решил добраться до нее и воспользоваться ружьем, которое, когда охотник был дома, на всякий случай всегда висело заряженным на гвозде под крытой пальмовыми листьями крышей.

Да, бандит, несомненно, стремился к этой хижине. Когда главарь и его преследователь выскочили на опушку, Тирадентис увидел, что тот сможет осуществить свое намерение раньше, чем он догонит его. Тирадентис,

тяжело дыша, остановился и закричал:

– Жеронимо! Жеронимо! Убери ружье, – надеясь, что владелец хижины, охотник Жеронимо поймет его и сможет опередить бандита.

Однако тут произошло нечто совершенно неожиданное. Услышав призыв прапорщика, главарь вдруг остановился и повернулся лицом к своему преследователю.

– Тирадентис! Это ты?

Тирадентис, уже занесший было руку с саблей, едва удержался от удара.

– Жеронимо! – прошептал он вне себя от изумления. – Ты стал главарем бандитов? Как это могло случиться? Разве ты забыл, как я помог тебе встать на ноги и оправиться от болезни? И ты выступаешь против меня? Ведь ты же сказал, что всю жизнь будешь помнить эту добрую услугу. И вот теперь мой отряд с трудом отбивается от банды, во главе которой стоишь ты, Жеронимо.

Жеронимо в изнеможении опустился на землю.

– Ты можешь меня убить, Тирадентис, если не веришь. Но против тебя я не замыслил ничего худого. Я даже не знал, что это ты командуешь отрядом. Мы прослышали о поездке какой-то важной птицы в Тижуко и решили пополнить наши запасы пороха и оружия, а заодно уничтожить хотя бы одного португальского шакала.

– Что же тебе сделал плохого его светлость губернатор? – удивленно спросил Тирадентис. – Он первый раз в этих местах и только несколько месяцев как назначен в нашу капитанию.

– О каком губернаторе ты ведешь речь?

– Которого сопровождает наш отряд – о Родриго Жозе де Менезес.

– Мы ничего не знали о поездке губернатора. Просто думали: какой-то португальский чиновник. Но все равно, если бы я и знал о его чине, то и в этом случае не отказался бы от нападения. Все португальские власти на один манер. Только некоторые из них просто плохие, а большинство очень плохие. Я это знаю по себе.

– Откуда появилось такое ожесточение, Жеронимо? Я думал всегда о тебе как об очень выдержанном человеке, очень рассудительном мужчине. Ты даже своему сыну всегда говоришь: «Жоан, никогда не теряй головы, всегда будь спокойным и выдержанным». А тут вдруг я вижу тебя во главе шайки бандитов.

– Я говорил так Жоану. Сейчас мне уже некому говорить. Ты разве ничего не знаешь, что нет больше Жоана? Ни Жоана, ни жены? – И, заметив, как Тирадентис покачал головой, Жеронимо продолжал: – Четыре

месяца назад по распоряжению вице-короля Жоана повесили на площади Тижучо. Он, возвращаясь из Рио-де-Жанейро, привез в капитанию кусок полотна, не имея на то разрешения. Хотел сделать мне и матери подарок. Жандармы схватили его, держали два месяца под замком, пока из Рио-де-Жанейро не пришло решение повесить моего сына для острастки другим на площади в Тижучо. Я в то время был на промысле и ничего не знал о случившемся. Мать же, когда Жоана вели к виселице, бросилась к сыну и обхватила его руками. Жандармы не могли оттащить до тех пор, пока какой-то сержант не ударил мать саблей по голове. Так у меня не стало ни сына, ни жены. А ты удивляешься, почему изменился мой характер. Вот и вся история. Разве я по доброй воле стал бандитом? А теперь, если хочешь, можешь убить меня.

Тирадентис вложил саблю в ножны.

– Ты же знаешь меня, Жеронимо. Я не способен убить безоружного человека. Я не могу взять тебя в плен и отвезти к губернатору. Тебя неминуемо ждет виселица. Иди-ка на все четыре стороны.

– Но я, – вскричал Жеронимо, – не могу дать тебе слово прекратить убивать португальцев! Я буду бороться с ними, пока видят глаза, пока держат ноги и пальцы могут спускать курок ружья.

Тирадентис пожал плечами.

– Поступай так, как подсказывает тебе совесть, – тихо произнес он и, повернувшись, пошел по направлению к своим.

Выбравшись из чащи, Тирадентис добрался до поджидавшего его отряда, вскочил на гнедого коня и не спеша двинулся к вершине горы, где изнывавший от нетерпения губернатор жаждал услышать донесение командира отряда.

– Ну как?! – воскликнул португалец, увидев приближающегося Тирадентиса. – Удалось вам, прапорщик, уничтожить бандитов?

– Да, банды больше не существует, – ответил Тирадентис. – Только главарю посчастливилось скрыться.

До Тижучо группа добралась без каких-либо дополнительных приключений, но дальше губернатор ехать отказался. Переживаний, испытанных на горе Итарамандиба, оказалось для него вполне достаточно. И дон Родриго Жозе де Менезес принял решение вернуться в Вила-Рику. Перед тем как тронуться в обратный путь, он вызвал к себе Тирадентиса и сказал:

– Дорогой прапорщик, я очень доволен вашим усердием, я отдаю должное вашей храбрости и желаю вознаградить вас. Я подписал указ о назначении вас начальником отряда, которому доверено охранять район

Тижуко. В ваше распоряжение передаются все патрули, несущие службу на дороге между Тижуко и Вила-Рикой. Не сомневаюсь, что вы и в дальнейшем будете таким же верным слугой нашей августейшей повелительницы, королевы Марии Первой.

Губернатор отбыл в Вила-Рику, а Тирадентис остался в Тижуко. Он пробыл здесь почти три года, но за это время ни разу больше не встречался с Жеронимо. Видимо, несчастный охотник навсегда покинул эти места.

Служба Тирадентиса в Тижуко была не из легких. Район кишел вооруженными бандами, грабившими крестьян и нападавшими на владельцев ферм, в отличие от Жеронимо эти банды не руководствовались никакими высокими побуждениями, а действовали, влекомые лишь самыми низменными инстинктами и жаждой легкой наживы.

Однажды в Тижуко к Тирадентису прибыл гонец с фазенды Бордо-до-Кампо, сообщивший прапорщику, что в районе фазенды действует несколько банд, одну из которых возглавляет некий Монтанья. Орудую в лесах, окружавших гору Мантикейра вблизи Бордо-до-Кампо, они подготавливали нападение на фазенду, принадлежавшую полковнику Жозе Айресу Гомесу. Убежищем Монтанье и его людям были горные склоны, где он соорудил пещеры, служившие его банде жильем и складами для награбленного добра. Когда Тирадентис прибыл с одним из своих отрядов в Бордо-до-Кампо, то вместе с полковником Жозе Айресом Гомесом разработал план уничтожения бандитов. Почти каждый день отряд уходил на операции. Вокруг Бордо-до-Кампо временами разворачивались настоящие сражения. Через месяц всебандиты были уничтожены. Место Монтаньи, убитого в одной из схваток, занял цыган Жозе Галван, наводивший ужас на окрестных крестьян, так как он, нападая на крестьянские дома, вырезал всех жителей, не щадя ни женщин, ни детей. Тирадентису удалось захватить главаря банды, и на некоторое время в районе воцарилось спокойствие. После стычек с бандитами Тирадентис часто приезжал в фазенду к полковнику, и скоро они стали большими друзьями. Временами Тирадентис оставался ночевать в доме Жозе Айреса Гомеса. Тогда далеко за полночь они вели душевные разговоры.

Несколько лет назад, когда столицей вице-королевства была Баия, полковник жил там, но потом, не поладив с местными властями, был вынужден удалиться сюда, в капитанию Минас, приобретя небольшую фазенду в Бордо-до-Кампо. У него были обширные планы постройки в этом районе фабрики, но осуществить их он не мог из-за запрета португальских властей, не разрешавших в Бразилии производить какие-

либо товары, которые могли бы конкурировать с товарами, поступающими из самой метрополии.

После ликвидации банд в районе Тижучо обстановка стала довольно спокойной. У Тирадентиса появилось много свободного времени, и он использовал его, предаваясь своему любимому занятию: брал сумку с инструментами, садился на лошадь и отправлялся на несколько дней за десятки километров от города, навещая больных, собирая лекарственные травы, а с наступлением сумерек останавливался на ночлег в каком-нибудь ранчо и вел долгие беседы с крестьянами.

С каждым днем Тирадентис все отчетливее видел, какое зло приносит Бразилии португальское владычество. В то время вице-королевство было окружено как бы китайской стеной, отгораживающей его от всего остального мира. Португальцы не пропускали в Бразилию иностранцев, категорически запрещая им въезд в свою заокеанскую колонию. Но все же слухи о событиях в мире долетали и до бразильского вице-королевства. Однако в то время всем, в том числе и Тирадентису, португальское господство над Бразилией казалось настолько незыблемым и прочным, что даже одна мысль о возможности восстания против королевской власти казалась безумной и чудовищной.

Как-то в конце декабря 1781 года Тирадентис приехал к своему другу полковнику и попросил его об услуге. Дело в том, что за неделю до этого визита Тирадентис, объезжая с группой драгунов участок дороги, обнаружил недалеко от Тижучо распряженную повозку. Увидев драгунов, пожилой худощавый мужчина бросился к ним и стал умолять о помощи. Как выяснилось, это было семейство переселенцев, направлявшееся в Вила-Рику. Два дня назад они остановились в этом месте на ночлег. Ночью их лагерь подвергся нападению шакалов, и лошади, сорвавшись с привязи, в испуге убежали в селву. Мануэл да Силва – так звали переселенца – не смог найти убежавших животных, а между тем ему необходимо было как можно скорее добраться до ближайшего города, потому что в дополнение ко всем бедам вдруг занемогла жена Мария Жозефа да Силва. Положение их было отчаянным, и поэтому они с великой радостью встретили появление отряда драгунов. Тирадентис доставил потерпевших бедствие до Тижучо и как мог облегчил страдания жены Мануэла да Силва. Но лошадей для продолжения путешествия в Вила-Рику одолжить он не мог и пришел за содействием к полковнику. Жозе Айрес Гомес, правда не выказывая никакого энтузиазма, все же дал Тирадентису упряжку лошадей, предварительно взяв с него расписку, в которой говорилось об обязательстве Тирадентиса вернуть лошадей в полном порядке через

месяц. Пряча расписку в шкаф, Жозе Айрес Гомес ворчал:

– Ну какая тебе нужда, Тирадентис, возиться со всяким переселенцем? В наш век нельзя заниматься благотворительностью. Сколько здесь по капитании бродит разных нуждающихся, страждущих и прочего несчастного люда. И если каждому ты будешь уделять столько внимания, то так до конца своей жизни останешься бедным прапорщиком.

Тирадентис, слушая поучения полковника, в ответ только улыбался. Безусловно, у Жоакина Жозе было доброе сердце, но в данном случае причина его поведения заключалась в другом. С того самого момента, как отряд драгунов приблизился к одиноко стоявшей повозке, Тирадентис обратил внимание на девушку, чье миловидное лицо он заметил в глубине под старым тентом. Это была одна из трех дочерей Мануэла да Силва – Эухения Жоакина. Тирадентис, правда, еще не разобрался в овладевших им чувствах и даже сам себе не мог признаться, что во всех этих хлопотах он принимает такое горячее участие из-за прекрасных глаз Эухении Жоакины.

Отобрав одолженных ему лошадей, Тирадентис уже собирался покинуть фазенду полковника, как тот окликнул его:

– Слушай, Тирадентис! Как ты собираешься провести рождественские праздники?

– Пока никаких планов у меня нет. Видимо, так же, как и в прошлый год, – в казарме, вместе с товарищами.

– Мы с женой, – заметил полковник, – были бы очень рады видеть тебя у себя после вечерней мессы.

– Спасибо, полковник. Передайте мою благодарность жене. Это лучший вариант, который только я могу себе представить. Очень приятно, что кто-то вспомнил обо мне в канун рождественских праздников.

В рождество за небольшим столом в зале фазенды полковника сидели три человека: хозяин, его жена и Тирадентис. Заботливая жена полковника наготовила различной снеди, а на полу стояли две большие оплетенные бутылки красного вина. Мужчины по очереди произносили тосты, Тирадентис предложил поднять тост за бразильскую землю, за ее будущее. Жозе Айрес Гомес засмеялся.

– Хороший ты человек, Тирадентис! Но мечтатель и фантазер. Вот сейчас ты поднимаешь тост за свою бразильскую землю и готов обнять весь мир, который кажется тебе прекрасным. Ну, а о нас кто-нибудь подумал? Почему сейчас, в этот момент, никто не поднимет тост ни за полковника Жозе Айреса Гомеса, ни за его прекрасную жену, ни за прапорщика Тирадентиса – Жоакина Жозе да Силва Шавьера. Давай лучше выпьем тост за нас, – и полковник поднял свой стакан, до краев

наполненный красным вином.

2. БЛАГОДАРНОСТЬ КОРОЛЕВЫ

Полковник Жозе Айрес Гомес был не прав. Именно в этот момент за здоровье Тирадентиса поднимало бокалы все высшее общество Вила-Рики, собравшееся в губернаторском дворце на рождественский прием.

Подготовка к празднику в Вила-Рике началась задолго до его начала. С самого раннего утра в домах богатых горожан царила суматоха. Рабы выносили из комнат ковры, вешали их во внутренних двориках и выбивали скопившуюся за год пыль. Служанки пришивали последние кружева к праздничным нарядам господ. Девицы отбирали самые пышные юбки с кринолинами и придирчиво осматривали веера и шляпки, готовясь к большому событию – балу в губернаторском дворце. И суровое наказание ожидало ту служанку, которая по недосмотру предлагала госпоже надеть корсет, в котором была погнута металлическая проволока или сломана костяная прокладка.

В каждом доме глава семьи загодя давал инструкции рабам, в обязанности которых вменялось нести женщин от дома к дворцу в кадейрнињяс. Эти кадейрнињяс были похожи на клетки, закрытые со всех сторон шторками и прикрепленные к двум параллельным палкам. Внутри клетки дама садилась на скамеечку, два раба на плечи клали палки, и дама отправлялась в путь.

Наиболее грандиозные приготовления шли в губернаторском дворце. В восемь часов вечера недалеко от дома и в самом дворе сновали рабы, которые устанавливали светильники, фонари, чтобы гости могли спокойно пройти по иллюминированной дороге к дому и не упасть, споткнувшись о какую-нибудь кочку. Светильники устанавливались на подоконниках, на верандах и даже в саду на тропинке, ведущей к службам. Наконец все готово к празднику, зажжены свечи, и двухэтажный дворец озарен сотнями веселых огоньков.

К этому времени начинают стекаться и гости. Первыми почему-то всегда приезжают местные военачальники. Раньше всех появляется подполковник Франсиско де Паула Фрейре де Андраде, под командованием которого находится местный гарнизон драгунов. Потом мы видим подполковника Домингоса де Абреу Виейру, полковника Алваренгу Пейшото и его жену донну Барбару Элиодору, подполковника Базилио де Бритто Мальейро и других. Затем приезжает местный судья Томас Антонио Гонзага Гонзага холостяк, и его приход всегда вызывает оживление у части

женского общества, находящейся, как говорят, на выданье и мечтающей о блестящей партии. Вслед за Гонзагой слуги объявляют о высокопоставленных служащих королевской казны, подъезжающих почти к самому подъезду верхом на мулах, которых, как правило, ведут под уздцы черные как уголь рабы.

Женщины благоухают одеколоном, и по волнам аромата, исходящим от изумительных красавиц, можно определить состояние финансов их мужей. Если вы чувствуете запах одеколона «Унгрия» (Венгрия), то это элита, если же – «Кордобы», то это ранг поменьше. Правда, у губернатора собирался высший свет, и чувствовалось, что перед приемом гости вылили на себя по меньшей мере целый галлон «Унгии».

Декабрь – один из самых жарких месяцев в Вила-Рике, но, несмотря на жару, все облачены в очень теплые одежды. У многих женщин рукава нарядов и накидки оторочены мехом.

Примерно к девяти часам съезд гостей заканчивается. Народу в зале столько, что трудно дышать. Женщины, сидя на скамейках вдоль стены, обмахиваются громадными веерами из страусовых перьев или из плотной бумаги. Мужчины стараются пристроиться поближе к дверям или к окнам в надежде глотнуть свежего воздуха. Наконец дается знак оркестру. Грянула музыка, и начинаются бальные танцы. Танцуют гавот, французский менуэт, но чаще всего менуэт португальский. Любителей танцевать не так уж много, большинство – зрители. Они обмениваются замечаниями и иногда аплодируют какому-нибудь оригинальному танцору, который, наиболее элегантно завершив прыжок притопыванием, отвечает вслед за этим глубокий поклон. После нескольких танцев поэты начинают читать стихи. Как всегда в подобных случаях, в центре внимания оказывается судья Томас Антонио Гонзага. Он выходит на середину зала и декламирует специально для праздника сочиненные новые вирши на рождественские темы. Девушки при этом ревниво смотрят, на кого, читая стихи, устремит свой взор холостяк Гонзага. Но Гонзага декламирует, опустив глаза долу. Нет, он так ведет себя отнюдь не из скромности. Просто на макушке у поэта небольшая лысина, о которой все знают, но которую сам Гонзага тщательно скрывает. Не будь этой нелепой лысины, Гонзага, безусловно, гордо поднял бы голову, чтобы произвести еще большее впечатление на всех присутствующих. Потом декламирует Алваренга Пейшото и, наконец, самый признанный авторитет в области поэзии – Клаудио Мануэл да Коста. Некоторые из стихов, видимо, не являлись значительным вкладом в развитие поэзии XVIII века, но присутствующие были настроены очень либерально, и после каждого стихотворения раздавались аплодисменты и

восторженные возгласы. «Очень хорошо!», «Браво!»

После поэтов, как всегда, началась игра в прятки. Правда, гожилые люди участия принимать в ней не стали, а удалились в другие залы, где одни сели за карточные столики, а другие устроились поудобнее в широких деревянных креслах и принялись перемывать косточки ближним.

Гонзага, чуть поколебавшись, решил остаться в зале вместе с молодежью, где после прятков принялись играть в «попугая». Конечно, госпожой выбрали племянницу губернатора. Она-то пригласила быть «попугаем» Гонзагу. Предложение немного покорило поэта, но он согласился. Племянница губернатора, одетая в розовое шелковое платье с пышным кринолином, отвернувшись от Гонзаги и тоненьким голоском закричала:

– Где вы были, попугай? Где вы были, попугай?

Гонзага отвечал:

– Я был в поле. Я был в поле.

– Что же вы там видели?

– Птицу видел я.

– Какую птицу видели вы там?

– Розовую птицу.

Услышав последние слова Гонзаги, племянница повернулась и, протянув руку к одному из гостей, воскликнула:

– Как ее зовут?

– Фламинго, – последовал быстрый ответ.

Все захлопали в ладоши и закричали: «Правильно». Игра продолжалась. Когда же кто-то из гостей на вопрос «Какую белую птицу вы видели?» ответил невпопад: «Тукана», то все засмеялись и потребовали фант. Туканов белых не бывает. Игра шла до тех пор, пока у хозяйки не собралось штук десять фантов. И тогда проштрафившиеся снова играли на клавесине религиозные песни и декламировали рождественские стихи. Авторство некоторых из этих стихов принадлежало Гонзаге. И ущемленное самолюбие Гонзаги, выполнявшего роль «попугая», было удовлетворено, когда часть аплодисментов была адресована не только исполнителю стихов, но и ему, автору.

Но вот все игры закончены, и гости направились к столу.

Вы не можете себе представить, что это был за стол! На больших блюдах возвышались горы аппетитного мяса. Здесь была говядина жареная и говядина, приготовленная на вертеле, но, безусловно, главное место занимали расположенные в центре блюда с жареными поросятами. Затем шли тарелки с козленком, облитым зеленым соусом, и козленком, облитым

яичными желтками. А куриц, уток, индюшек, причем индюшек с ножками, обложенными креветками и устрицами, было не перечить! Стол был колоссальной длины. Но, несмотря на его исполинские размеры, толкотня вокруг него была порядочная. Правда, дам пропускали вперед. В то время в Бразилии столовых приборов еще не употребляли, и даже во дворце губернатора, даже на званых обедах в ход пускались пятерни. Многие гости обладали очень хорошим аппетитом, и у некоторых изо ртов, набитых жареной говядиной, свисали длинные жирные мясные волокна, которые временами падали на скатерть или прямо на пол.

Бразильская модница конца XVIII века.

Казалось, всю эту массу снеди трудно уничтожить даже такому количеству приглашенных гостей. Однако через каких-нибудь пятнадцать-двадцать минут на столе валялись лишь одни тщательно обглоданные кости. Мужчины ели вволю, от них не отставали и женщины, которые хотя и заботились о талии, но при этом возлагали очень большие надежды на костяные и металлические корсеты и кринолины.

Тщательно вытерев руки о скатерть, мужчины с вождением поглядывали на боковые двери, словно еще чего-то ожидая. Ну конечно, они прекрасно знали наизусть весь ритуал праздника. Двери раскрылись, впусив вереницу рабов, несших подносы, заставленные наполненными до краев стаканами с вином. И какое это было вино! В губернаторских подвалах хранились лучшие сорта божественного напитка, доставленного

из королевских дворцовых запасов. За рабами с подносами вошли женщины-рабыни, которые несли блюда с десертом. Здесь вы могли попробовать и королевские пышки, и кус-кус, и сладкий рис. Компот в чашах и желе на тарелочках были приготовлены в соответствии с рецептами великого Лукаса Риго, одного из чародеев кухни ее величества. Рецепты Риго были в то время своеобразной библией эпикурейцев. Они были собраны в отдельной книжке, единственной светской книге, дозволенной португальскими властями к ввозу в вице-королевство.

Ах, до чего были вкусны эти сладости! Пальчики оближешь! Но, к сожалению, и в то время считалось неприличным облизывать пальчики, и поэтому, перед тем как потянуться за следующим лакомым куском, дамы вытирали ручки платочками. Правда, были среди дам и такие, кто норовил незаметно вытереть их о губернаторскую скатерть, не открыто, как это делали мужчины, а совсем незаметно.

Но вот послышался звон колоколов, призывающих всех верующих на ночную мессу. Все засуетились у выхода из дворца. Мужчины разыскивали свои треуголки, трости, плащи, а женщины – мантильи, рабы спешно зажигали факелы и все оставшиеся в доме фонари, торопясь осветить дорогу гостям. Наконец один за другим все медленно вышли из дворца и чинно отправились в церковь. После мессы праздник не окончился. Процессия, сопровождаемая слугами с горящими факелами и фонарями, выйдя из церкви, направилась опять в губернаторский дворец.

Все вошли в зал, и распорядитель вечера уже собрался было дать сигнал музыкантам начинать очередной танец, как у парадного крыльца дворца послышался звон подков о булыжную мостовую и в помещение вошел драгунский офицер в запыленном мундире. Отыскав взглядом губернатора Родриго Жозе де Менезес, он решительным шагом направился к нему, держа в руке треуголку, и, не доходя нескольких метров, отвесил глубокий поклон.

Затем, вынув из висевшей на боку сумки белый, скрепленный печатями пакет, произнес:

– Послание вашей светлости от ее величества королевы Португалии.

По залу пробежал легкий шепот, и все замерли в благоговейном молчании. Родриго Жозе де Менезес принял пакет и торжественно удалился в соседнюю комнату. Вскоре он вышел, держа в руке развернутый лист плотной бумаги.

– Дамы и господа! – произнес губернатор. – Знаменательно, что в этот светлый праздник один из подданных августейшей особы удостоился ее личной благодарности. Разрешите, я прочитаю вам текст письма «Я, донна

Мария, божьей помощью королева Португалии, Азорских островов, от края и до края моря Африканского, госпожа Гвинеи, покровительница навигации и торговли Эфиопии, Аравии, Персии, Индии, своим высочайшим повелением объявляю благодарность прапорщику Жоакину Жозе да Силва Шавьеру, командиру патруля новой дороги Рио-де-Жанейро – Тижуко – ВилаРика, за смелость и храбрость, проявленную им при очистке данной территории от банд грабителей и убийц, причинявших неудобства моим подданным в капитании Минас», – губернатор читал текст торжественно, останавливаясь после каждой фразы, чтобы произвести еще большее впечатление на присутствующих. Дойдя до последней строчки послания, он осторожно сложил его и спрятал в карман камзола. – Дамы и господа! – произнес он еще раз. – Я предлагаю поднять тост за скромного подданного ее величества королевы Марии Первой, прапорщика Жоакина Жозе да Силва Шавьера, который, не щадя живота своего, служит португальской короне и метрополии.

Послышались аплодисменты, возгласы «упа», мужчины и дамы подняли бокалы с вином из подвалов губернатора. Они пили за Тирадентиса, хотя почти все впервые слышали это имя и до этого момента даже не подозревали, что существует на земле капитании Минас какой-то прапорщик по прозвищу Тирадентис.

Вот так и получилось, что, в то время как Тирадентис в Бордо-до-Кампо сидел за столом вместе с полковником Жозе Айресом Гомесом и его женой, в столице капитании цвет местного общества поднимал бокалы за его здоровье. И поэтому прапорщик несказанно удивился, когда через несколько дней специальный гонец доставил ему распоряжение губернатора Родриго Жозе де Менезес срочно явиться в губернаторский дворец в Вила-Рике. Тирадентис принялся перебирать в уме все прегрешения по службе, стараясь угадать, в чем мог не потрафить начальству. Казалось бы, никаких упущений с его стороны за последнее время не было. Видимо, решил он, губернатор и вице-король, наконец, вспомнили о нем и решили продвинуть по служебной лестнице. Это было бы как нельзя кстати.

Все друзья и знакомые Тирадентиса говорили, что он довольно долго засиделся в прапорщиках и пора бы ему стать хотя бы лейтенантом. Тирадентис и сам придерживался такого мнения. К тому же его самолюбие непрерывно подвергалось в этом отношении бесконечным испытаниям. Например, Валерио Мансо в течение шести лет служил солдатом под командованием Тирадентиса, а потом его сразу произвели в лейтенанты. Кадет Фернандо де Васконселос шесть лет выполнял Указания Тирадентиса, а

потом тоже стал лейтенантом. Антонио Жозе да Араужо оказался еще более удачливым – перескочив через несколько ступенек, он сразу получил звание капитана. Да мало ли было людей, обошедших Тирадентиса. Взять хотя бы того же Томаса Жоакина, который, как и Тирадентис, был прапорщиком, а сейчас уже ходит в капитанах. Кроме того, все они оставались служить в драгунах и теперь уже сами отдавали приказы Тирадентису. Нельзя сказать, чтобы Тирадентис был не чувствителен к подобным несправедливостям. И вот сейчас по дороге в губернаторский дворец.

Тирадентис мечтал вернуться в Тижучо хотя бы со знаками отличия лейтенанта.

В Вила-Рику он приехал поздно вечером, когда город уже засыпал. Еще рано утром у Тирадентиса кончились взятые с собой продукты, но приходилось терпеть до следующего дня, потому что согласно давнишнему, еще от 5 августа 1755 года, распоряжению интенданта Тижучо, Диамантины и Вила-Рики категорически запрещалось продавать или покупать что-либо после захода солнца. Во всех лавках, кафе и на базарах висели эти распоряжения, и многие из них давно уже выцвели от солнца, а буквы смыты дождем, но на некоторых все еще можно разобрать текст, который гласил: «Довожу до сведения всех торговых людей этого континента (видимо, континентом интендант называл капитанию Минас), что после того, как в церквах будет пропета „Аве Мария“, запрещается продавать в лавках любые продукты и изделия, а если будет замечено, что кто-либо продает что-то после указанного времени, виновный будет выслан, а перед этим посажен за решетку. Так же подвергнут аналогичному наказанию любого, который позволит пребывание в своем доме днем или ночью раба, помимо своей домашней прислуги. Такому же наказанию подвергнут каждого, кто даст приют в своем доме лицу, высланному из подчиненной мне территории. Запрещаю под страхом тяжкого наказания вести торговлю в переулках или закоулках, поскольку весь товар, предназначенный для продажи, должен доставляться на улицы и раскладываться на видном месте». Каждый, кто умел читать в капитании, столько раз видел это распоряжение, что, вероятно, знал его наизусть. Поэтому Тирадентис смирился с вынужденным постом до наступления следующего утра.

Он ехал, погруженный в свои мысли, машинально направляя лошадь по дороге, ведущей к губернаторскому дворцу. И, даже въехав в город, он не пришпорил коня, опасаясь наскочить в темноте на запоздалого прохожего. Улицы Вила-Рики не освещались, и только из коридоров домов, у открытых дверей которых по распоряжению палаты Вила-Рики до десяти

часов вечера висели зажженные фонари, на проезжую часть улицы ложились слабые полосы света.

Подъехав к одной из таких дверей, Тирадентис посмотрел на свои часы. Без четверти десять. Через пятнадцать минут должен зазвучать сигнал к полной тишине. Тирадентис подстегнул коня: неудобно являться к губернатору чересчур поздно. Войдя во дворец, он попросил дежурного офицера, если возможно, доложить губернатору о приезде прапорщика Жоакина Жозе да Силва Шавьера, прибывшего из Тижучо по приказанию его светлости.

Губернатор еще не спал, разбирая в своем кабинете какие-то бумаги.

– Приехал мой друг из Тижучо? – услышал Тирадентис голос губернатора. – Пускай идет сюда. Я рад его видеть.

Тирадентис вошел и по всей форме доложил о своем прибытии.

– Садитесь, садитесь, дорогой прапорщик. Я вызвал вас, чтобы сообщить приятную весть.

Тирадентис стал само внимание. Подойдя к стенному шкафу, губернатор открыл массивную дверцу и вынул знакомый уже нам пакет.

– Наша августейшая повелительница, ее величество королева Португалии донна Мария Первая осчастливила вас, прапорщик, велел передать личную благодарность за верную и хорошую службу. – Произнеся эту фразу, губернатор развернул письмо королевы и стал читать с таким упоением и восторгом, как будто благодарность была адресована не Тирадентису, а ему, губернатору. Он читал так прочувствованно, что совершенно забыл о присутствии Тирадентиса. А тот первое мгновение не смог скрыть своего разочарования. Так это из-за одной благодарности его заставили совершить такое путешествие! Он-то думал о продвижении по службе, о звании лейтенанта и – наивный человек! – мечтал даже о ранге капитана.

Однако служба есть служба. Выслушав до конца текст письма королевы, Тирадентис поклонился и произнес уместные для такого случая слова благодарности и признательности.

– Вот так, друг Тирадентис, – фамильярно сказал губернатор, – я от себя лично тоже поздравляю вас. А сейчас можете идти. Даю вам трехдневный отпуск. Потом вы должны вернуться к несению службы в Тижучо. Надеюсь, в ближайшее время мне удастся совершить еще одну поездку, и тогда мы с вами снова получим возможность попутешествовать и провести приятно время.

Аудиенция окончилась. Тирадентис вышел и направился к мосту Росарио в свою аптеку, зная, что его компаньон, священник Франсиско

Феррейра да Кунья, давно уже ждет его приезда. Дорога шла мимо рынка, который находился на площади Морро-де-Санто-Китерия. Это был не просто рынок, а рынок рабов. Один из двух рынков купли и продажи рабов Вила-Рике. Тирадентис старался прижать лошадь поближе к краю тротуара. На площади были врыты столбы, и сейчас в темноте слышались звон кандалов и лязг цепей. Приехавшие из дальних районов капитании хозяева живого товара на ночь прикрепляли цепи, которыми заковывались рабы, к столбам, а сами уходили ночевать на постоянные дворы или к знакомым и родственникам. Бывали дни, когда на рынке скапливалось до сотни рабов, предназначенных для продажи.

На другое утро Тирадентис проснулся, как всегда, очень рано, но потом подумал, что в его распоряжении три свободных дня, и хотел еще немного понежиться в постели, но вдруг вспомнил об Эухении Жоакине, прекрасной дочке португальского переселенца.

Разыскать семью португальца было делом не таким-то сложным, и к обеду Тирадентис уже стучался у ворот дома старого знакомого.

В коридоре слышались легкие шаги, стукнула щеколда, и дверь чуть-чуть приоткрыли. Женский голос спросил:

– Что желает господин? – Но потом, видимо узнав Тирадентиса, воскликнул: – О господин прапорщик! Входите, входите, пожалуйста!

Тирадентис не заставил повторять приглашение и переступил порог. Он сразу же заметил, что голова женщины повязана черным платком в знак траура.

– Что случилось, донна? – спросил в испуге Тирадентис, подумав, не стряслась ли беда с Эухенией Жоакиной.

Женщина закрыла лицо руками и заплакала.

– Муж, мой муж умер две недели назад. Я осталась одна, как божий перст, одна в чужом мире.

Тирадентис остановился в нерешительности у входа, не найдя слов утешения. Вдова вытерла слезы.

– Входите, сеньор прапорщик. Дети будут вам так рады. Теодоро, Франсиско, Эухения, Леонардо, Мария, дети, посмотрите, кто нас навестил! – закричала вдова, созывая сыновей и дочерей.

У Тирадентиса перехватило дыхание, когда он увидел ту, ради которой пришел в этот дом. Эухения Жоакина заметила пристальный, устремленный на нее взгляд, покраснела и смущенно потупилась.

Тирадентис недолго пробыл в доме у вдовы и не смог даже словом перекинуться с девушкой. Попрощавшись, он обещал зайти завтра, а сам принялся раздумывать, как бы ему поговорить с Эухенией Жоакиной

наедине. Он строил самые хитроумные планы, но не мог придумать ничего лучшего, как дождаться вечерней мессы и посмотреть, в какую церковь пойдет семья да Силва.

Для влюбленных, как известно, не существует никаких преград, и к концу своего отпуска Тирадентису удалось несколько раз поговорить с Эухенией Шоакиной. Правда, сделать это удалось лишь потому, что Тирадентис, по-видимому, тоже был не безразличен Эухении Жоакине. Молодая девушка явно чувствовала симпатию к стройному прапорщику. Как бы то ни было, но огорчения, связанные с рухнувшими надеждами на получение чина лейтенанта, быстро забылись, вытесненные приятными мыслями о предстоящих новых свиданиях с любимой, как только в доме окончится траур. Тирадентис возвращался в Тижучо в самом прекрасном расположении духа.

Прошел год, и Жоакин Жозе получил от Эухении Жоакины согласие стать его женой. К этому времени братья девушки Теодоро и Франсиско пошли служить в армию, а мать, ненадолго пережив своего супруга, умерла. Поэтому разрешения на брак Эухении Жоакине испрашивать было не у кого. Правда, молодые люди официально не зарегистрировали свой союз в церкви, но это не мешало им быть счастливыми. В 1783 году Эухения Жоакина подарила Тирадентису сына. Его называли Жоан. Однако молодой паре пришлось вскоре испытать горечь разлуки. 10 октября 1783 года губернатору Родриго Жозе де Менезес пришел на смену Луис да Кунья де Менезес, который приобрел печальную известность среди жителей капитанни из-за беззаконий, которые творил на территории Минаса. С приездом нового губернатора изменилась и судьба Тирадентиса. По приказу Куньи де Менезес Тирадентиса перевели служить в Рио, где он пробыл несколько лет. Но этот период его биографии не представляет для нас особого интереса, и мы с вами продолжим рассказ о жизни нашего героя, встретившись с ним в тот момент, когда Тирадентис в 1788 году, получив трехмесячный отпуск, приехал из Вила-Рики в столицу вице-королевства город Рио-де-Жанейро. А пока поведаем вам о событиях, которые произошли в этом же году в Европе.

3. СВЕЖИЕ ВЕТРЫ РЕВОЛЮЦИИ

То было горячее время в истории Европейского континента. Политические бури потрясали Францию. Революционные идеи волновали умы передовых людей многих стран. Крамольный дух проникал даже в Португалию.

В то время в университетах Европы училось некоторое количество молодых людей из различных капитаний Бразилии. Были среди них и уроженцы Минаса.

Наибольшее число студентов из Минаса обучалось в португальском университете города Коимбра. В середине восьмидесятых годов там насчитывалось девять минейрос. С двумя из них, Жозе Алваресом Масиелом и Домингосом Видалом Барбозом, нам еще предстоит встретиться с вами в дальнейшем.

Сейчас же нас интересует больше Жозе Жоакин да Майя – студент-медик, занимавшийся во французском университете Монпелье. В отличие от своих товарищей в университете Коимбра Жозе Жоакин да Майя был выходцем из семьи простого каменщика и, конечно, не мог жить во Франции на десять контос, которые отец, выкраивая из своего скудного бюджета, ежегодно присылал ему. Жозе Жоакин да Майя не брезговал никакой работой и, кое-как сводя концы с концами, упорно занимался в университете, мечтая как можно скорее вернуться на родину, начав приносить пользу своему народу. До приезда во Францию Жозе Жоакин да Майя учился в семинарии Рио-де-Жанейро. Он был первым учеником, и его выдающиеся способности профессора неоднократно отмечали. Только благодаря вмешательству профессоров ему и удалось пересечь океан и поступить в университет.

Жозе Жоакин да Майя считался очень начитанным и образованным человеком для своего времени. Он внимательно следил за политической жизнью в Европе, с восторгом наблюдал борьбу за независимость английской колонии на Американском континенте и мечтал о том времени, когда и его родина, Бразилия, освободится от португальского ига. Постепенно у Жозе Жоакина да Майя созрел план, который казался ему блестящим, – план организации восстания в Бразилии против португальского владычества. Однако, по замыслу Жозе Жоакина да Майя, для реализации плана были необходимы участие и поддержка иностранных держав, в первую очередь Соединенных Штатов. Услышав, что в середине

1787 года в Париж прибыла делегация нового американского государства для заключения торгового договора с Францией, Жозе Жоакин да Майя решил во что бы то ни стало встретиться со своим кумиром Томасом Джефферсоном, который входил в состав американской делегации, а после завершения ее миссии остался во Франции консулом Соединенных Штатов. Приезд американской миссии во Францию оказался как нельзя более подходящим для его планов.

Утром 2 октября 1787 года Жозе Жоакин да Майя, сославшись на недомогание, не пошел на лекцию в университет, а остался дома. После ухода товарищей, с которыми вместе снимал комнату в пригороде Монпелье, он запер за ними дверь, достал стопку чистой бумаги, тщательно отточил перо и, аккуратно выводя каждую букву, начал писать послание Джефферсону.

«Я родился в Бразилии. Вам известно, что моя родина стонет под игом ненавистного рабства. Со времени завоевания вашей славной независимости положение наше становится с каждым днем все нетерпимее, так как португальские варвары боятся, что мы последуем вашему примеру, и не брезгают ничем, дабы сделать нас еще более несчастными. Зная, что эти захватчики не думают ни о чем другом, кроме того, чтобы, попирая законы природы и человеческой справедливости, угнетать нас, мы решили последовать вашему примеру и возродить нашу умирающую свободу. Разорвав цепи, возродить свободу, попранную силой – единственной опорой европейской власти над Америкой. Мы надеемся, что какая-нибудь держава окажет помощь бразильцам, потому что, без сомнения, Испания объединится с Португалией. И, несмотря на то, что мы будем иметь преимущество в оборонительной войне, мы не в силах одни завершить успехом эту оборону, не можем рассчитывать на полную победу. Естественно, что в нашем положении наши взоры обращаются к Соединенным Штатам, потому что мы следуем их примеру... С нашей стороны мы готовы собрать необходимые средства и сохраним на вечные времена благодарность тем, кто придет к нам на помощь...» И дальше Жозе Жоакин да Майя приписал: «Если вы хотите сообщить о нашем плане в вашу страну, я готов представить вам необходимые детали». Подумав, он поставил внизу подпись: «Вендек».

Безусловно, Жозе Жоакин да Майя фантазировал, сообщая Томасу Джефферсону о том, что в Бразилии решили последовать примеру Соединенных Штатов. И, даже сообщая американскому консулу о готовности заговорщиков собрать необходимые средства, предлагал представить планы заговорщиков на рассмотрение Джефферсону. На самом

деле никакого плана заговорщиков не существовало, и поэтому не могло быть никаких деталей. К тому времени существовал всего лишь один-единственный заговорщик – Жозе Жоакин да Майя. Правда, он был одержим идеей освобождения своей родины от португальцев, но, безусловно, этого было совершенно недостаточно, чтобы начать дело освобождения Бразилии.

Однако это не волновало Жозе Жоакина да Майя. Единственная задача, которую он ставил перед собой, сочиняя письмо Томасу Джефферсону, заключалась в установлении контакта с представителем Соединенных Штатов – единственной, по его мнению, страны, от которой в то время заговорщики могли ожидать реальной помощи в случае восстания в Бразилии. Главное для Жозе Жоакина да Майя состояло в получении согласия от Джефферсона на свидание с ним. Добившись свидания, студент надеялся на свое красноречие, с помощью которого думал убедить великого американца в необходимости поддержки будущей бразильской революции.

Тщательно заклеив письмо, Жозе Жоакин да Майя отнес его к знакомому торговцу, отправлявшемуся на другой день в Ним, где тогда находилась резиденция Джефферсона, попросив передать послание прямо в руки американскому консулу.

Каждый день Жозе Жоакин да Майя с нетерпением ожидал прихода почтальона, надеясь получить ответ из Нима. Наконец, когда он уже совсем отчаялся и решил без приглашения отправиться в Ним и добиться свидания с Джефферсоном, пришел долгожданный ответ. Очень краткий, составленный в сдержанных тонах, он тем не менее давал согласие Джефферсона на свидание с Жозе Жоакином да Майя. «Если, – говорилось в письме, – тот считает такое свидание необходимым для изложения своей точки зрения по интересующим его вопросам».

И вот прохладным зимним утром скромно одетый молодой человек дернул за звонок калитки, ведущей в сад дома, который снимал американский консул во Франции Томас Джефферсон. Привратник открыл дверь и спросил, что угодно посетителю.

– Я хотел бы поговорить с господином Томасом Джефферсоном. Он знает о моем приезде. Я прошу передать, что аудиенции с ним ожидает Вендек. Вы не забудете? Вендек.

Привратник попросил войти его в дом, а сам пошел в дальние комнаты доложить о посетителе. Вернувшись, он жестом пригласил господина Вендека следовать за ним.

Томас Джефферсон сидел в своем кабинете и что-то медленно писал, сосредоточенно морща лоб. Услышав скрип открывшейся двери,

Джефферсон поднял голову, устало оперся обеими руками о край стола и поднялся с кресла. Сделав навстречу посетителю несколько шагов, он протянул руку.

– Джефферсон.

– Вендек, – ответил тот. – Я писал вам письма и подписывался Вендек, настоящее имя мое Жозе Жоакин да Майя. Я врач, вернее, будущий врач, заканчиваю изучение медицины в университете Монпелье. Вы знаете из моего письма, я постоянно живу в Бразилии. Мне бы очень хотелось с вами посоветоваться и рассказать о наших планах.

– Ну что ж, господин Вендек, – с улыбкой сказал Джефферсон, – вы разрешите мне вас по-прежнему называть Вендек, потому что ваше полное имя несколько трудновато. Для моего англосаксонского слуха, так же, впрочем, как и французские имена.

– Да, да, конечно, это не имеет никакого значения.

Пройдя в небольшой зал, Джефферсон и Жозе Жоакин Да Майя уселись недалеко от камина в глубокие кожаные кресла. Джефферсон вопрошающе посмотрел на собеседника, предлагая ему начать разговор.

– Я благодарю вас, господин Джефферсон, за то, что вы внимательно прочитали мое письмо, и за ваше любезное приглашение приехать сюда и изложить мои взгляды на положение в Бразилии.

Джефферсон чуть заметно улыбнулся.

– Ну что вы, господин Вендек! Зачем так преувеличивать мою роль? Я просто ничего не имел против вашего предложения приехать сюда и рассказать мне о делах, которые вас так волнуют. Двери моего дома открыты для всех, кто хочет со мной встретиться.

– Да, да, – перебил его Жозе Жоакин да Майя, – мы знаем, что вы, американцы, только что добившиеся независимости, с большой симпатией относитесь к борьбе других народов, которые тоже хотят вырваться из-под иностранного ига. – Он уже собирался произнести целую тираду о независимости, о борьбе за свободу, но Джефферсон тихонько дотронулся до рукава камзола студента.

– Господин Вендек, я готов выслушать о ваших планах борьбы в Бразилии. Вы мне обещали рассказать о том, как готовится революция на вашей родине. Я – весь внимание.

Наступил самый ответственный для Жозе Жоакина да Майя момент. Юноша глубоко вздохнул, как бы собираясь с мыслями.

– Господин Джефферсон, я думаю, что даже вы не можете иметь полного представления о положении, сложившемся в Бразилии. Возьмем, например, мою родную капитанию Минас. До отъезда в семинарию я жил

там. Там сейчас живет мой отец. Несколько раз в год я получаю оттуда письма. Вы видели, как живут крестьяне во Франции? Это очень бедные люди. Но по сравнению с моими соотечественниками они крезды. У нас царят нищета и запустение. Каждый год жители моей капитании сдают в королевскую казну шестьдесят восемь арроб золота. Когда-то наша земля была очень богата золотом и драгоценными камнями. Но месторождения их стали постепенно истощаться. Если вы сейчас проедете по земле Минаса, то увидите, как владельцы шахт бросают участки, потому что заниматься разработкой золота и поисками алмазов стало очень невыгодно. Когда я уезжал из Бразилии, то закрытие шахт не сильно сказывалось на положении населения, потому что вместо этих шахт их бывшие владельцы открывали фабрики. То тут, то там открывались эти новые фабрики, и казалось, что наша капитания переживает период подъема.

Как же поступили португальские власти? Всего лишь два года спустя после объявления деррамы, в первые дни 1785 года, в Рио-де-Жанейро поступил королевский приказ, по которому категорически запрещалось открывать новые фабрики, а те, которые к этому времени были построены, предписывалось разрушить и сровнять с землей. По этому королевскому указу приказывалось уничтожить всю промышленность нашей и остальных капитаний. Бразилии запрещалось производить свои собственные изделия и предписывалось потреблять только товары, поступающие из Португалии. Что же касается капитаний Минас, то по королевскому приказу этот район обязан был добывать только золото и драгоценные камни, ничего больше.

– Простите, Вендек, что такое деррама, о которой вы упомянули?

– Да, извините, пожалуйста. Деррама, видимо, выдумана в Португалии специально для нашей земли. Это насильственное взимание с населения долгов в королевскую казну за минувшие годы. Я вам говорил, что ежегодно наша капитания должна сдавать в королевскую казну шестьдесят восемь арроб золота. Но к 1783 году образовалась задолженность в триста восемьдесят четыре арробы. Для ликвидации этой задолженности объявили дерраму. Правда, она не принесла никаких результатов, потому что население физически было не в состоянии заплатить долги. Как может человек внести в королевскую казну золото, если его нет? О произволе португальских властей я бы мог рассказывать очень долго. Но, не смея задерживать ваше внимание и отнимать ваше драгоценное время, я ограничусь этими двумя примерами. Вы понимаете, что население Бразилии не в состоянии больше терпеть португальского гнета. Наша страна очень-очень богата, и если бы мы смогли завоевать независимость, то, безусловно, Бразилия стала бы одной из самых процветающих стран на

континенте, а может быть, и во всем мире.

– Все это очень интересно, – заметил Джефферсон. – Ну, а какими же силами располагают люди, собирающиеся освободить Бразилию от португальского владычества?

– Мы надеемся на благородную помощь Соединенных Штатов, – сказал Жозе Жоакин да Майя и посмотрел в глаза Джефферсону.

– Когда вы говорите «мы», кого вы имеете в виду? Большая ли у вас организация? Много ли вас?

– Мы – все население Бразилии. Если только мы будем знать, что нашу борьбу поддержит страна, добившаяся свободы, ваша страна, господин Джефферсон, то Португалия не сможет долго продержаться на нашем континенте, ни Португалия, ни Испания.

Джефферсон покачал головой.

– Я понимаю ваши чувства, молодой человек. Я думаю, что в ожидании блестящих перспектив, которые стоят перед вашей страной, многие люди придут на помощь Бразилии, когда там развернется борьба. Но ведь борьба в Бразилии еще не началась. И насколько я понял из ваших слов, у вас пока еще нет организации, которая могла бы начать эту борьбу. Кроме того, я лицо официальное и обещаю вам что-либо от лица Соединенных Штатов не могу, тем не менее даю слово обо всем информировать свое правительство. Однако поймите и вы, наша страна, Соединенные Штаты, всего лишь несколько месяцев назад добилась подписания очень важного соглашения с Францией. Кроме того, мы не можем позволить себе роскошь ссориться сейчас официально с Португалией. Мы еще недостаточно сильны и только встаем на ноги. Поэтому, безусловно, не хотим, чтобы нас сшибли с ног на первых же самостоятельных шагах. – Джефферсон встал, давая понять, что аудиенция окончена.

Жозе Жоакин да Майя поблагодарил Джефферсона за предоставленную возможность высказать свои мысли, пожал протянутую ему руку и вышел из резиденции американского консула. Когда он уже закрывал за собой калитку, то услышал голос Джефферсона:

– Желаю успеха, господин Вендек!

Заехав в Монпелье, Жозе Жоакин да Майя недолго задержался там и вскоре выехал в Лиссабон. Настроение у него было чрезвычайно подавленное. Он ожидал гораздо большего от встречи с Джефферсоном. В то же время молодой человек понимал положение официального американского представителя, для которого чрезвычайно важно было сохранить хорошие отношения с европейскими государствами, а не

ссориться с ними из-за каких-то прожектов будущей бразильской революции, прожектов, существовавших пока еще только в богатом воображении экспансивного бразильского студента.

Когда Жозе Жоакин да Майя уезжал из Монпелье в Лиссабон, то рассказал о встрече, которая имела место с Джефферсоном, своему товарищу бразильцу Домингосу Видалу Барбозе, обучавшемуся в Коимбре, а теперь кончавшему курс медицинского факультета в Монпелье. Прибыв в Лиссабон, Жозе Жоакин да Майя стал ожидать корабль, отходящий в Бразилию. Так как денег у него было очень мало, то он остановился у своего друга Алвареса Масиела, студента, приехавшего в Лиссабон из Вила-Рики. Друзья подолгу беседовали, и в основном разговор шел о Бразилии, о ее будущем. Жозе Жоакин да Майя подробно рассказал Алваресу Масиелу о певеписке с Джефферсоном, о своих планах организации революционного восстания в Бразилии, о том, какой будет их страна после освобождения от португальского ига. Друзья дали клятву посвятить жизнь любимой родине, борьбе за ее свободу и независимость.

Алварес Масиел предполагал через два месяца, окончив курс в университете Коимбра, совершить поездку во Францию и Англию, а только потом вернуться в Бразилию. Друзья договорились о встрече в конце 1788 года в Вила-Рике, но этим планам не суждено было осуществиться. За несколько дней до отхода корабля в Бразилию Жозе Жоакин да Майя тяжело заболел и умер на португальской земле. Однако перед смертью он успел написать письмо своим родным в Бразилию, рассказав о встрече с Джефферсоном.

Нужно сказать, что слух о контактах бразильского студента с американским консулом каким-то образом распространился по Лиссабону и вызвал настоящую панику в придворных кругах, потому что многие из португальской знати имели большие капиталы, вложенные в золотые и алмазные прииски Бразилии. За всеми бразильскими студентами немедленно установили тщательную слежку. Но к этому времени Алварес Масиел уже выехал во Францию, а затем – в Англию.

Одна из наиболее фешенебельных улиц Рио-де-Жанейро в конце XVIII века.

В августе 1788 года с английского корабля, бросившего якорь в Рио-де-Жанейро, сошел молодой человек, следом за которым матросы снесли на берег два тяжелых сундука. Это был Жозе Алварес Масиел, бразилец, закончивший курс естественных наук в университете Коимбра.

– Здравствуй, родная земля, – весело произнес Масиел, с любопытством оглядываясь вокруг.

Он не был на родине долгих шесть лет, но, казалось, Рио-де-Жанейро был точно таким же, каким он оставил его, направляясь к далеким берегам Европы. И вот Масиел вернулся домой. Неопытный юнец превратился во взрослого мужчину, одного из самых образованнейших людей своей страны, потому что в то время в Бразилии можно было буквально пересчитать по пальцам тех, кто имел не только высшее, но и столь разностороннее образование.

Прежде чем вернуться в родную Вила-Рику, Масиел решил провести несколько дней в Рио-де-Жанейро, желая повидаться со старыми друзьями. Он и не подозревал о встрече, которую готовила ему судьба, встрече, оказавшей решающее влияние на всю его дальнейшую жизнь. Хотя, впрочем, даже если Масиел и не стал бы останавливаться в Рио-де-Жанейро, а прямо направился в Вила-Рику, то и в этом случае, безусловно, пути Жозе Алвареса Масиела и Тирадентиса пересеклись бы. Оба они преследовали одну и ту же цель – добиться освобождения Бразилии от португальского ига.

5. ВСТРЕЧА С АЛВАРЕСОМ МАСИЕЛОМ

В первых числах мая 1788 года помощник губернатора Кунья де Менезес доложил его превосходительству, что прапорщик Жоакин Жозе да Силва Шавьер просит аудиенции.

– Это тот самый, – добавил помощник, – который при вашем предшественнике получил благодарственное письмо от ее величества.

– Просите, пусть войдет, – сказал губернатор. Переступив порог кабинета, Тирадентис представился по всей форме и, протянув Кунья де Менезес сложенный лист бумаги, произнес:

– Ваше превосходительство, разрешите передать вам мое прошение об отпуске, необходимом мне для поездки в Рио-Де-Жанейро.

– Что это тебя потянуло в столицу, дорогой прапорщик? – подозрительно спросил губернатор. – Может быть, ты недоволен службой здесь, в капитании, и снова хочешь вернуться в Рио? Если это так, то не понимаю тебя.

– Нет, господин губернатор, вы, может быть, помните, что я сам рвался обратно в Вила-Рику, и сейчас моя просьба продиктована другими соображениями. Я хочу подать прошение вице-королю.

– Вице-королю? – удивленно поднял брови губернатор. – Разве здесь мы не можем решить все вопросы, интересующие тебя? Зачем же обращаться к вице-королю?

– Речь идет о проекте, над которым я очень много думал, находясь в Рио-де-Жанейро, и он никоим образом не связан с Вила-Рикой. Я много размышлял над тем, почему в Рио-де-Жанейро так плохо с питьевой водой, и решил попробовать свои силы на инженерном поприще, представив проект строительства водопровода для жителей Рио.

– Ну-ну, – засмеялся Кунья де Менезес и покачал головой. – Ты, видимо, решил разбогатеть, потом бросить военную службу. Что ж, это твое личное дело. Военские начальники всегда дают прекрасные характеристики прапорщику Жоакину Жозе да Силва Шавьеру. Поэтому и с моей стороны нет никаких возражений, и ты получишь отпуск на три месяца. – Губернатор бегло пробежал глазами прошение, подошел к столу и поставил внизу свою подпись: «Разрешаю прапорщику драгунского полка в Вила-Рике Жоакину Жозе да Силва Шавьеру отпуск на три месяца.

Губернатор Луис де Кунья де Менезес». Передавая бумагу Тирадентису, губернатор предупредил: – Ты должен поставить в известность подполковника Франсиско да Паула Фрейре де Андраде о полученном от меня разрешении на отпуск.

Тирадентис поблагодарил и вышел из дворца.

В те дни губернатор Кунья де Менезес пребывал в чрезвычайно скверном расположении духа. Из Лиссабона до него дошли сведения, переданные верными друзьями. Друзья, имевшие очень большой вес при дворе, сообщали, что в результате дворцовых интриг, исходящих от недругов губернатора, уже принято решение прислать ему замену; новый губернатор должен прибыть в Вила-Рику не позднее середины этого года. Основной причиной недовольства двора явилось то обстоятельство, что капитания Минас задолжала огромные суммы королевской казне. В Лиссабоне считали, что губернатор, несмотря на все применяемые им жесткие, драконовские меры, был не в состоянии справиться с катастрофическим положением, сложившимся в подчиненной ему капитании. По циркулировавшим в придворных кругах слухам, на место Кунья де Менезес прочили виконта де Барбасену, человека ловкого, пронырливого, обладавшего иезуитским характером. В первый момент Кунья де Менезес, услышав о просьбе Тирадентиса предоставить отпуск для поездки в Рио, подумал, что, вероятно, прарщик отправляется в столицу, узнав каким-то образом о предстоящей смене губернатора. И может быть, желая выслужиться перед новым представителем власти, везет в Рио какой-нибудь донос на него, Кунья де Менезес. После ухода Тирадентиса Кунья де Менезес стал писать письмо в Лиссабон, в котором сообщал о проявленной им инициативе – посылке Тирадентиса в Рио-де-Шанейро с планом строительства водопровода. «Таким образом, наша августейшая повелительница, – заканчивал свое письмо Кунья де Менезес, – я, ваш верный вассал и покорный слуга, решил поддержать идею одного из ваших подданных, думая таким образом принести пользу и сделать доброе дело столице вице-королевства, что, безусловно, послужит на благо метрополии в первую очередь».

Запечатав письмо, Кунья де Менезес собирался уже было позвать помощника и приказать ему отправить письмо с ближайшей оказией, как вдруг, что-то вспомнив, подошел к стоявшему в глубине комнаты шкафу и вынул из него небольшой деревянный ларец. Вытряхнув содержимое, он стал перебирать рассыпавшиеся по столу бумаги.

«Ага, вот он», – пробормотал про себя Кунья де Менезес, достав серый конверт с надорванными краями.

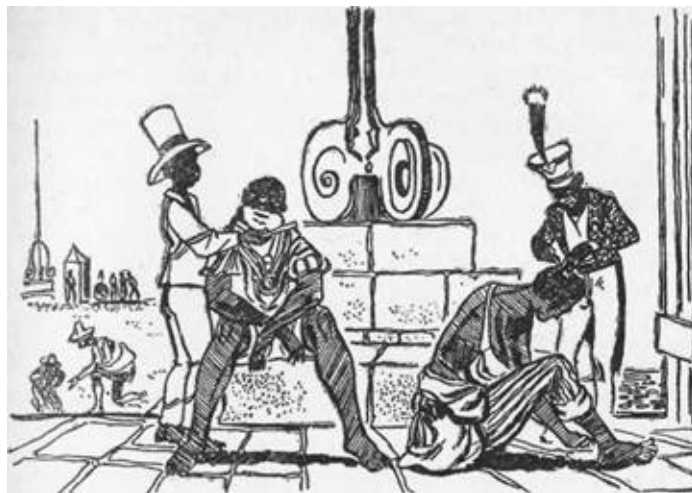
Вынув из него листок бумаги, Кунья де Менезес углубился в чтение. Это был текст доноса, сделанного несколько лет назад и имевшего непосредственное отношение к Тирадентису. «Ваше превосходительство, я, ваш покорный слуга и верный слуга ее величества королевы Марии Первой, хочу сообщить вам о разговоре, который произошел между мной и прапорщиком Жоакином Жозе да Силва Шавьером по прозвищу Тирадентис. Указанный прапорщик выражал недовольство существующими в капитании порядками и говорил о том, что скоро наступит пора, когда все приехавшие из Португалии должны будут вернуться обратно, а страной станут править только те, кто родился на земле Бразилии. Я считаю, что этот прапорщик очень опасный человек, который замыслил выступить против законных властей, о чем я считаю своим святым долгом и обязанностью доложить вашему превосходительству. Может быть, я не прав, но мне кажется абсолютно несовместимым пребывание на военной службе в звании прапорщика и высказывание подобных идей, подрывающих устои нашего общества. Я сам сержант по званию, происхожу из коренной португальской семьи, всегда, во все времена почитавший свою повелительницу королеву донну Марию Первую. Я считаю, что офицером португальской армии может быть только человек, родившийся на португальской земле, и поэтому, если ваше превосходительство примет меры для увольнения указанного прапорщика из армии, я посчитаю для себя честью, будучи назначен на эту должность, доказать, как должен выражать свою преданность португальской короне настоящий португальский офицер». Ниже шла неразборчивая подпись.

Луис да Кунья де Менезес вспомнил все обстоятельства, связанные с этим доносом. Какой-то сержант, добившись у него аудиенции, передал эту бумагу, но в то время Кунья де Менезес не обратил на нее никакого внимания, потому что доверял Тирадентису, поручая ему самые ответственные задания. Кунья де Менезес даже вспомнил свой ответ доносчику: «Здесь революцию могут делать только одни проститутки. Ты, наверное, сержант, когда разговаривал с прапорщиком Жоакином Жозе да Силва Шавьером, был пьян. Тирадентис не мог произносить эти слова, потому что сама королева прислала ему благодарность за службу. Ты хочешь просто занять его место. Если я увижу тебя снова здесь, в моем губернаторском дворце, то прикажу отхлестать плетью и выгнать вон. Убирайся и считай, что дешево отделался».

Доносчик вернулся от губернатора ни с чем, а Кунья де Менезес забыл и думать об этой встрече. И вот сейчас, решив отослать письмо королеве, он вспомнил о старом доносе и стал колебаться: может быть, и не стоит

отправлять депешу в Лиссабон. После некоторых раздумий Кунья де Менезес не пришел ни к какому окончательному решению и не нашел ничего лучшего, как спрятать донос обратно в ларец, а сверху положить запечатанный пакет с письмом в Лиссабон к королеве, решив повременить с его отправкой. Хорошей памятью губернатор никогда не отличался и, по всей вероятности, скоро забыл и о доносе и о письме в Лиссабон, потому что через несколько месяцев сам вынужден был оставить губернаторский дворец и вернуться в метрополию. Вот таким образом впоследствии историки, перебиравшие архивы различных губернаторов, натолкнулись в одном ларце на два любопытных документа: донос на Тирадентиса, адресованный губернатору, и письмо губернатора к королеве, прославлявшее того же Тирадентиса.

Между тем к концу месяца Тирадентис добрался до Рио-де-Жанейро. Как всегда, он сразу же направил свои стопы в пансион, который держала Перпетуа Минейра, симпатичная женщина, переселившаяся в Рио из Минаса. По всей вероятности, кто-то из ее предков был негром или по крайней мере мулатом, потому что Перпетуа Минейра обладала очень смуглой кожей, которая в сочетании с правильными чертами лица и пышными черными волосами делала ее очень привлекательной. К тому же Перпетуа Минейра слыла отличной хозяйкой и мастерицей готовить изумительные торты. Мы не можем с достоверностью сказать, что привлекало Тирадентиса в пансионе, любил он или нет кулинарные произведения Перпетуа Минейры, но, во всяком случае, останавливался в пансионе с большим удовольствием. Что же касается Перпетуа Минейры, то она не скрывала своего чувства к Тирадентису.

Уличные сценки в Рио колониальных времен. Цирюльники.

Подъехав к пансиону, Тирадентис сам ввел лошадь в конюшню. Служанка сказала, что хозяйка пошла к своей знакомой и будет только часа через три, и Тирадентис отправился погулять по городу, навестить друзей и расспросить их о всех последних новостях столицы вице-королевства.

Пансион находился недалеко от Ларго-до-Пасо – главной площади города. Только что прошел дождь, прибивший пыль на улицах, и они, умытые, казались чуть менее грязными, чем обычно. Недалеко от каштанов стояли человек двадцать рабов, продававших приготовленные их хозяевами прохладительные напитки и сладости. У стен собора сидели продавщицы цветов, перебрасывавшиеся шутками с неграми-цирюльниками и продавцами пива, которые тут же, на улице, стригли, брили и пускали кровь любому желающему, утверждая, что таким образом каждый человек может избавиться от всех болезней. Если у кого-нибудь болела голова, то ему приставляли пиявки, если болела печень – тоже пиявки. Пиявки прописывались при ревматизме и сердечных болезнях. Одним словом, это было универсальное средство от всех недугов. В воздухе стоял человеческий гомон: крики погонщиков, понукающих волов, запряженных в груженные фруктами и овощами повозки; зазывные возгласы цыганок-гадалок, предлагавших прохожим предсказать судьбу; монотонное пение рабов-носильщиков, сидевших под навесом и ожидавших того момента, когда кто-нибудь подойдет к их хозяину и возьмет их напрокат, в аренду для переноски каких-нибудь грузов. Везде валялась кожура от бананов, раздавленные манго, пожухлые листья ананасов и апельсинов. Все это не убиралось по нескольку дней, и резкий запах от гниющих остатков наполнял воздух.

Тирадентис прошел на набережную и, взглянув на песчаный пляж, улыбнулся: на всем протяжении его можно было увидеть; тюки и ящики с товарами, прибывшими из метрополии. В городе почти совершенно не было складских помещений, все хранилось на берегу под палящим солнцем, под дождем, портилось, приходило в негодность, но почему-то никому не приходила в голову простая мысль соорудить склады для разных грузов. Вот почему Тирадентис улыбнулся, когда посмотрел на пляж. Среди его проектов, которые он намеревался в ближайшие дни представить вице-королю, один касался сооружения торговых складов в Рио-де-Жанейро. От реализации проекта город получил бы большие выгоды, и какая-то толика от этих доходов перепала бы и Тирадентису.

Когда Тирадентис вернулся в пансион, его уже поджидала Перпетуа Минейра, на накрытом столе стояла большая миска с только что сваренной

фасолью и вторая, поменьше, с большими кусками жареного мяса. Во время ужина Тирадентис успел рассказать усевшейся напротив него Перпетуа Минейре о своих планах.

– Слушай, Жоакин Жозе, зачем тебе нужно возиться с каким-то водопроводом, складами, мельницами? Брось все это и перебирайся в Рио. Станешь служить здесь в гвардии вице-короля, а я постараюсь почаще приходить к тебе в гости. Когда ты служил в столице, помнишь, какое славное было время, все оставались довольны, никто не жаловался.

Тирадентис засмеялся.

– Нет, дорогая Перпетуа, я добьюсь одобрения задуманных планов и тогда брошу военную службу. Если вице-король, а может быть, даже в самом Лиссабоне утвердят мои проекты, то я стану довольно богатым человеком и уже никто не посмеет отдавать мне приказания. А сейчас разве приятно, если каждый лейтенант или капитан вертит бедным прапорщиком Жоакном Жозе да Силва Шавьером как им заблагорассудится. Мне, например, это совсем не по нутру. Это что касается моих личных дел. Кроме того, ты понимаешь, какие выгоды получит население города от реализации всех проектов. Ведь у тебя самой три раба ежедневно заняты тасканием воды для кухни, для стирки белья, для мытья посуды и для того, чтобы ты могла наводить свою красоту. А когда построят водопровод, сколько денег ты сможешь сэкономить. И так каждый житель Рио-де-Жанейро.

Перпетуа Минейра вздохнула.

– Тебя не переубедишь. Поступай так, как считаешь необходимым. Но только всегда помни о моем существовании и о моем доме, где тебя всегда ждут покой и ужин.

Пообещав никогда не забывать красивую владелицу пансиона, Тирадентис отправился в свою комнату, чтобы еще раз подумать над проектами.

Может быть, счастье улыбалось ему, но Тирадентис уже через несколько дней добился свидания с вице-королем Луисом де Васконселос де Соуза, которому и представил свои планы. Однако это свидание не вселило большой надежды в Тирадентиса. Вице-король принял его очень холодно и не обещал помочь Тирадентису в реализации проектов. Между прочим, два из них действительно имели большую ценность, в частности, тот, где речь шла о постройке водопровода. Тирадентис предлагал заключить воды рек Андараи и Маракана в трубы и подвести их к центру города. После осуществления подобного плана Рио-де-Жанейро имел бы в достаточном количестве питьевую воду. В районе Сауди Тирадентис

предлагал построить товарные склады, о которых уже шла речь в нашем рассказе.

Передав памятную записку вице-королю, Тирадентис добился от него лишь разрешения на вторичное посещение дворца. И несколько дней спустя Тирадентис вручил Луису де Васконселос все планы и чертежи, при помощи которых португальские власти могли получить полное представление о его проектах. Одновременно Тирадентис вручил наместнику письмо к королеве Португалии, в котором просил ее о помощи. Этот визит имел место 19 июня 1788 года. Сохранившиеся архивные документы подтверждают, что в этот день канцелярия вице-короля зарегистрировала просьбу-документ, в котором «подданный ее величества королевы Португалии прапорщик Жоакин Жозе да Силва Шавьер испрашивает разрешения; на постройку водопровода из Коррего Катете до Ларанжейроса и из рек Андараи и Маракана, а также разрешения на постройку мельниц». Передав документы вице-королю и зарегистрировав свою просьбу в канцелярии, Тирадентис решил не возвращаться пока в столицу капитании Минас, а остаться в Рио-де-Жанейро, дожидаясь ответа на прошение.

Дни тянулись монотонно, один за другим. И хотя Тирадентис знал, что прошение ушло в Португалию с первым попутным кораблем, а ответ из метрополии мог прийти не раньше чем через два месяца, он все же довольно часто навещался в канцелярию вице-короля, справляясь о судьбе своего проекта. После каждого такого визита Тирадентис, возвращаясь в пансион к Перпетуа Минейре, с возмущением говорил о волоките и бюрократизме португальских властей.

– Подумать только! – восклицал Тирадентис сочувственно внимавшей его речам хозяйке пансиона. – Для решения пустячной просьбы необходимо писать самой королеве. О каком прогрессе может идти речь при таких порядках?!

Правда, Тирадентис не терял время попусту. Его деятельная натура не могла выдержать однообразного времяпрепровождения. Если первые несколько дней после приезда прапорщика часто можно было встретить в пансионе, то потом Тирадентис стал уходить рано утром и возвращаться лишь только после того, как с колокольни церкви Сан-Франциско де Пауло раздавался сигнал, призывавший всех жителей возвращаться в свои дома.

Когда Перпетуа Минейра слышала сигнал «Арагон» – так называли в народе вечерний звон колоколов церкви Сан-Франциско де Пауло, – то, отложив в сторону все свои дела, спускалась вниз, поджидая Тирадентиса. А на столе уже стоял для него горячий ужин с неизменной бутылкой

красного вина.

Однажды, когда Перпетуа, поджидая Тирадентиса, по своему обыкновению уселась у входа на скамеечке, к дверям пансиона подошла скромно одетая женщина лет пятидесяти.

– Доброй ночи, сеньора! – приветствовала она Перпетуа Минейру. – Скажите, пожалуйста, не у вас остановился Тирадентис?

– Да, он живет у меня в пансионе. У вас к нему какое-нибудь дело? – настороженно осведомилась Перпетуа Минейра.

Женщина молча кивнула головой.

– Он сейчас должен подъехать. Тирадентис всегда возвращается примерно в это время. У него здесь много друзей и много больных, желающих воспользоваться его услугами.

– Вот-вот, мне как раз рекомендовали его как хорошего лекаря. Может быть, он сможет помочь моей дочери. Бедняжка уже несколько лет страдает какой-то болезнью и последний год почти совсем не встает с постели.

– Жоакин Жозе вылечит любую хворь, – торжественно произнесла Перпетуа Минейра, и в голосе ее прозвучала непоколебимая уверенность в силе медицинских познаний Тирадентиса. – А вот и сам он.

Тирадентис подъехал к пансиону, спрыгнул с коня и, придерживая болтавшуюся на боку сумку с инструментами, подошел к женщинам.

– Добрый вечер, Перпетуа, добрый вечер, сеньора. Что вы в такой поздний час сидите на улице? Скоро прозвучит второй сигнал, и если кто-нибудь заметит, как вы нарушаете порядок, то всем нам не избежать штрафа.

– Жоакин Жозе, тебя спрашивает вот эта женщина, что-то там у нее приключилось с дочерью.

Просительница приблизилась к Тирадентису, и на ее глазах можно было увидеть слезы.

– Господин доктор, у меня осталась единственная надежда на вашу помощь. Много людей рассказывали о вас только хорошее, и я не могу себе представить, что будет, если вы откажетесь вызволить меня и дочь из беды.

Тирадентис мягким движением руки остановил женщину, которая, судя по всему, собиралась начать подробный рассказ о своих злоключениях.

– Извините меня, донна...

– Донна Инасия де Алмейда, – подсказала женщина.

– Извините меня, донна Инасия де Алмейда, но через несколько минут прозвучит второй сигнал, а вам, вероятно, нужно добраться до дома. Как вы отнесетесь к тому, если я завтра утром с большим вниманием выслушаю со всеми деталями вашу историю, если, конечно, дело терпит до утра?

Донна Инасия де Алмейда благодарно улыбнулась.

– Да, да, конечно, дело терпит до утра, – повторила она слова Тирадентиса. – Только бы вы согласились помочь моей дочери.

– Будьте уверены, донна Инасия де Алмейда, я помогу, если это в моих силах.

На другой день рано утром Тирадентис уже сидел около постели больной девушки и внимательно выслушивал подробности истории ее болезни. Нога девушки уже долгое время была поражена какой-то экземой. Внимательно осмотрев пораженные участки кожи, Тирадентис сказал донне Инасии де Алмейда:

– Через месяц ваша дочь будет абсолютно здорова. Я каждый день стану приходить сюда и натирать больную ногу мазью, которая поможет справиться с этим недугом. Подобные случаи мне приходилось наблюдать неоднократно в Баии.

Так у постояльца Перпетуа Минейры прибавился еще один пациент. И каждое утро Тирадентис аккуратно являлся в дом к донне Инасии де Алмейда, и день ото дня здоровье девушки улучшалось. Мать ее была на седьмом небе от счастья и не знала, чем отблагодарить Тирадентиса. Однако когда она как-то решилась, наконец, выяснить, сколько надо заплатить за лечение, Тирадентис махнул рукой и сказал:

– Что вы, донна Инасия де Алмейда! И не думайте ни о какой плате. У вас не так-то уж много денег. Сегодня я вам сделал доброе дело, а завтра, может быть, вы мне окажете какую-нибудь услугу. Вот и будем квиты.

Тирадентис и не подозревал, насколько пророческими были его слова.

Прошло около двух месяцев, когда в один прекрасный день разнеслась весть о судне, показавшемся на горизонте. Корабль, вероятно, шел из метрополии. Приход каждого корабля в Рио-де-Жанейро был в то время всегда большим событием для всех жителей города. Толпы людей устремлялись на набережную, желая посмотреть, какие товары привезли корабли, какие новые люди прибыли в вице-королевство. Прослышав о приближении корабля, мужчины надевали длинные камзолы с развевающимися фалдами, натягивали на самые уши треуголки и, держа под мышкой обнаженную шпагу, направлялись к набережной. В нескольких шагах позади главы семейства шествовали женщины, одетые по такому торжественному случаю в самые лучшие покрывала. Почему-то их называли мантильями, хотя ничего общего с испанской мантильей такие покрывала не имели. Это были обычные покрывала, причем очень большие, квадратные, один угол которого служил вместо головного платка, а два конца сходились на груди. Женщине приходилось, чтобы они не

распались, придерживать эти концы рукой. Самые отъявленные модницы просто накидывали мантилью на плечи, но в таком случае на голову набрасывали индийский шарф или тонкий платок. Согласно обычаям женщины никогда не показывались на людях с непокрытой головой.

Тирадентис несколько запоздал и, добравшись до набережной, увидел, что часть пассажиров уже прошла все таможенные формальности и сошла на берег. Среди них выделялся молодой человек с правильными чертами лица, одетый в платье иностранного покроя. У ног приезжего стоял багаж, состоявший из двух больших сундуков. Тирадентис подошел к знакомому чиновнику.

– Скажите, это не официальный представитель королевского двора?

Чиновник засмеялся.

– Все ждешь ответа на прошение? Придется тебе потерпеть еще месяца полтора до прихода следующего корабля. По крайней мере в данном случае можешь не волноваться: я говорил с этим молодым человеком. Он закончил учебу в Португалии и через Англию возвращается в Вила-Рику. Он шурин подполковника Франсиско де Паула Фрейре де Андраде. Стыдно тебе, уроженцу капитании Минас, не знать родственника одного из богатейших людей этого края. Это шурин подполковника, и зовут его Алварес Масиел.

Уже все пассажиры сошли с корабля, уже все тюки и ящики, как обычно, свалили на песок пляжа, а Тирадентис, прислонившись к стволу пальмы, продолжал стоять и смотреть на спокойные воды залива Гуанабара. Значит, еще месяц, а то и два придется ждать до прихода следующего корабля, который, может быть, привезет ответ из Португалии. А что, если и со следующим кораблем ответа не будет? Нужно что-то предпринимать. Но, может быть, чиновник ошибся, и официальное лицо приехало с этим кораблем? Может быть, ответ на его просьбу в этот момент уже передан в канцелярию вице-короля? А он стоит здесь и теряет зря драгоценное время.

Тирадентис быстрым шагом направился было к месту, где обычно приезжавшие на набережную привязывали своих лошадей, но потом, вспомнив, что пришел пешком, зашагал к вице-королевскому дворцу.

Дежурный офицер вице-королевской канцелярии встретил Тирадентиса как старого знакомого.

– А, господин Жоакин Жозе! Заходите, заходите. Пока ничего нового для вас нет.

– Разве с этим кораблем мне не прислали бумаги из Португалии, не прислали ответ на мою просьбу?

– Вы думаете, у нашей повелительницы королевы нет других дел, как только заниматься рассмотрением просьб прапорщика Жоакина Жозе да Силва Шавьера? Вы знаете, сколько у нее подданных на всех землях португальской империи? Королева одна, а прапорщиков таких, как вы, очень и очень много. Если каждый будет соваться со своими просьбами и думать, что только его бумага достойна самого быстрее рассмотрения, то он в этом глубоко ошибается.

Судя по настроению офицера, он намеревался еще долго разъяснять Тирадентису о том, как много государственных забот у португальской королевы, но Тирадентис не имел никакого желания выслушивать разглагольствования скучающего офицера, и, повернувшись, прапорщик медленно побрел в пансион Перпетуа Минейры.

Он лег спать раньше обычного, но долго не мог заснуть, мучительно пытаясь найти выход из создавшегося положения. Наутро, приняв какое-то решение, Тирадентис принялся выяснять, где остановился шурин подполковника Франсиско де Паула Фрейре де Алдраде. В то время в Рио насчитывалось всего около сорока тысяч жителей, и найти среди них приехавшего из Португалии человека не представляло большой трудности. Через несколько часов Тирадентис уже входил в дом, где остановился Алварес Масиел.

Молодой человек несказанно обрадовался приходу Тирадентиса. Разве не интересно поговорить с земляком, недавно приехавшим из Вила-Рики, который мог сообщить самые последние сведения о жизни в капитании? У Тирадентиса и Алвареса Масиела нашлось много общих знакомых и даже друзей. Кроме того, подполковник Франсиско де Паула, шурин Масиела, был непосредственным начальником Тирадентиса, потому что прапорщик служил в его полку. Когда Тирадентис рассказал, как казалось ему, о всех самых свежих новостях в капитании Минас, Алварес Масиел спросил:

– Ну, а что слышно о новом губернаторе виконте де Барбасене?

Тирадентис удивленно посмотрел на Масиела.

– О каком новом губернаторе вы ведете речь? У нас в капитании губернатор Луис да Кунья де Менезес.

Масиел рассмеялся.

– Ну и ну, дорогой прапорщик! Оказывается, я, приехав из Лондона, знаю кое-что больше, чем вы, не выезжавший никуда за пределы вице-королевства. Предыдущий корабль доставил сюда нового вице-губернатора капитании Минас Луиса Антонио Фуртадо де Мендонса, виконта де Барбасена. Он уже, по моим расчетам, должен давно прибыть в Вила-Рику, причем, как рассказывали люди из Лиссабона, виконт де Барбасена привез

с собой самые строжайшие инструкции и предписания королевы взыскать все долги с жителей капитании. Одним словом, он должен объявить новую дерраму.

– Но ведь это немыслимо! – ужаснулся Тирадентис. – С прошлой деррамы прошло всего лишь пять лет. И вы не представляете, как бедствует наш народ. Сейчас невозможно собрать даже половины ежегодного налога, не говоря уже о дерраме. Мы все умрем с голоду. Мы все погибнем.

Алварес Масиел встал с кресла и возбужденно заходил по комнате.

– Я знаю это, дорогой прапорщик. Я могу себе представить нынешнее положение в Минасе. Когда я несколько лет назад уезжал в университет Коимбра, оно было ужасным. Если обстановка сейчас не изменилась...

– Что вы, господин Масиел! Значительно ухудшилась, – перебил Тирадентис. – Вы не можете себе представить, как бедствует народ. Для меня не будет неожиданным, если через несколько месяцев в капитании вспыхнет восстание против португальцев.

Алварес Масиел внимательно посмотрел на Тирадентиса.

– Вы говорите, восстание. А готовы ли бразильцы подняться против португальского господства? Готовы ли мы к этой миссии?

– Я убежден в своевременности такого шага, – твердо заявил Тирадентис.

– Знаете ли вы, прапорщик, – спросил Масиел, – о переписке и беседах Жозе Жоакина да Майя?

– Я никогда не слышал этого имени.

– А знакомо ли вам имя Джефферсона?

– По-моему, он руководил борьбой в английских колониях на нашем континенте.

– Да, вы не ошиблись. Так вот, Жозе Жоакин да Майя был одним из передовых людей Бразилии, и он встречался с Томасом Джефферсоном. – Алварес Масиел остановился, словно раздумывая, стоит ли посвящать Тирадентиса в подробности встреч Джефферсона с Жозе Жоакином да Майя.

– Я с нетерпением жду продолжения вашего рассказа, господин Масиел, – произнес Тирадентис.

– Одним словом, Жозе Жоакин да Майя сначала переписывался с Джефферсоном, а потом получил приглашение от американского консула приехать к нему в Ним. Как вы сами понимаете, отказаться от такого приглашения было бы неразумно, и Жозе Жоакин да Майя отправился на свидание. Как он сам мне потом передавал, разговор шел о будущем Бразилии и о положении в нашей стране. Правда, конкретного ничего не

решили, но Джефферсон обещал Жозе Жоакину да Майя оказать поддержку в случае возникновения в нашей стране движения против португальского господства. По всей вероятности, эта поддержка выразится в присылке военных кораблей. Кроме того, на мой взгляд, Бразилию не оставит на произвол судьбы и Франция, где так много передовых, мыслящих людей, готовых бороться за свободу на любом континенте. Если бы в Бразилии нашлись решительные люди, способные стать во главе движения, то поддержка со стороны иностранных государств была бы им обеспечена. Но кто знает, имеются ли такие смельчаки на нашей земле? Я с вами, прапорщик, правда, мало еще знаком, но не побоюсь откровенно сказать: что касается меня, я еще в Португалии вместе с Жозе Жоакином да Майя дал клятву насколько хватит сил содействовать приближению дня освобождения родины.

Тирадентис, восторженно глядя в глаза Масиелу, твердо произнес:

– Я, господин Масиел, еще никому никогда не давал подобные клятвы. Но много думал о судьбе нашей земли и, пожалуй, еще больше видел, скитаясь по капитаниям вице-королевства. Я глубоко убежден: так дальше продолжаться не может и не должно. И еще я уверен в том, что обстановка для восстания созрела. Нужны только люди, которые смогли бы собрать все силы в один кулак, и тогда никакие губернаторы, никакие метрополии нам не страшны. Если вы решили посвятить себя великой цели, то можете считать меня вашим единомышленником. Я целиком и полностью в вашем распоряжении.

Выйдя от Масиела, Тирадентис направился в пансион и, только подойдя к заведению Перпетуа Минейры, вспомнил, что так и не поговорил с Масиелом о первоначальной цели своего визита – Тирадентис хотел попросить у молодого инженера денег в займы для реализации проектов постройки мельниц, складов и сооружения водопровода. Тирадентис даже рассмеялся вслух над своей рассеянностью. Перпетуа Минейра, привыкшая за последнее время видеть Тирадентиса хмурым и озабоченным, услышав смех, удивленно посмотрела на постояльца и спросила:

– Тебя можно поздравить? Пришел ответ из метрополии?

– Да, дорогая Перпетуа, ты попала в самую точку. Только что я получил ответ из метрополии на самый главный интересующий меня вопрос.

– А какой вопрос был самым главным? Мельницы или водопровод?

– Главный вопрос был – как жить дальше.

6. НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ

Безусловно, в Рио-де-Жанейро уже знали о последних изменениях, произошедших в Вила-Рике, – о смене губернатора и передаче власти новому губернатору Луису Антонио Фуртадо де Мендонса, виконту де Барбасена. Торжественная церемония передачи власти состоялась 11 июня 1788 года. В Вила-Рике распространялись слухи о каких-то инструкциях, привезенных Барбасеной из Португалии. Подробности не были известны, но поговаривали о предстоящем вскоре введении новых драконовских мер и о наказаниях, которые Барбасена собирается применить ко всем должникам королевской казны. Поговаривали об увеличении числа сборщиков налогов, об установлении более строгого контроля на алмазных россыпях и шахтах по добыче золота. Но большинство не верило и отвергало даже самую мысль о возможности объявления еще одной деррамы, считая подобную меру абсурдной и выполнение ее делом нереальным, принимая во внимание катастрофическое положение, сложившееся к тому времени в экономике капитании. Однако вскоре самые мрачные предсказания пессимистов полностью подтвердились. Через несколько дней после официального вступления на пост губернатора Барбасена официально сообщил о предстоящем объявлении в капитании новой деррамы. В конце июня виконт Барбасена приказал созвать финансовый совет капитании, на который велел явиться также интенданту Вила-Рики и интендантам трех других городов капитании. Собрав чиновников, он выразил всем присутствующим недовольство португальского двора положением дел в капитании.

– Я имею инструкции от ее величества королевы донны Марии Первой помочь вам устранить все недостатки, допущенные в последние годы. Королевская казна, – подчеркнул он, – будет вознаграждена за убытки, нанесенные ей, и ни в коем случае местные власти капитании не должны допускать увеличения уже существующего долга. Что же касается сумм, числящихся за капитанией и недополученных за последнее время, то для их покрытия необходимо объявить новую дерраму. Я имею полномочия объявить дерраму в любое время, выбранное по моему усмотрению. Вероятно, я сделаю это, как только ознакомлюсь с общим положением дел в капитании. А пока все власти должны прилежно работать и доказать своим усердием верность португальской короне и ее величеству королеве донне Марии Первой.

Подробности совещания у Барбасены стали немедленно известны в Вила-Рике, через несколько дней распространились по всей капитании, потом докатились до Рио, Баии, Сан-Пауло. Многие владельцы шахт стали срочно продавать свои участки, стремясь во что бы то ни стало вырваться за пределы капитании Минас. Правда, большинство населения Минаса составляли люди неимущие, живущие в такой нищете, что никакая деррама не могла уже ухудшить их положение. В любом случае они были не в состоянии платить каких-либо налогов, не говоря уже о погашении недоимок за прошедшие годы. Однако косвенно финансовые мероприятия нового губернатора задевали и их: закрывались шахты, прииски, народ лишался последних источников существования и надежды на какое-то изменение своего ужасного положения.

Вот почему, когда Масиел приехал в Минас и добрался до Вила-Рики, то он нашел все население капитании в большой тревоге. Масиел пришел к выводу, что Тирадентис прав и обстановка действительно чревата взрывом, который может произойти в любой момент при первом же удобном случае.

По правде говоря, с нашей точки зрения, столица капитании Минас Вила-Рика была в то время довольно заштатным городком, и не удивителен тот интерес, с которым встретили известие о приезде из Европы вилариканца, закончившего курс обучения в португальском университете. К тому же Масиел был родственником одного из самых богатых и уважаемых людей капитании. Двери лучших домов высшего общества Вила-Рики были открыты для Алвареса Масиела. Не прошло и нескольких дней, как Алварес Масиел возобновил знакомства со всеми властью имущими в столице капитании и очень быстро убедился, что его идеи и взгляды разделяются почти всеми. Даже сам подполковник Франсиско де Паула Фрейре де Андраде и тот не высказывал недовольства, слушая крамольные речи своего родственника. Однако о самых сокровенных своих планах – о борьбе против португальского господства Масиел не говорил никому, с нетерпением ожидая возвращения Тирадентиса.

Между тем прапорщик, покинувший Рио около двух недель назад, не успел проехать еще и половины пути до Вила-Рики. Почти в каждой фазенде, расположенной у дороги Рио-де-Жанейро – Вила-Рика, Тирадентис имел друзей, знакомых, просто приятелей. В каждом доме Тирадентиса встречали как желанного гостя. Внимательный и чуткий собеседник, Тирадентис во время этой поездки интересовался мельчайшими деталями жизни бразильских крестьян, фазендейрос, рабочих рудников, как бы прощупывая настроения людей, с которыми беседовал, осторожно выясняя

их отношение к властям, выявляя единомышленников. Недалеко от фазенды Бордо-до-Кампо Тирадентиса нагнал Педро Жозе де Араужо Салданья, направлявшийся в Вила-Рику, куда его назначили судьей по приказу вице-короля. Чиновник ехал, сопровождаемый тремя драгунами, в обязанности которых входила охрана высокопоставленного лица от возможных покушений бандитов. Они заметили Тирадентиса метров за триста. Салданья на всякий случай послал к нему двух драгунов.

– Куда держишь путь, милый человек? – спросил один из них с отличительными знаками сержанта.

– В Вила-Рику, друг мой, в Вила-Рику, – ответил Тирадентис и внимательно посмотрел на драгуна. Заметив некоторую небрежность в форме, Тирадентис хотел сделать драгуну замечание, но потом вспомнил, что сам-то путешествует в штатском и находится пускай в просроченном, но все же в отпуске.

– Эх! – произнес он. – Хорошо, что я сейчас не на службе, а то бы сделал тебе замечание за неаккуратность. А вы куда путь держите?

Удавленный сержант, почувствовав, что Тирадентис имеет право задавать ему вопросы, вытянулся в седле и четко ответил:

– Мы сопровождаем господина оувидора из Рио-де-Жанейро в Вила-Рику.

– А что, – поинтересовался Тирадентис, – разве в Вила-Рику назначен новый судья? Ведь там же был господин Гонзага. Правда, я несколько месяцев как выехал из Вила-Рики и, видимо, не знаю последних новостей.

Сержант оказался словоохотливым:

– Господин оувидор Томас Антонио Гонзага получил назначение в Баию, а вместо него едет господин Педро Жозе де Араужо Салданья.

Тирадентис с любопытством оглянулся на медленно приближавшегося судью и сказал:

– Поедьте вместе хотя бы до Бордо-до-Кампо. Все будет веселей, и, может быть, я услышу последние новости из Рио.

Салданья подъехал и вопросительно посмотрел на сержанта ожидая, что тот представит ему нового попутчика. Желая выручить драгуна из неловкого положения, Тирадентис снял шляпу и учтиво поклонился:

– Господин оувидор, я прапорщик Жоакин Жозе да Силва Шавьер. Возвращаюсь в Вила-Рику из отпуска, предоставленного мне его превосходительством господином губернатором. Сочту за честь совершить с вами вместе хотя бы часть путешествия до Бордо-до-Кампо.

– А почему не до самой Вила-Рики? – благодушно спросил судья.

– Вероятно, я задержусь в Бордо-до-Кампо, где живет мой друг

полковник Жозе Айрес Гомес.

– А далеко до этой, как вы назвали, Бордо-до-Кампо?

– Нет, отсюда осталось примерно легуа десять-двенадцать.

– Ну вот и хорошо, – обрадовался судья. – Там мы и переночуем, если, конечно, на этой фазенде есть где переночевать и не слишком грязно.

Тирадентис даже обиделся за своего друга, зная к тому же, сколь далека от идеала чистота комнат в домах самых богатых людей Рио-де-Жанейро.

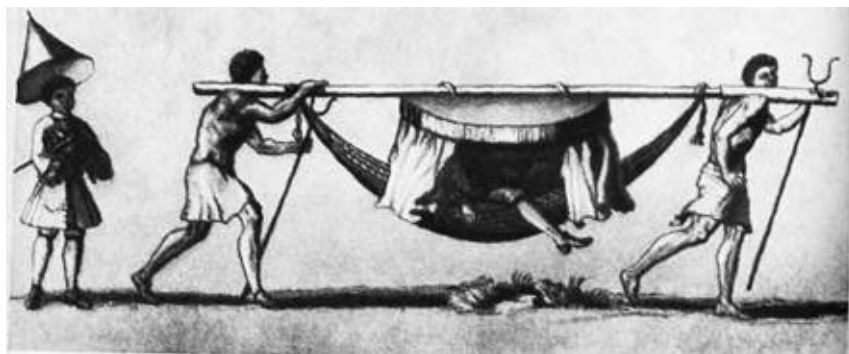
Правда, у Тирадентиса были другие планы: он намеревался до Бордо-до-Кампо сделать еще две остановки на фазендах, находившихся недалеко от земель полковника Жозе Айреса Гомеса. Но сейчас уже было неудобно отставать от неожиданных попутчиков, к тому же Тирадентис очень хотел выяснить настроения нового судьи Вила-Рики, его взгляды на положение в капитании и вообще на жизнь вице-королевства. Правда, Салданья оказался очень неразговорчивым собеседником и вытянуть из него что-нибудь было довольно трудно. Однако в конце концов Тирадентис понял, что новый судья относится с большим предубеждением к своему предшественнику и считает все действия его на посту оувидора Вила-Рики если не ошибочными, то по крайней мере недостаточно решительными для поддержания порядка в столице капитании.

Деревянная статуя в Конгоньас-до-Кампо работы Алеижадиньо.

Старый трактир в Трес Коррегос, известный под названием «Остановка Тирадентиса». Район Терезополиса.

Рабь несут хозяина в походном гамаке.

Бывшее здание монетного двора в Оуро-Прето.

*Дом, принадлежавший Пауло Фрейре де Андраде в Оуро-Прето.
(Фото автора.)*

Сохранившийся в Оуро-Прето дом участника заговора падре Корреа.

– Конечно, конечно, – бурчал Салданья, трясясь в седле, – Гонзага человек образованный, поэт, но зачем же занимать судейскую должность, если не имеешь к этому никакого призвания. Уж я-то наведу порядок не только в Вила-Рике, но и во всей капитании. Безусловно, после деррамы все убедятся, что Педро Жозе де Араужо Салданья не боится трудностей.

Тирадентис, пропустивший было мимо ушей разглагольствования судьи, услышав замечание Салданьи о предстоящем объявлении деррамы, переспросил:

– Прошу извинить меня, господин оувидор, вы что-то сказали о дерраме. Разве действительно уже есть приказ из Лиссабона?

Салданья подозрительно посмотрел на Тирадентиса.

– Вы как будто живете совершенно в другом мире, молодой человек, – нравоучительно произнес он, оттопырив нижнюю губу. – О скором объявлении деррамы в капитании Минас говорят уже во всем вице-королевстве, так что, – неуклюже пошутил он, – не задерживайтесь долго в дороге, а быстрее возвращайтесь домой и вместе со своей женой подсчитывайте, сколько арроб золота вы задолжали казне ее величества. А если не вернете, тогда, несмотря на наше знакомство, мне придется надеть свою мантию, шапочку и разговаривать с вами не языком попутчика, а языком закона.

Тирадентис задумался: «Что ж, тем хуже для Португалии». Он еще не мог себе отчетливо представить, но интуитивно чувствовал, что подтверждение новости, услышанной ранее о г Масиела, по всей вероятности, будет иметь чрезвычайно важное значение для всех его планов.

К вечеру маленькая кавалькада подъехала к фазенде Жозе Айреса Гомеса. Тирадентис давно не видел полковника, и встретились приятели очень тепло. На другое утро Салданья, сопровождаемый драгунами, двинулся дальше, а Тирадентис, как и хотел, остался на несколько дней в Бордо-до-Кампо. Весть о его приезде быстро разнеслась по всей округе. В первые дни к Тирадентису приходило с самого раннего утра до поздней ночи так много пациентов, что он не имел ни одной свободной минуты и никак не мог выбрать время для спокойного и серьезного разговора с полковником. Только на четвертый или пятый день прекратился поток посетителей к маленькой хижине, предоставленной полковником Жозе Айресом Гомесом в распоряжение Тирадентиса.

Сидя за столом в комнате, где когда-то они втроем встречали рождество, Тирадентис, покачиваясь в плетеном кресле, расспрашивал полковника о всех последних новостях в жизни приятеля.

– Какие у меня могут быть новости? – пожимал плечами полковник. – Разве только в этом году лучший урожай кукурузы, чем в прошлом, да недавно сбежали два раба, за которых в свое время я заплатил довольно большую сумму. Но сейчас столько беглых рабов гуляет на свободе, что и думать нечего о возвращении сбежавшего имущества. Вот, может быть, новый губернатор виконт де Барбасена наведет порядок в капитании и кое-что изменится в лучшую сторону.

Тирадентис скептически поморщился.

– Какой толк может быть от португальских властей? – сказал он и испытующе посмотрел на собеседника. – Кстати, а как народ принял нового губернатора? Как он к нему относится?

– Я был в Вила-Рике не так давно и разговаривал с подполковником Франсиско де Паула. Он, правда, не совсем в восторге, но, ты же знаешь его, подполковнику трудно угодить, он ко всему предъявляет повышенные требования и только, вероятно, самому себе делает некоторое снисхождение, прощая многие недостатки. Безусловно, Гонзага, тот не очень доволен переменой власти, особенно когда узнает о приезде нового оувидора в Вила-Рику. А так, мне кажется, губернатора приняли тепло, и все надеются, что он станет хорошим губернатором, по крайней мере не хуже старого.

– Вначале все кажутся ангелами, а потом показывают свои когти. Вам, конечно, уже известно, какие новые инструкции привез виконт де Барбасена из Португалии. Не понимаю, как можно видеть в них что-либо хорошее.

– О каких инструкциях ты говоришь?

– Я имею в виду дерраму.

– Дерраму?! Но ведь несколько лет назад мы имели одну дерраму. Вторую невозможно выдержать. Это понимают все, кто хоть сколько-нибудь знаком с положением дел в нашей капитании.

– Тем не менее я с полной ответственностью сообщаю вам эту новость, которую мне за несколько часов до приезда сюда передал новый судья господин Педро Жозе де Араужо Салданья.

– Не может быть! – всплеснул руками полковник. – Если это правда, то немедленно продаю фазенду, и духу моего не будет здесь, в Минасе.

– Вряд ли это удастся вам, полковник. Или вы надеетесь найти какого-нибудь покупателя, который, зная о предстоящей дерраме, согласится обзаводиться имуществом? В лучшем случае это может быть только какой-нибудь португальский чиновник, которому нечего бояться распоряжений, отдаваемых его соотечественниками. Что же касается бразильцев, коренных жителей нашей капитании, то, я ручаюсь, ими владеет сейчас одна мысль: убраться за пределы Минаса.

Расстроенный полковник не нашелся что ответить на аргументы Тирадентиса. Услышав о дерраме, он как-то сразу осунулся и, казалось, даже постарел на несколько лет.

– Безусловно, – продолжал Тирадентис, – продолжать жить в такой обстановке невозможно. Нужно действовать, и действовать немедленно. Это понимают многие лучшие люди капитании, которые страдают, видя бедствия родины. Притом разве Португалия настолько сильна, что сможет справиться со всеми нами, если мы выступим против нее?

Жозе Айрес Гомес испуганно взглянул на Тирадентиса.

– Я прошу тебя не произносить таких речей в моем доме. Не будем говорить о каких-то действиях против португальских властей. Португалия сильна, невозможно освободиться от ее владычества, нельзя избежать, чтобы кто-нибудь нами да не правил. Причем вряд ли станет лучше без людей, которые сейчас управляют вице-королевством. Ты же знаешь, есть пословица: «Хорошо там, где нас нет».

Тирадентис вздохнул.

– Мне кажется, вы преувеличиваете силу и мощь метрополии, дорогой полковник. Если мы начнем борьбу, то не будем одиноки, нас поддержат гораздо более могущественные силы, чем имеются в распоряжении у Португалии.

– Кого ты имеешь в виду?

– Хотя бы Англию, Францию и Соединенные Штаты. Полковник махнул рукой.

– Какая там Англия и Франция! Они даже не знают о существовании какой-то там Бразилии. Скажи пожалуйста, многих французов или англичан ты видел за всю свою жизнь на нашей земле? Я, например, не могу похвастаться, чтобы видел хотя бы одного, даже самого захудалого француза.

– И я тоже не видел, – признался Тирадентис. – Но есть люди, которые не только видели, но и говорили с выдающимися людьми этих государств, в частности с одним из известных деятелей Английской Америки, или, как ее сейчас называют, Соединенных Штатов. Говорили не только о погоде, но и обменивались мнениями о положении в Бразилии и возможностях поддержки борьбы нашей за независимость.

– Что же ответил этому таинственному бразильцу этот не менее таинственный американец?

– Подробностей я не знаю, – схитрил Тирадентис, – могу только сказать, что достигнута договоренность о посылке оружия, кораблей и людей в случае борьбы за независимость нашей земли.

Конечно, Тирадентис прихвастнул, рассказывая об обещаниях оказать помощь, но ему уж очень хотелось иметь в лице полковника Жозе Айреса Гомеса единомышленника и завербовать приятеля в лагерь будущих борцов против португальского господства. Однако он не сказал ему ни о замышляемых планах организации восстания, ни о принятом им твердом решении посвятить себя борьбе с колонизаторами. Поздно вечером, когда Тирадентис ушел в свою хижину, Жозе Айрес Гомес еще долго не тушил светильник, шагая по комнате из угла в угол и думая о сказанном Тирадентисом. А потом не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок и тяжело вздыхая. Видимо, не москиты были тому причиной, так как полог кровати закрывала прочная тонкая сетка, надежно спасавшая от этих несносных существ.

На рассвете следующего утра Тирадентис попрощался с гостеприимным хозяином и продолжал путешествие, направляясь к Виларике. Получив сообщение о предстоящем объявлении деррамы, Тирадентис решил избегать длительных остановок, горя желанием как можно быстрее добраться до столицы капитании. Однако, подъезжая к фазенде Режиристо-Вельо, ему пришлось сделать еще один вынужденный привал, так как, сходя с лошади, он подвернул ногу и растянул сухожилие. Нога распухла, и требовался отдых. Хозяин фазенды, старый друг Тирадентиса, священник Мануэл Родригес да Коста, был очень рад встрече с прапорщиком.

– Заходи, заходи, дорогой друг! Вот уж кого не ожидал встретить! Какими судьбами в наших краях? Или ты бросил военную службу, или

прапорщик потерял драгунскую форму? – шутил священник. – Ну что же мы стоим здесь у входа? Проходи, сейчас сядем обедать. В моем доме Тирадентис всегда желанный гость. О, да ты, я вижу, хромаешь! Наш знаменитый лекарь заболел! Может быть, на тебя напали бандиты, твои старые знакомые, которых столько лет преследуешь, нарушая священное писание, гласящее, что в мире всем людям нужно жить, как братьям?

– Нет, отец, это не бандиты. Во всем виноват новый губернатор виконт де Барбасена и его лучшие друзья – вице-король, наша августейшая повелительница королева донна Мария Первая и тому подобные.

Священник в ужасе воздел руки к небу.

– Помилуй, сын мой! О чем ты говоришь?! Как у тебя язык поворачивается произносить такие ужасные вещи?

– Безусловно, что касается моей ноги, то я шучу, в этом королева не виновата. Но если бы португальские власти внимательно отнеслись к моей просьбе, к моему проекту, то мне не пришлось бы возвращаться сейчас в Вила-Рику с пустыми руками и я не сделал бы привал, во время которого оступился и растянул себе ногу. Таким образом, косвенная вина падает на португальских правителей.

– Прошу тебя, замолчи, Тирадентис! Хотя, конечно, нас здесь никто не услышит, но не пристало нам так отзываться о людях, которые ниспосланы нам богом для того, чтобы мы подчинялись им, а они правили нами.

– Вы старше меня, отец. Но я все-таки осмелюсь возразить. Это путешествие заняло у меня больше времени, чем когда-либо. Мне хотелось выяснить настроения народа, посмотреть, как он относится к законам и распоряжениям, о чем думает, какие у него планы. Большинство ненавидит португальские власти. Вы же понимаете, что деспотизм их становится невыносимым. Эти португальские правители заботятся только о том, чтобы наполнить свои карманы и карманы своих слуг, а затем уезжают восвояси. Но вы же понимаете, наша страна может быть самостоятельной. И если найти людей и договориться, то мы сможем освободиться от гнета Европы.

– Я тебя не узнаю, Тирадентис, – с еще большим испугом произнес священник. – О подобных вещах нельзя даже и думать. Все равно это ни к чему не приведет. Если хочешь, чтобы я относился к тебе так же, как и раньше, прошу в моем доме никогда не вести таких разговоров. Это противно всем моим убеждениям. Сам ты можешь думать что угодно, но я не хочу быть впутанным в какие-то незаконные махинации.

Тирадентис понял бесполезность продолжения разговора и не стал больше распространяться на тему о борьбе и восстании. Когда они вошли в дом, священник сказал:

– Еще раз прошу тебя, Тирадентис, не заводить со мной разговор на столь опасную тему. Он серьезен и ужасен. Лучше всего никогда не произносить таких речей, а то что-нибудь может с нами приключиться.

На другой день опухоль на ноге немного спала, и Тирадентис, несмотря на уговоры священника остаться еще на денек, тронулся в путь. Ему не терпелось встретиться как можно быстрее с Масиелом и начать действовать.

С наступлением сумерек Тирадентис добрался до Вила-Ри-ки. Накрапывал мелкий дождь, и при свете луны булыжники мостовой блестели, как полированные. Проезжая через мост дос Контос, он в темноте чуть не сшиб стоявшего там какого-то человека, жестикулировавшего и что-то бормотавшего себе под нос. Прапорщик так резко осадил коня, что тот отпрянул в сторону и попал копытами в большую лужу. Брызги долетели до незнакомца и, по всей вероятности, испачкали ему платье, потому что человек вне себя от гнева осыпал нелестными эпитетами и лошадь и всадника. Тирадентис продолжал свой путь, забыв тотчас же об этом незначительном происшествии. Он и не подозревал, что встреченный на мосту человек был не кто иной, как бывший судья Вила-Рики, известный поэт Томас Антонио Гонзага, направлявшийся на встречу со своими друзьями, тоже поэтами, Клаудио Мануэлом да Коста и Алваренгой Пейшото.

Гонзага, Алваренга и Клаудио Мануэл имеют самое непосредственное отношение к нашему повествованию, и поэтому давайте познакомимся с ними поближе.

7. СЛУЖИТЕЛИ МУЗЫ

Самым старшим из трех поэтов был Клаудио Мануэл да Коста. К моменту описываемых здесь событий ему уже исполнилось пятьдесят девять лет, из них последние десять он жил в Вила-Рике. Богатый человек, он владел многочисленными золотыми рудниками и землями. Но прославился Клаудио не своими богатствами и даже не своей деятельностью на посту секретаря местного правительства. Клаудио Мануэл считался одним из виднейших представителей бразильской литературы той эпохи. Влюбленный в родную землю, он воспевал в своих стихотворениях историю капитании Минас. Как поэт, Клаудио Мануэл да Коста был известен даже в Риме, где его называли Глауцесте Сатурнио. Произведения поэта пользовались большой популярностью, и часто стихотворения Клаудио Мануэла да Коста декламировались на официальных торжествах и семейных вечерах. Особенно все любили его поэму, которая называлась «Лабиринт любви». Долгие годы Клаудио Мануэл да Коста работал над поэмой «ВилаРика», мечтая издать ее большим тиражом на английском, французском, итальянском и испанском языках, с тем чтобы послать в столицы государств и поведать всему миру о том, как прекрасна ВилаРика. Нужно сказать, что при жизни поэта мечта Клаудио Мануэла да Коста не осуществилась и произведение издали только в 1841 году. Почтенный поэт считался одним из самых образованных людей капитании Минас. В его библиотеке было триста восемьдесят восемь томов книг не только религиозного, но и светского содержания. Среди них встречались даже произведения французских философов, которые в вице-королевстве Бразилии считались в то время крамолой. Официально Клаудио Мануэл да Коста не был женат, но, как часто встречалось в то время в Бразилии, у него были две дочери от доньи Франсиски Кардосо, вдовы, с которой Клаудио Мануэл да Коста познакомился в дни своей молодости. После переезда поэта в Вила-Рику эта женщина тоже явилась в столицу Минаса, поселившись в доме рядом с особняком, принадлежащим Клаудио Мануэлу да Коста. Одной дочке к этому времени исполнилось уже тридцать лет, и она жила с мужем в Рио, а вторая, десятилетняя девочка, жила с матерью.

Как мы уже сказали, Клаудио Мануэл да Коста был очень богат. Среди имущества поэта насчитывалось свыше ста рабов. В капитании Минас мало кто имел столько невольников. Однако, несмотря на свое столь

солидное положение в обществе, поэт очень неприязненно относился к местным португальским властям. Для этого имелись свои причины. Дело в том, что, когда в Вила-Рику прибыл губернатор Родриго Жозе де Менезес, он тут же отстранил поэта от обязанностей секретаря местного правительства, решив поставить на его место своего человека. По правде говоря, Мануэл да Коста никогда не собирался делать карьеру на государственной службе, не стремился ни к титулам, ни к почестям и, будучи богатым человеком, не нуждался в сохранении жалованья. Но самолюбие его было ущемлено, и это обстоятельство сыграло немалую роль в дальнейших событиях.

Алваренга Пейшото, самый молодой из трех друзей, родился в 1748 году, затем жил в Португалии, где поступил в университет Коимбра и девятнадцати лет закончил его. Он не сразу вернулся на родину, а пробыл еще несколько лет в Португалии. Здесь Пейшото подружился с музами, и первые пробы его поэтического пера относятся именно к этому периоду. В 1776 году он решил вернуться в Бразилию и, выезжая из Лиссабона, имел в кармане предписание португальских властей о назначении на должность судьи в поселке Рио-дас-Мор-тес. Родители Алваренги Пейшото, люди состоятельные, оставили в наследство сыну значительную сумму денег. Нельзя сказать, чтобы поэт витал в облаках и был лишен практической жилки. Обосновавшись в Рио-дас-Мортесе, Алваренга Пейшото приобрел значительные земельные угодья в капитании Минас и вскоре стал одним из самых богатых людей в округе.

Обладая несколько угрюмым характером, Алваренга Пейшото долго не мог подобрать себе подругу жизни, пока, наконец, судьба не свела его с Барбарой Элиодорой Жилерминой да Силвейра, уроженкой Вила-де-Санто-Антонио-да-Кампания. Эта красивая женщина, кроме всего прочего, была крупной землевладелицей. Соединив свои судьбы, молодожены объединили также свои богатства. Таким образом, состояние Пейшото значительно возросло. Вскоре после женитьбы его назначили командиром вспомогательного кавалерийского отряда, который размещался в Рио-дас-Мортесе. Как и все высшие офицеры того времени, он по местным законам обязан был за свой счет экипировать и содержать солдат своего отряда. Особыми полководческими способностями Пейшото, видимо, не обладал, но его аристократизм и тонкий вкус не вызывали ни у кого сомнения. Вскоре по всей капитании пошла молва о солдатах, находящихся в подчинении Алваренги Пейшото. Военные части под его командованием были одеты в очень элегантную форму. Как судья, Алваренга Пейшото ничем не прославил свое имя, и вскоре его стали называть чаще

полковником, чем судьей.

Влюбленный в родную землю, Алваренга считал себя бразильским патриотом и мечтал о возвеличении Бразилии. Но, будучи воспитанным в духе португальских традиций, он с уважением относился к существующим властям и считал только их способными управлять страной, понимая, однако, невозможность разумного управления из-за океана. Вот почему Алваренга мечтал о перенесении центра португальской империи из Лиссабона в Бразилию. Он даже написал оду, в которой призывал королеву донну Марию Перзую перевести столицу из Лиссабона в Рио-де-Жанейро и начать завоевание всей территории Американского континента. Как поэт Алваренга Пейшото считался более плодовитым, чем Клаудио Мануэл да Коста, и не проходило и месяца, чтобы друзья Пейшото не услышали от него новой оды, сонета или поэмы. Правда, большинство произведений Алваренги не увидели свет, и сейчас литературоведы могут судить о стиле и мастерстве Алваренги Пейшото лишь по одной-единственной, сохранившейся до наших дней поэме, которая называется «Канто Женетлиако». Внешне суровый, человек крутого нрава, Алваренга Пейшото был способен на неожиданные поступки. Но, по правде сказать, душа у него была очень добрая. Даже в кругу друзей Алваренга Пейшото любил появляться в военной форме, и это придавало какую-то особую значимость его словам. К мнению его прислушивались. В Вила-Рике Алваренгу Пейшото считали вольнодумцем и человеком слишком радикальных убеждений. Эта молва пошла об Алваренге Пейшото после того, как в 1782 году на крестинах сына губернатора Родриго Жозе де Менезес он прочитал перед всеми присутствующими, в том числе и перед губернатором, оду, написанную специально для этой церемонии. В этой оде восхвалялось равенство между людьми, проводилась идея свободы выбора правительства и воспевался человек, сам распоряжающийся своей судьбой. Однако, несмотря на такое вольнодумство, никто не мог упрекнуть Алваренгу Пейшото в каких-то крамольных действиях. Наоборот, все свидетельствовало о наличии у Алваренги Пейшото значительной доли практицизма и даже, может быть, некоторого расчета и деловой хватки.

Последний член триумvirата, поэт Томас Антонио Гонзага, родился в 1744 году и последнее время служил судьей в столице капитании Минас. Он считался самым талантливым из трех друзей. Его произведения отличались известным налетом фривольности и даже некоторого эротизма. Но любовная тематика у Гонзаги тесно переплеталась с политическими темами. Обращаясь к воображаемой любимой, Гонзага высказывал свои мысли об окружающем мире, о политическом строе, о будущем Бразилии.

После Гонзаги в Бразилии появился поэт Силвио Ромеро. Хотя Ромеро и признан величайшим поэтом Бразилии колониальных времен, но и имя Гонзаги не забыто, и стихи, которые он писал, стали известны не только в самой Бразилии, но даже в Европе. Одно из стихотворений Гонзаги переведено на русский язык Александром Сергеевичем Пушкиным. Оно так и называется: «С португальского». Больше всего Гонзага любил писать сонеты, тщательно отделявая каждую фразу.

Небольшого роста, полный, с голубыми глазами, веселый по характеру, Гонзага выглядел настоящим денди. Он хорошо одевался, внимательно следил за своей внешностью и очень огорчался, когда кто-нибудь напоминал ему о его возрасте, довольно большом животике и лысине, предательски блестящей на званых вечерах, когда в окружении молодых девиц, поклонниц его таланта, он декламировал свои последние сонеты и оды. В отличие от двух друзей Гонзага не обладал солидным капиталом. Когда он, вынужденный совершить путешествие в Португалию и получивший там назначение на пост судьи Вила-Рики, готовился к переезду в Бразилию, то денег на путешествие не хватило, и он обратился за помощью к ростовщикам. Так что судейская должность для Томаса Антонио Гонзаги была единственным источником существования, и назначение нового оувидора в Вила-Рику наносило сокрушительный удар по планам Гонзаги и, естественно, настраивало его против португальских властей. Недовольство Гонзаги имело под собой еще одну немаловажную причину; увольнение с должности судьи Вила-Рики и перевод на службу в Баию нарушали планы предстоящего бракосочетания с прекрасной девушкой Марией Доротеей.

Историю этой любви до сих пор можно найти в каждой бразильской школьной хрестоматии, и мы не можем хотя бы в нескольких словах не рассказать о ней, правда, для этого нам придется вернуться к событиям двухлетней давности.

В то время Томас Антонио Гонзага жил в доме на улице Антонио Диас, напротив площади, где строилась церковь Сан-Франсиско. Эту церковь и сейчас можно увидеть в городе Оуру-Прету, как сейчас называется Вила-Рика. Строительство церкви велось под руководством замечательного мастера Антонио Франсиско Лисбоара, который стал известен в истории колониального искусства Бразилии под прозвищем Алеижадиньо, или Алеижадиньо де Вила-Рика. Алеижадиньо был прекрасным скульптором и выполнял свои работы из так называемого «мыльного камня» в стиле барокко с привнесением своих, типичных только для этого мастера элементов. У Алеижадиньо были парализованы обе ноги, и когда он

отправлялся на работу, то единственный раб, имевшийся у Алеижадиньо, нес его на руках до мостков у входа строящейся церкви, которые служили Алеижадиньо рабочим местом. Так во г Томас Антонио Гонзага жил напротив строящейся церкви, но с Алеижадиньо у него были неважные отношения, так как Гонзагу раздражал стук, который производил мастер своими инструментами. Поэтому Гонзага предпочитал проводить время во внутреннем дворике дома, у фонтана, выложенного камнем. К дому Гонзаги примыкала резиденция, принадлежавшая двум братьям: доктору Бернардо да Силва Феррану и подполковнику Жоану Карлосу Шавьеру да Силва Феррану. Все восемь окон соседского одноэтажного, большого по тем временам дома выходили на улицу, а лишь одно окно – во двор дома Гонзаги.

Однажды, сидя у фонтана, Гонзага, случайно взглянув на соседское окно, увидел в нем мелькнувший силуэт девушки. Поэт заинтересовался, так как считал своих соседей закоренелыми старыми холостяками. Любопытства ради он стал выведывать у слуг, что за незнакомка появилась в доме братьев.

Оказалось, у стариков поселилась дочь одного из их дальних родственников – капитана в отставке. Гонзаге также доложили и имя девушки. Ее звали Мария Доротея Жоакина де Сейшас.

В другой раз, когда Гонзага вышел во дворик, он увидел открытое соседское окно, и возле него сидела Мария Доротея с каким-то вышиванием в руках. На галантный поклон поэта девушка ответила улыбкой и едва заметным кивком головы. Знакомство состоялось. Теперь уже Гонзага с нетерпением ожидал каждого следующего дня, стараясь улучшить момент, когда у окна появится божественное создание. Через месяц Гонзага признался сам себе в том, что он обожает Марию Доротею. Чувствительной душе поэта подобное признание послужило источником для творческого вдохновения, и Гонзага стал все стихи посвящать девушке. Потом он уже не довольствовался перечитыванием в одиночестве созданных од и сонетов и решил декламировать их друзьям и знакомым. Естественно, что вскоре в городе заговорили об увлечении поэта, и вилариканцы знали все подробности переживаний Томаса Гонзаги. Безусловно, о чувствах сорокалетнего Гонзаги к девятнадцатилетней Марии Доротее вскоре прослышали и родственники девушки, братья Ферран, которые к тому же встречались с другом Гонзаги – поэтом Клаудио Мануэлем да Коста. Когда Клаудио попытался прозондировать отношение братьев Ферран к возможному сватовству Гонзаги, то родственники девушки не проявили большого восторга. Даже больше того, они

высказывались решительно против заключения подобного брака. Когда Гонзаге передали слова братьев Ферран, это его отнюдь не обескуражило – он продолжал писать стихи, посвященные Марии Доротее, и надеяться на благополучный исход. После двух лет ухаживаний Гонзага преодолел все трудности, стоявшие на его пути, и в один прекрасный день братья Ферран просили Клаудио Мануэла да Коста сообщить Томасу Антонио Гонзаге об их согласии на официальное сватовство.

В один из вечерних июльских дней 1788года около дома братьев Ферран наблюдалось большое оживление. Судя по многочисленным лампам и светильникам, заливавшим ослепительным светом все пространство на много шагов вокруг дома, здесь готовилось какое-то торжественное событие. Вот как повествует о нем бразильский писатель Аугусто де Лима-младший.

«В большом зале дома Ферран вэтот вечер можно было увидеть весь цвет вилариканского общества, да и не только Вила-Рики, но, пожалуй, и всей капитании. Самые прекрасные и ароматные цветы садов Вила-Рики заполняли большие вазы из китайского фарфора, поставленные на каменные возвышения. Во всех канделябрах были зажжены свечи из надушенного стеарина. Мария Доротея, со своими родственниками и друзьями, ожидала прибытия Томаса Антонио Гонзаги, который, согласно принятым тогда обычаям, через своих доверенных лиц передал официальное предложение о сватовстве. Одетая в дорогое платье из тонкого батиста, с черными волосами, обрамлявшими нежное белое лицо, с украшениями из золота, драгоценных камней и жемчуга, Мария Доротея была прекрасна. Время от времени невеста или кто-нибудь из ее ближайших подруг садились к эспинето (музыкальному инструменту, похожему на пианино) и исполняли одно из произведений Пуччини и других композиторов. Во время одного из таких номеров, когда Мария Доротея играла романс Мартини, объявили о прибытии Толгаса Гонзаги, которого сопровождали его друзья Клаудио Мануэл, Инасио де Алваренга Пейшото, Грегорио Пирес Монтейро и Жоан Родригес де Маседо. После первых приветствий, которые были произнесены еще на лестнице и адресованы подполковнику Жоану Карлосу Феррану, все прошли в маленькую залу, где их встретил отставной капитан Валтазар Майринк, отец Марии Доротеи. В это время Мария Доротея в окружении родственников ожидала жениха в соседней комнате. Согласно обычаю руки Доротеи просил не сам Томас Гонзага, а его ближайший друг. Это был Клаудио Мануэл да Коста. Затем позвали Марию Доротею, и отец сообщил ей о сделанном предложении. Мария Доротея еле слышно ответила: «Да», –

и покраснела от счастья. Услышав ответ девушки, Гонзага взял ее за руку и поцеловал кончики пальцев. Затем все перешли в большую залу и уже официально признанных жениха и невесту представили находящимся в гостиной гостям. Со всех сторон послышались аплодисменты. Жениха и невесту стали осыпать лепестками роз и гортензий...»

Мария Доротея Жоакина де Сейшас (Марилиа де Дирсей).

Придерживаясь существовавших тогда традиций, с момента официальной помолвки до дня свадьбы приходилось ждать довольно долго. Бракосочетание Гонзаги с Марией Доротеей назначили на 31 мая 1789 года. Через несколько дней после помолвки в Вила-Рику прибыл новый губернатор виконт де Барбасена, и Томас Антонио Гонзага во время первого официального приема у губернатора пригласил его на свою свадьбу с Марией Доротеей. И хотя до торжественной церемонии оставалось еще довольно много времени, вся ВилаРика, все высшее общество столицы капитании уже готовились к этому большому событию.

В новой роли официального жениха Гонзага еще больше внимания стал уделять своему туалету и внешности. Обычно, прежде чем идти на улицу, он тратил не менее двух часов на одевание. В зависимости от погоды Гонзага тщательно подбирал камзол, отдавая предпочтение зелено-попугайному и персиковому цветам. Из нагрудного кармана всегда выглядывал кончик вышитого платка, а батистовая рубашка неизменно находилась в идеальном состоянии.

Вот и сейчас, когда мы наблюдаем за Гонзагой, он нетерпеливо

посматривает на часы, вздыхает, но никак не может оторваться от большого зеркала, висящего в спальне. То ему кажется, что воротник чуть-чуть измят, то вдруг обнаруживает на белоснежных перчатках какое-то пятнышко. Одним словом, время идет, и, безусловно, друзья Гонзаги опять начнут нервничать или, что еще хуже, посмеиваться и отпускать шуточки в адрес жениха. Наконец, закончив туалет, Гонзага вышел на улицу, закрыл за собой дверь и отправился в дом Клаудио Мануэла да Коста на очередную встречу с друзьями. Гонзага с большими предосторожностями спустился по улице Антонио Диас, каждый раз внимательно выбирая место, прежде чем поставить ногу, стремясь не ступить в лужу, чтобы, упаси боже, не испачкать ботинки или камзол. Как всегда, дорога его шла через мост дос Контос, где он имел обыкновение останавливаться и при свете звезд и луны декламировать сочиненные за день новые стихи. Он и на этот раз не изменил привычке. Однако на мосту его поджидала небольшая неприятность. Какой-то нахал, мчавшийся во всю прыть на лошади, чуть не налетел на замечтавшегося поэта, и капли из разбрызганной копытами лошади лужи все же попали на его одежду. Такое чрезвычайно неприятное происшествие испортило хорошее настроение Гонзаги, и он пришел в дом Клаудио Мануэла да Коста в пресквернейшем состоянии духа.

Обычно во время подобных встреч первым свои стихи начинал читать Гонзага, за ним – Клаудио Мануэл да Коста и последним – Алваренга Пейшото. Если же, кроме трех друзей, в доме находились приглашенные, то им тоже давалось милостивое разрешение показать свое поэтическое искусство и дарование. Однако на этот раз Гонзага не пожелал читать стихов, и разговор зашел о литературе. Клаудио Мануэл да Коста стал рассказывать содержание одной из книг, взятой у недавно возвратившегося в Вила-Рику Алвареса Масиела.

– Подумайте только, – сказал Клаудио Мануэл, – на что у меня богатая библиотека, но и в ней вы не найдете всех тех замечательных вещей, которые удалось провезти молодому человеку из Англии. Безусловно, попадись на глаза португальским таможенникам в порту Рио-де-Жанейро багаж господина Масиела, ему бы несдобровать. К счастью, все обошлось благополучно. Я, правда, не знал и не мог предугадать плохое настроение нашего друга Гонзаги, но хотел вместо чтения стихов преподнести вам сюрприз, пригласив на наш вечер каноника Луиса Виейру да Силва. Вы, вероятно, не имеете ничего против его общества. Он только сегодня завершил интересную работу – закончил перевод американской конституции. Это очень любопытный документ, написанный довольно легким языком и содержащий чрезвычайно либеральные мысли. Мы,

вольнодумцы, пойдем их и воспримем правильно. Но представьте себе, если это станет известно его превосходительству губернатору виконту де Барбасена, с ним, безусловно, приключится удар, – засмеялся Клаудио Мануэл да Коста. – Однако хотя всем нам безразлично состояние здоровья его превосходительства, все же мы не станем делиться с ним всем сказанным здесь во время наших дружеских бесед и дискуссий.

Не успел Клаудио Мануэл да Коста закончить свой монолог, как в комнату вошел священник Луис Виейра да Силва, держа в руке перевязанный ленточкой свиток.

– Вы знаете, друзья, – произнес священник, снимая накидку и стряхивая с нее дождевые капли, – я не утерпел до утра, хотя мог бы прочитать это произведение на наших обычных встречах за чашкой кофе. Но меня буквально распирает желание сегодня же поделиться с вами содержанием этого интересного документа, привезенного Алваресом Масиелом, родственником подполковника Франсиско де Паула.

Клаудио Мануэл да Коста кликнул раба и приказал принести еще пару светильников. Друзья уселись за стол, хозяин дома наполнил глиняные кружки терпким красным вином, каноник Луис Виейра да Силва развернул свиток и с выражением стал читать переведенный им текст американской конституции.

Пожалуй, можно считать, что именно в этот вечер прозвучали первые в Вила-Рике слова, в какой-то степени подрывавшие устои португальской власти или по крайней мере зарождавшие сомнения в незыблемости устоев португальского господства на бразильской земле.

На другое утро день выдался солнечный и жаркий. Часов в десять, как обычно, Клаудио и Алваренга отправились пить кофе в дом к Гонзаге. На веранде, выходящей в сад, уже накрыли стол, но друзья не приступали к кофепитию, как всегда поджидая неизменного четвертого компаньона – Луиса Виейру да Силва. После первой чашки кофе Луис Виейра да Силва принимался читать поэтам очередную проповедь, подготовленную для произнесения с амвона церкви. Когда у друзей появлялись какие-то замечания, священник Луис Виейра вносил в текст проповеди соответствующие коррективы. Если возникали какие-то споры и разногласия, то последнее слово всегда оставалось за Клаудио Мануэлом да Коста. Самый старший по возрасту, он пользовался среди своих товарищей непререкаемым авторитетом, разве что иногда Алваренга Пейшото осмеливался в чем-то возразить Клаудио. Но это случалось очень редко и большей частью не касалось принципиальных вопросов. Иной раз сюда, на веранду дома Гонзаги, подходили к утреннему кофе и другие собеседники –

любители прекрасного и возвышенного, поклонники музыки и своих талантов. Здесь вы могли увидеть доктора Диего Перейру Рибейро де Васконселос, интенданта Грегорио Пиреса Монтейро и священника Мигеля Эуженио да Силва Маскареньяса. Они также баловались стихами и не стеснялись отдавать их на суд лишь Клаудио Мануэлу да Коста, считая его более беспристрастным, чем Гонзага или Алваренга Пейшото.

В это утро разговор что-то не клеился. Правда, не желая нарушать традицию, каноник все-таки прочитал свою очередную проповедь и получил кучу замечаний от Гонзаги. Но потом никто не стал декламировать новые стихи, и беседа как-то незаметно заглохла, пока вдруг Алваренга Пейшото не сказал, обращаясь к друзьям:

– Вы знаете, я сегодня долго не мог заснуть после того, как почтенный каноник прочитал нам вечером эти американские законы. Вероятно, для нас такие законы не совсем подошли бы.

– Дорогой полковник, – перебил Алваренгу Гонзага, – а зачем нам следовать примеру какой-то чужой страны? У нас в Бразилии достаточно светлых умов, которые в состоянии выработать еще лучшие законы и постановления. Будь у меня достаточно времени, я бы за месяц создал гораздо более совершенные, с юридической точки зрения, документы.

Клаудио Мануэл да Коста улыбнулся.

– Дорогой Гонзага, я уверен, если вы будете тратить всего лишь наполовину меньше времени для завершения своего ежедневного туалета, то мы станем свидетелями рождения таких необычайно прекрасных законов, которых еще не знал мир, а потом, когда вы напишете их, мы издадим книгу, по сравнению с которой «Дух законов» Монтескье, хранящийся в библиотеке подполковника Домингоса Виейры, покажется жалким лепетом.

Уловив иронию в словах Клаудио, Гонзага, обидевшись, надулся и, выйдя во дворик, принялся прохаживаться под окном Марии Доротеи.

– Господин Гонзага, к вам можно? – послышался в глубине дома чей-то звонкий голос, и на вернаду вошел Алварес Масиел. – Простите, я не помешал вашему разговору? – ска-Вал он, увидев сидевших за столом собеседников.

– Нисколько, – ответил Клаудио. – Мы очень рады вас видеть, наш юный друг. Садитесь с нами, выпейте кофе и пока не мешайте Гоазаге. Вон он ходит под окном Марии Доротеи, сочиняя очередную оду. С помощью музыки он сделает это довольно быстро и через несколько минут вернется в нашу компанию. А пока расскажите новости, которые вы, безусловно, принесли с собой.

– Вы не ошиблись, господин Клаудио, – сказал Масиел. – Сегодня утром я встретился с человеком, о котором уже имел честь вам рассказывать. Вчера из Рио вернулся прапорщик Жоакин Жозе да Силва Шавьер по прозвищу Тирадентис, тот самый человек, с которым я имел интересную беседу в первый же день после возвращения на родину. Этот прапорщик – любопытная фигура, и, я думаю, небезинтересно познакомить его с людьми, в которых бьется живая творческая мысль. – Произнеся эти слова, Алварес Масиел протянул руки к сидевшим за столом друзьям, давая понять, что последняя фраза имеет к ним самое непосредственное отношение.

В этот момент на веранду вернулся Гонзага.

– А, здравствуйте, друг Масиел. Очень приятно, что вы навестили нас. Как поживает ваше семейство? Здоров ли ваш уважаемый родственник подполковник Франсиско де Паула Фрейре де Андраде? Я думаю, присутствующие поддержат меня, если я выскажу вам благодарность за этот оригинальный документ, который вы одолжили нашему почтенному канонику Луису Виейре да Силва. Он сделал замечательный перевод его.

– Как, – оживился Алварес Масиел, – падре уже сделал перевод текста американской конституции?! Это прекрасно! Я как раз обещал Тирадентису познакомить его с ним.

– Какому Тирадентису? – с любопытством спросил Гонзага.

– Вероятно, вам будет интересно встретиться с этим человеком, – произнес Масиел. – Прапорщик Тирадентис очень колоритная фигура, и я в своей жизни редко встречал людей энергичнее его. Вчера вечером он только что прискакал из Рио.

– Прискакал?! – Гонзага нахмурился. – Вероятно, нахал, забрызгавший мой камзол вчера вечером, и был ваш прапорщик, прискакавший из Рио.

Масиел пожал плечами.

– Сомневаюсь. Хотя, впрочем, если он и совершил такой проступок, то, безусловно, не намеренно, и поэтому прошу вас проявить великодушие и простить ему это. Во всяком случае, постараемся не думать плохо о человеке из-за забрызганного по его вине камзола.

Гонзага ничего не ответил, но аргументы Масиела, видимо, не помогли ему изменить свое мнение о дурно воспитанном всаднике.

Взяв рукопись перевода у каноника Луиса Виейры да Силва, молодой инженер откланялся и удалился, предварительно попросив разрешения у Клаудио Мануэла да Коста прийти к нему домой вместе с Тирадентисом.

Когда вечером Масиел встретился с Тирадентисом и рассказал о разговоре в доме Гонзаги, то прапорщик был в восторге. Тирадентис очень

хотел, чтобы в предстоящем заговоре участвовали всеми уважаемые и почитаемые в капитании люди. Друзья же поэты, как Клаудио, так и Гонзага и полковник Алваренга Пейшото, пользовались очень большим авторитетом среди высшего общества Минаса.

На другой день в доме Клаудио Мануэла да Коста состоялась встреча поэта с Тирадентисом. Их беседа продолжалась несколько часов. Причем говорил больше Тирадентис, а Клаудио внимательно слушал.

– Но, дорогой Тирадентис, – я надеюсь, вы позволите мне называть вас так? – разделяя многие ваши мысли, я все же выражаю сомнение в осуществимости подобных планов. На мой взгляд, главное препятствие заключается в отсутствии людей, способных довести их до конца и одержать победу. – Клаудио сделал паузу, уселся поглубже в кресло и вытянул ноги. – Я должен вам признаться, – продолжал он, – о наличии, вероятно, даже в избытке, самых фантастических революционных планов и не скрою того факта, что со своими друзьями мы не раз обсуждали самые блестящие программы действия. Однако, как вы сами можете убедиться, дальше разговоров у нас дело не пошло. Да и вряд ли, зная восторженные, но малодетельные натуры, какими являемся все мы, поэты, наши прожекты смогли бы когда-либо обрести реальную почву.

Тирадентис встал и в волнении начал ходить из угла в угол по комнате.

– Вы недооцениваете силы свои и ваших друзей. Если мы объединимся, если создадим группу из активных, мыслящих граждан капитании Минас, то наше дело, безусловно, поддержат в других капитаниях. А узнав о восстании, на помощь поспешат добрые люди из различных государств.

– И все же я уверен, – медленно произнес Клаудио, – что у нас в Минасе нет подобных людей. Когда Соединенные Штаты вели свою борьбу против англичан, то они по крайней мере нашли трех человек, способных начать кампанию. А в Минасе нет никого. Разве только прапорщик Жоакин Жозе, разве только Тирадентис ведет пропаганду. Но вы можете кончить тем, что потеряете ваши головы. Если все же вы решили посвятить жизнь такому благородному делу, как освобождение нашей родины от португальского владычества, то я желаю вам всяческого успеха. Сам я уже не гожусь для того, чтобы скакать на лошади и со шпагой в руке бросаться на врагов нашей независимости. Однако если вам будут нужны мои советы, а также советы моих друзей, то мы к вашим услугам.

– Спасибо, – произнес Тирадентис и взял свою треуголку, лежавшую на скамейке. – Мне кажется, ваши рекомендации и советы принесут гораздо большую пользу общему делу, чем непосредственное участие в

предстоящих сражениях. Минае переполнен людьми, способными держать шпагу в руках и умеющими метко стрелять.

После ухода Тирадентиса Клаудио Мануэл да Коста еще долго сидел в своей любимой позе в кресле, думая о собеседнике. Так погруженным в свои мысли его и застал священник Луис Виейра.

Увидев приятеля, Клаудио рассказал о посещении Тирадентиса и вновь выразил сомнение в осуществимости его планов.

– Нет, дорогой Клаудио, – возразил Луис Виейра, – Тирадентис принадлежит к той категории *homo sapiens*, которые если уж задумают что, то доводят дело до конца. Будь бы у нас больше таких людей, как Тирадентис, Бразилия стала бы процветающей республикой.

8. ПЕРВАЯ САБЛЯ ЗАГОВОРЩИКОВ

Размышляя о беседе с Клаудио Мануэлем да Коста, Тирадентис не заметил, как дошел до капеллы «Сеньор до Бонфин», находившейся на улице Глория. Стены ее были увешаны увядшими гирляндами цветов, оставшихся, вероятно, еще с 14 сентября, когда отмечался религиозный праздник. Сейчас небольшая капелла была освещена и там служили мессу. Тирадентис замедлил шаг и приблизился к входу. Недалеко от алтаря виднелась группа вооруженных людей, в центре которых находились двое одетых в рубища мужчин со связанными сзади руками. Видимо, это были очередные жертвы португальских властей, приговоренные к смертной казни. Обычно осужденные на смерть через повешение присутствовали на последней мессе, после которой их отправляли на виселицу.

– Что сделали эти несчастные? – спросил Тирадентис какого-то зеваку, с любопытством рассматривавшего происходящее в капелле.

– А кто их знает! Наверное, нарушили какой-нибудь закон. Вот если сейчас после мессы их поведут через весь город к дальним виселицам, то, значит, вина их велика. А если повесят где-нибудь поблизости, выходит, они птицы мелкого полета.

Тирадентис вздохнул.

– Как просто: нарушил закон – и виселица, немножко нарушил закон – тоже виселица, только поближе.

Зевака, видно, не понял мрачной иронии, заключающейся в словах Тирадентиса, и подтвердил:

– Конечно, просто, сеньор. – Затем, видимо польщенный вниманием, оказанным его персоне прапорщиком, и желая поддержать беседу, стал расхваливать судей, которые так легко и с такой мудростью разбираются в степени виновности нарушителей португальских законов.

Но в это время кто-то окликнул Тирадентиса. Он обернулся и увидел сержанта-мора Жозе Жоакина да Роша.

– Слушай, прапорщик, – сказал сержант-мор, подходя к Тирадентису, – мы все уже думали, что ты в Рио добиваешься у вице-короля назначения на пост губернатора Вила-Рики, так долго ты отсутствовал в гарнизоне. Подполковник на днях выражал недовольство твоей неаккуратностью. Ведь срок разрешения, кажется, давно уже истек.

Тирадентис закусил губу и с досадой махнул рукой.

– Вот дьявол! Спасибо тебе, Жозе Жоакин, за напоминание. Совсем

вылетело из головы, что я до сих пор не доложил о прибытии.

Зевака, слышавший разговор однополчан, отступил на несколько шагов, потом вдруг неожиданно повернулся и бросился, наутек. Видимо, он решил убраться подобру-поздорову, так как, несомненно, этого прапорщика как нарушителя воинской драгунской дисциплины вскоре тоже заставят слушать последнюю мессу и потом поведут через весь город к самой дальней виселице, на ближней же повесят его, зеваку, если и не как соучастника преступления прапорщика, то наверняка как собеседника.

Желая как можно быстрее уладить неминуемые неприятности, связанные с опозданием из отпуска, Тирадентис направился на улицу Конде де Бобадела, где находился дом подполковника Франсиско де Паула Фрейре де Андраде. Солидный особняк выглядел очень внушительно и свидетельствовал о состоятельности его владельца. Подполковник действительно обладал большим богатством и, будучи знатного происхождения как со стороны отца, так и со стороны матери, считался влиятельным лицом в капитанни. К тому же под контролем Франсиско де Паула Фрейре де Андраде находилась вся наемная армия Минаса, состоявшая из подразделения драгунов, к которому принадлежал, как мы знаем, и Тирадентис.

Подойдя к дому начальника, Тирадентис заметил, что все ставни окон были плотно закрыты, как будто хозяева особняка уехали в далекое путешествие. Однако после первого же стука за массивной резной дверью послышались шаги, щелкнул засов, и старый слуга спросил, кого желает видеть посетитель.

– Подполковник дома? – спросил Тирадентис.

– Дома, господин прапорщик, но он болен.

– Если можно, я все же хотел бы увидеть господина подполковника по срочному делу.

– Эй, парень, кто это ко мне? – послышался из глубины дома зычный голос.

Слуга жестом пригласил Тирадентиса войти, а сам, заперев за ним дверь, бросился на зов хозяина.

– Мой господин, к вам пришел господин прапорщик.

– Так пускай же он войдет. Не все ли равно, прапорщик или капрал, была бы только живая душа, а то этот лекарь целую неделю заставляет меня лежать одного-одинешенька. Словом перекинуться не с кем.

Тирадентис переступил порог комнаты и чуть не отпрянул назад, настолько воздух в помещении, где лежал подполковник, был спертым. Ставни в комнате не пропускали ни света, ни воздуха. Небольшой,

немилосердно коптящий светильник позволял разглядеть кровать, на которой, укрытый несколькими теплыми одеялами, обливаясь потом, лежал драгунский командир.

– Здравствуйте, господин подполковник! Прошу извинить за нарушение вашего покоя. Но мне хотелось как можно быстрее доложить о своем возвращении.

– Ты, друг мой, – сухо ответил Франсиско де Паула, – если я не ошибаюсь, опоздал на два месяца. Может быть, перепутав, считаешь себя начальником всех драгунов, а меня прапорщиком, который должен выполнять твои приказы?

Тирадентис, чувствуя за собой вину, решил не возражать и выслушать до конца справедливый разнос начальника.

– Ну что же молчишь? Или не согласен с моими словами?

– Нет, господин подполковник. Но я признаю всю тяжесть вины и считаю бесполезными любые оправдания.

Подполковник попытался сбросить с себя одеяло и приподняться, но, обессиленный, вновь упал на подушки.

– Нет, посмотрите, какой овечкой он прикидывается. Не хочет оправдываться! Признает свою вину! Скажи спасибо Масиелу, моему шурина, который рассказал мне о твоих бесполезных хлопотах в Рио и подтвердил, что мой прапорщик не только занимался там уходом за мулатками, а то не миновать бы тебе самого строгого суда. На этот раз отделаешься штрафом. Ну, рассказывай, что там нового, что творится сейчас здесь, в городе?

Тирадентис немного растерялся и не придумал ничего лучшего, как рассказать о последней мессе в капелле «Сеньор до Бонфин».

Подполковник досадливо махнул рукой.

– Подумаешь! Разве это новость? Бродяг вешают каждый день. Скажи, что слышно о намерениях губернатора виконта де Варбасена?

– Говорят, скоро объявят дерраму.

– И ты туда же про дерраму. Масиел заладил: деррама, деррама, поэт Клаудио о ней толкует. А я не верю. Не могут объявить еще одну дерраму.

– А что, если объявят, господин подполковник? – спокойно спросил Тирадентис.

Франсиско де Паула задумался, потом решительно покачал головой.

– Не может быть. Все станут нищими. А их и так уж расплодилось – дальше ехать некуда. В капитании куда ни плюнь – попадешь на нищего, бездомного или бродягу. Ну ладно, хватит вести такие разговоры. Я думал, вот прапорщик меня чем-нибудь развеселит или утешит, а ты, как видно,

умеешь только расстраивать людей.

– Если разрешите, господин подполковник, то я попытаюсь сделать и доброе дело, облегчив ваши страдания.

– Это другой разговор. Прапорщик из тебя вышел с большими изъянами, а вот Тирадентис мне нравится больше.

Осмотрев больного, Тирадентис нашел у него обычную простуду и приступ радикулита. Обещав прислать мазь и целебный отвар, Тирадентис вышел, озабоченный угрозой подполковника наложить на него штраф за опоздание, и, придя домой, рассказал жене о разговоре с подполковником.

– Я советую, Жоакин, поговорить с господином Масиелом. Пускай он попросит подполковника простить тебя. Сам знаешь наше трудное положение. У нас и так ничего нет, и, даже продав аптеку, денег не хватит для уплаты штрафа.

– Нет, что ты, дорогая! Как могла прийти в голову моей жене мысль расстаться с аптекой? А вот насчет Масиела, пожалуй, ты подала разумную идею. Сегодня же я схожу к шурина подполковника.

Вечером Тирадентис направился к Алваресу Масиелу и, к своему удовольствию, застал там поэта Клаудио. Масиел очень приветливо встретил Тирадентиса, пригласив принять участие в беседе. Разговор и здесь вертелся вокруг той же злободневной темы: предстоящем объявлении деррамы. Клаудио, учитывая крайне плачевное состояние экономики капитании, горячо доказывал невозможность подобной акции. Алварес Масиел не оспаривал мнения Клаудио и в то же время не сомневался и в возможности объявления португальскими властями деррамы.

– Что вы можете сказать по этому поводу, Тирадентис? – обратился Масиел к прапорщику.

Тирадентис как будто только и ждал этого вопроса.

– Необходимо готовить восстание, – ответил он решительным тоном.

– Вы одержимы, Тирадентис. Нельзя же так сразу, восстание, восстание! Кто решится взять на себя ответственность и возглавит заговор против законного правительства?

– Решительных людей очень много в капитании, – ответил Тирадентис.

– Что касается меня, то, не хвастая, не причисляю себя к категории трусов и никогда не откажусь от любой доли ответственности, которая может пасть на меня при выполнении такого благородного дела, как освобождение родины от португальских захватчиков. Я уверен, – продолжал горячо Тирадентис, – людей мы найдем. В желающих поддержать наш план недостатка не будет. Много ли времени прошло с тех пор, как я вернулся в Вила-Рику? И с кем бы ни завел разговор, все, как правило, обязательно

выражают недовольство нынешними порядками. Мне кажется, необходимо воспользоваться благоприятной обстановкой и предстоящим объявлением деррамы. Это как раз удобный повод, удобный момент начать восстание. Я предлагаю собраться завтра здесь, и каждый приведет с собой нескольких человек, в порядочности которых не сомневается. Мы приступим к выработке конкретных планов. Дальше медлить и ограничиваться одними разговорами невозможно.

Клаудио Мануэл да Коста не проявил особого энтузиазма, выслушав предложение Тирадентиса, но и не возражал. Он даже сказал, что, вероятно, придет не один, а с Гонзагой и каноником Луисом Виейрой. Алварес Масиел, со своей стороны, обещал пригласить трех-четырёх близких друзей, на которых он мог, по его словам, целиком и полностью положиться.

Перед уходом Тирадентис рассказал Масиелу о своем конфликте с подполковником Франсиско де Паула Фрейре де Андраде и попросил инженера помочь уладить вопрос со штрафом. Масиел ответил, что это не составит для него никакой трудности, и Тирадентис ушел в прекрасном настроении.

По дороге домой он завернул к приятелю сержанту-мору Жозе Жоакину да Роша, с которым утром встретился около капеллы. У Роша он застал подполковника первого подразделения кавалерии Базилио де Бритто Мальейро до Лаго.

— Ну как? — с любопытством спросил сержант-мор. — Что сказал подполковник Франсиско де Паула?

— Кажется, все обошлось благополучно. Но спасибо за напоминание. Как у меня такая вещь могла вылететь из головы, не могу представить.

— А что такое с вами приключилось, прапорщик? — осведомился Базилио.

— Да так, едва-едва избежал одной большой неприятности. Слава богу, все обошлось. Но самого подполковника Франсиско да Паула, боюсь, расстроил основательно, заведя разговор о предстоящей дерраме.

— А вы уверены, — перебил Базилио, — в скором объявлении деррамы?

Тирадентис удивленно поднял брови:

— Кто же в этом не уверен? Да знаете, что виконт де Барбасена привез личные инструкции от Мартино де Мелое-Кастро из Лиссабона. Там не только говорится о дерраме. Есть еще одна инструкция, которая нанесет большой удар по всем богатым людям капитании. Мне один верный человек рассказал, что согласно этой инструкции никто уже не сможет иметь свыше десяти контос, а все остальные деньги должны сдаваться в

королевскую казну.

Базилио недовольно поморщился.

– Я бы посоветовал вам, прапорщик, говорить более осторожно и с большим почтением о правителях. Ведь без них эти земли не смогут хорошо управляться. Как же можно настраивать народ против властей, данных богом и нашей королевой?

– Ах! – воскликнул Тирадентис. – Бог здесь ни при чем, и, может быть, королева ни при чем. По крайней мере она не знает истинного положения вещей у нас в капитании. Поэтому от нас самих зависит, будут ли продолжаться нынешние порядки, или мы сможем повернуть колесо фортуны в свою сторону. Если было бы в моей власти изменить существующие порядки! Но я, к сожалению, один ничего не могу сделать. Если бы можно было рассчитывать хотя бы на вашу помощь.

Подполковник Базилио де Бритто Мальейро склонил набок голову, как бы прислушиваясь к сказанному Тирадентисом.

– Что вы имеете в виду, мой друг прапорщик? – вкрадчиво произнес он.

– Ничего конкретного, господин подполковник.

– Как же я могу оказать вам неконкретную помощь? – рассмеялся Базилио, но смех его звучал несколько искусственно. – Ну хорошо, если потребуется какая-либо конкретная помощь, то я согласен оказать вам ее.

Тирадентис молча поклонился. Ему не хотелось особенно распространяться перед Базилио, так как о подполковнике ходила очень дурная слава. Португалец по национальности, Базилио де Бритто Мальейро родился и вырос в маленьком местечке метрополии. Лет десять назад, приехав в Бразилию, он получил звание подполковника вспомогательных войск в Паракате. Нечистый на руку, Базилио быстро сколотил солидное состояние, занимаясь контрабандой алмазов и торговлей рабами. Он не брезговал любыми видами запрещенной торговли и искусно мог увиливать от уплаты налогов. В Вила-Рику Базилио приехал, узнав о смещении с поста судьи Антонио Томаса Гонзаги. Гонзага был тем человеком, которого больше всех ненавидел Базилио, так как судья-поэт в силу своих служебных обязанностей неоднократно возбуждал против Базилио судебные дела. По инициативе Гонзаги на Базилио неоднократно накладывались большие штрафы в пользу государственной казны. Тирадентис не знал всех этих подробностей, но краем уха слышал об отнюдь не блестящей репутации подполковника Базилио де Бритто Мальейро. Вспомнив об этом, Тирадентис быстро сообразил, что подобный человек абсолютно непригоден для участия в заговоре против

португальских колониальных властей.

Надо же было так случиться, что на другое утро Тирадентис опять столкнулся с Базилио. Зайдя в лавку, которая помещалась на нижнем этаже дома Жоана Родригеса де Маседо, Тирадентис увидел там Базилио и сына гварда-мора из Конгоньяс-до-Кампо. Тирадентис поздоровался с пареньком и подполковником. Сначала беседа шла о погоде, о каком-то беглом рабе, пойманном в Конгоньяс-до-Кампо. Постепенно лавка заполнилась народом, и завязался общий разговор. Говорили о всякой всячине, а когда кто-то пожаловался на плохую жизнь в капитании Минас, Тирадентис спросил, знает ли кто-нибудь, сколько народу живет в капитании. Конечно, никто не мог ответить на такой вопрос. Тогда Тирадентис вытащил из кармана карту, где были указаны все населенные пункты Минаса и против каждой точки стояла цифра, обозначающая число жителей. Оказывается, в Минасе в то время проживало около четырехсот тысяч человек. Тирадентис показал карту всем присутствующим и сказал:

– Вот смотрите, здесь живет столько людей, и все мы плачем и бедствуем из-за одного человека – губернатора. И каждые три года сюда приезжает новый губернатор. За три года он наполняет свои карманы нашими богатствами и уезжает. А что остается на долю бедных сыновей Америки? Если бы это была другая нация, она давно восстановила бы справедливость.

Сын гварда-мора перебил Тирадентиса:

– Вы, уважаемый господин прапорщик, говорите о восстании. Я бы не хотел, чтобы кто-нибудь сообщил в Португалию о том, что в Вила-Рике ведут такие разговоры.

Тирадентис спокойно возразил ему:

– Я не говорил о восстании. Я говорил о восстановлении справедливости.

Увидев усмешку на лице Базилио де Вритто Мальейро, Тирадентис развивать свою мысль не стал, распрощался и вышел из лавки.

– Да, – заметил Базилио, – хороший человек прапорщик. Но горячий. И поэтому не следует принимать его слова всерьез. Уж кто-кто, а Тирадентис служит верой и правдой ее величеству королеве. Помните, как несколько лет назад сама королева прислала ему благодарность за верную службу португальской короне? Вот если бы подобные речи я услышал от судьи Гонзаги, то нисколько не удивился бы. Гонзага не испытывает никакого почтения к властям, и недаром его сняли с поста судьи. Поздновато, конечно, но все-таки справедливость восторжествовала. – Базилио сел на любимого конька и с жаром принялся чернить Гонзагу.

Все присутствующие уже неоднократно слышали высказывания Базилио на эту тему и, не желая выслушивать их еще раз, стали расходиться.

А в это время Тирадентис бродил по гористым улицам Сила-Рики, с нетерпением ожидая наступления вечера, когда сможет направиться в дом к Алваресу Масиелу, где можно будет начать конкретный разговор о предстоящем восстании.

На улице де Кармо он повстречался со своим старым приятелем Антонио де Афонсеко Пестаной. Друзья не виделись несколько лет, и Тирадентис, узнав, что Пестана приехал из Рио-дас-Мортеса, стал расспрашивать, как живут крестьяне этого района, довольны ли своей жизнью, не притесняют ли их португальские власти налогами и поборами. Антонио, неуклюжий увалень, отвечал односложно. Но когда Тирадентис завел разговор о бесчинствах португальских властей, лицо Антонио помрачнело и он наморщил лоб.

– Пожалуйста, Жоакин Жозе, не напоминай мне об этих варварах. Я как раз приехал к губернатору с жалобой на местные власти. Ты не представляешь, как упали наши доходы, но местных сборщиков налогов это абсолютно не трогает. Всего позавчера ко мне явился один из них и потребовал уплатить два контос за какие-то провинности, о которых я не имею ни малейшего представления. Вот я и надеюсь получить защиту у нового губернатора.

Тирадентис всплеснул руками.

– До чего же ты наивен, Антонио! Разве виконт де Барбасена, посланный самой королевой и португальскими властями, станет на твою сторону? Ни за что! Ведь именно он послал целую армию сборщиков налогов. Выполняя приказание губернатора, они и явились к тебе домой, так же как приходят каждый месяц к твоим соседям и вообще ко всем жителям капитании.

– Ну, уж против этого ничего не сделаешь! А я все же схожу к губернатору. Может быть, удастся убедить его, и правда возьмет верх.

– Как – ничего не сделаешь? Представь себе, если бы все богатства Минаса принадлежали нам, родившимся на этой земле, а не вывозились бы в Португалию. Какая бы наступила прекрасная жизнь. Я верю, что настанет день, когда жители освободятся от всех этих налогов, деррам, от гнета чужеземных министров, которые эксплуатируют нашу землю.

– Чур тебя, Жоакин Жозе! Как можно даже думать о подобных вещах? Вероятно, ты сошел с ума. Такие мысли даже слушать опасно, а не только высказывать вслух.

– Ничего, ничего, Антонио, близок день, когда на нашей земле начнется восстание против португальцев. Я думаю, услышав о нем, ты не останешься в стороне.

Антонио посмотрел на Тирадентиса глазами, в которых можно было увидеть величайший испуг. Он торопливо простился с прапорщиком и пошел не оглядываясь. Тирадентис посмотрел ему вслед и усмехнулся, подумав про себя: «Ничего, когда наступит решительный момент, и Антонио де Афонсеко, и его друзья, и его соседи – все будут на нашей стороне. Никому не безразлична борьба за справедливость, борьба за свободу Бразилии».

Стемнело, когда Тирадентис вошел в дом Алвареса Масиела. Там уже находилось человек восемь, среди них Клаудио Мануэл да Коста, Томас Антонио Гонзага, викарий Карлос Корреа де Толедое-Мело, приход которого был расположен в Сан-Жозе-дел-Рей, каноник Луис Виейра и еще несколько человек. Все были в несколько возбужденном, приподнятом настроении, разговаривали неестественно громкими голосами о вещах, не имевших никакого отношения к политике. Каноник Луис Виейра читал двум любителям поэзии свою новую оду, Клаудио Мануэл да Коста советовал Масиелу оправить в серебро голень страуса, служившую большим светильником, а Гонзага стоял у окна, задумавшись, не обращая никакого внимания на остальных присутствующих.

Заговорщики обсуждают свои планы в доме полковника Андраде (старинная гравюра).

– О дорогой прапорщик! – вскричал Масиел, увидев Тирадентиса. – Как хорошо, что вы зашли сегодня сюда, и я смогу познакомить вас с

моими друзьями.

Тирадентис удивленно посмотрел на Масиела.

– Но мы же договаривались.

Масиел смутился.

– Конечно, конечно. – Потом, наклонившись к Тирадентису, заговорщически шепнул: – Понимаете, ради конспирации нужно сделать вид, что все мы собрались сегодня вместе чисто случайно.

Тирадентис понимающе кивнул головой, хотя совершенно не был убежден в необходимости подобного рода конспирации.

– Так вот, дорогой Тирадентис, как раз до вашего прихода здесь спорили о проблемах, которые, вероятно, волнуют БС и мыслящее население нашей капитании. Я имею в виду предстоящее объявление деррамы и нашего почтенного губернатора виконта де Барбасена. Каково ваше мнение, уважаемый Тирадентис, по этому вопросу?

– Я думаю, нужно готовить восстание. Все условия для успешного проведения его имеются.

Когда Тирадентис произнес слово «восстание», в комнате воцарилась гробовая тишина.

– Но, дорогой друг, – нарушил молчание Гонзага, – не кажется ли вам рискованным произносить слово «восстание»? Нет, не то слово – рискованно. Я бы сказал, преждевременно. Ведь еще не выработаны планы, мы не знаем наших возможностей. Даже, если хотите, не имеем ни малейшего представления о том, как организовать жизнь капитании в случае успеха этого мм... предприятия, о котором вы говорите.

– Но, господин судья, – перебил Тирадентис, – я думаю, мы, все присутствующие здесь, в состоянии сделать какие-то наметки и если не решить что-то окончательно, то по крайней мере составить план дальнейших действий. Я думаю, заботиться о будущем капитании и других земель, которые станут свободными в ходе нашего движения, не приходится. Имея в своей среде таких блестящих юристов, как господин Гонзага, господин Клаудио Мануэл да Коста, можно не беспокоиться о законах и конституции будущей республики Бразилии. Кроме того, если прийти к какому-то определенному решению в отношении наших планов, то часть из них сможет заняться выработкой законов, другие возьмут на себя сбор средств, третьи станут готовить оружие и амуницию, четвертые начнут вербовать сторонников, пятые посвятят себя чисто военным вопросам.

– Вы очень убедительно говорите, дорогой друг, – заметил Клаудио Мануэл да Коста. – Безусловно, мы с Гонзагой в состоянии выработать

законы, конституцию и все юридические положения для капитании, да и не только капитании Минас, но и для всей страны. Но мы так и останемся просто мечтателями, если в первую очередь не разрешим проблему военного руководства, не подумаем о привлечении на свою сторону людей, умеющих командовать и, главное, в ведении которых находятся солдаты, знающие, где находится курок ружья и как нужно на него нажимать. Пока из всех присутствующих по-настоящему стрелять умеете один вы. Так вот, разрешите мне задать единственный вопрос и готовьтесь на него ответить. Кто будет командовать восстанием?

– Я предлагаю кандидатуру подполковника Франсиско де Паула Фрейре де Андраде, – четко произнес Тирадентис.

– Как?! – вскричал Масиел. – Вы предлагаете склонить на нашу сторону моего шурина? Он никогда не пойдет на это. Подполковник – один из самых богатых людей в Минасе.

– Вот поэтому-то он и станет на нашу сторону, – спокойно сказал Тирадентис.

– Вы в этом уверены, прапорщик?

– Я не могу говорить о полной уверенности, но думаю, что полковник найдет разумными наши аргументы.

– Ваши, Тирадентис, ваши, а не наши! – запальчиво вскричал Масиел. – Я не беру на себя столь неблагодарную задачу.

– Но вы пойдете вместе со мной к подполковнику. От такой миссии вы не откажетесь?

– Это безумие. Абсурдно думать, что подполковник Франсиско де Паула Фрейре де Андраде может примкнуть к заговорщикам!

– Когда я у подполковника завел речь о предстоящей дерраме, то посмотрели бы вы на выражение, появившееся на лице вашего шурина. Он будет сражаться не на жизнь, а на смерть, только бы не расстаться с состоянием.

– Возможно, Тирадентис, деррама явится веским аргументом, но не настолько, чтобы подполковник присоединился к заговору. Я думаю, даже опасно посвящать его в наши, планы.

– Подполковник не способен на предательство, это мое глубокое убеждение, – заметил Тирадентис.

– Да, на предательство, безусловно, он не способен.

– Ну чего же тогда опасаться? Давайте в ближайшие же дни пойдем и поговорим с подполковником.

Алварес Масиел вопросительно посмотрел на собравшихся. – Как, господа, ваше мнение насчет идеи Тирадентиса?

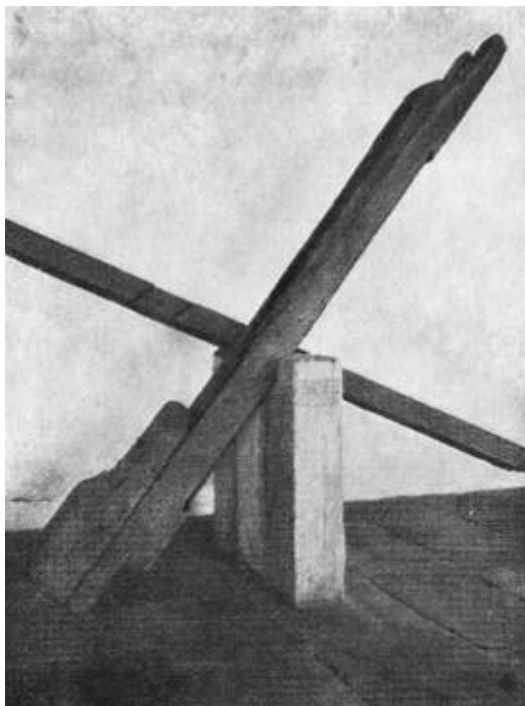
Гонзага скептически прищурился.

– Я не знаком близко с почтенным подполковником, но привлечение Франсиско де Паула к восстанию кажется мне делом необычайно сложным. Если не ошибаюсь, его обязанность заключается в наблюдении за порядком в Минасе. Мы же предлагаем ему посвятить себя занятиям совершенно противоположным.

– Но, господин судья, – Тирадентис приблизился к Гонзаге, – по моему, никто из нас не уполномочен королевой организовывать заговор против властей, посланных сюда ее величеством.

Часовня «Падре Фариа» в Вила-Рике.

Деталь от виселицы, на которой был повешен Тирадентис (музей

Оуро-Прето). (Фото автора.)

– В этом отношении, господин Тирадентис, вы немножко заблуждаетесь. Я, например, могу вместе с моим другом Клаудио Мануэлом да Коста и каноником Луисом Виейрой сколько угодно теоретизировать и работать над выработкой каких-то новых законов, проектов конституции и юридических положений, не опасаясь вызвать этим гнев португальских властей, пока все эти законы и положения не выходят, так сказать, за рамки теории. Но повернуть оружие, врученное королевой, против королевы преступает все рамки законности.

– Так вы против или за осуществление моего предложения? – в упор спросил Тирадентис Гонзагу.

– Я не могу выступать против, так как это непосредственно меня не касается. Я не могу также сказать «да», потому что абсолютно ничего не смыслю в военном искусстве. Одним словом, в данном случае поступайте так, как подсказывает вам разум. Я пришел сюда не для того, чтобы чинить какие-либо препятствия осуществлению ваших планов, а чтобы посмотреть, чем могу быть полезен в области юриспруденции.

– Значит, решено, – заключил Тирадентис, как бы подводя итог дискуссии. – Господин Алварес Масиел и я отправляемся к подполковнику и попытаемся убедить его в необходимости примкнуть к восстанию, возглавив наше движение.

Гонзага и Клаудио Мануэл да Коста вскоре распрощались и ушли вместе с каноником, вслед за ними разошлись остальные гости. Тирадентис покидал дом Масиела последним.

В дверях Алварес Масиел остановил прапорщика:

– Послушайте, Тирадентис, вы серьезно решили пойти вместе со мной к шурина?

– Совершенно серьезно. Разве у вас остались на этот счет какие-либо сомнения?

– Нет, но я все еще не уверен до конца в возможности успеха столь смелого плана.

– Дорогой господин Масиел, – Тирадентис положил руку на плечо Алваресу. – Не волнуйтесь, мы с вами обязательно уговорим подполковника. Он будет на нашей стороне. Давайте условимся о встрече и не станем откладывать осуществление замысла в долгий ящик. Послезавтра вам подходит?

– Да, для меня это удобный день. Кстати, завтра ко мне придет сестра, и я попрошу ее предупредить шурина о нашем визите. Надо его как-то

подготовить.

– Ни в коем случае не говорите сестре ничего о том, кто с вами придет. Поставим подполковника перед фактом. Остальное поручите мне. Я не сомневаюсь в успехе. До свидания, дорогой господин Масиел. Завтра вечером я зайду справиться, приходила ли к вам сестра.

– Входите, входите! Что вы там топчетесь на пороге? – Подполковник Франсиско де Паула запахнул халат и, сунув ноги в домашние туфли, встал с кровати. – Ты, Тирадентис, мог бы не обращаться с просьбой к Алваресу. Я никогда не забываю услуги, которые мне оказывают. А твоя мазь, вероятно, имеет чудодейственное свойство. Смотрите, я уже совсем свободно передвигаюсь, и поясница абсолютно не болит. Это что, визит доктора и его адвоката к выздоравливающему? – Подполковник с улыбкой посмотрел на вошедших Алвареса Масиела и Тирадентиса. – Ну, садитесь, рассказывайте, какие новости.

– Пусть рассказывает Тирадентис. У нас к тебе, Франсиско, очень серьезный и важный разговор, – произнес Масиел.

– Разговор доктора с пациентом?

– Нет, просто разговор бразильца с бразильцем, – сказал Тирадентис.

– Это что-то новое.

– Новое, но давно назревшее и неизбежное.

– Тьфу, черт возьми, у вас такой торжественный вид, что кажется, будто вы пришли сообщить мне о предстоящем вручении подполковнику Франсиско де Паула высшего португальского ордена за верную службу или принесли с собой указ королевы, освобождающий меня от уплаты всех налогов, – сказал подполковник и весело рассмеялся.

– Господин подполковник, – начал свою речь Тирадентис, – мы с вами уже много говорили о положении бразильского народа, о том, как он страдает от бесчисленных поборов и притеснений. Вы знаете о том, что вскоре будет объявлена деррама, и это сделает еще более невыносимой жизнь населения Минаса.

– Не хочешь ли ты просить меня отменить дерраму? – усмехнулся подполковник. – Я не понимаю, куда ты клонишь.

– Мы желаем вас подробно информировать не только о существующем положении дел в Минасе, но и желательности направить ход истории в нужном для бразильского народа направлении.

– Не кажется ли вам, прапорщик, – сухо произнес подполковник, – что такие речи не следует вести подчиненному в присутствии своего командира? Выслушав подобные слова, я обязан немедленно взять вас под арест и доложить в Рио-де-Жанейро о наличии в гарнизоне подполковника

Франсиско де Паула Фрейре де Андраде прапорщика, проповедующего крамольные идеи.

– Я знаю, – убежденно проговорил Тирадентис, – что имею дело с глубоко порядочным и честным человеком. Я хорошо понимаю разницу в нашем положении, но обстоятельства требуют от нас единства и решительных действий. Именно поэтому мы решили обратиться к вам.

– Кто это «мы»?

– Наша организация, которая ставит своей целью изменение режима и которая поручила господину Алваресу Масиелу и мне пригласить вас принять участие в предстоящей революции.

Подполковник, изумленный дерзким предложением прапорщика, сначала не мог вымолвить ни слова, затем подошел к кровати, сел на нее и почему-то сбросил туфли.

– Тирадентис, вероятно, у тебя помутился разум, если решаешься делать подобные предложения подполковнику драгунов ее величества.

– Нет, господин подполковник, я в добром здравии и твердом уме. Прежде чем решиться на такой шаг, мы долго размышляли, пока не остановились на вашей кандидатуре. Из всех людей в капитании Минас, а может быть, и во всей стране вы самый подходящий человек для того, чтобы возглавить вооруженные силы революции.

– Слушай, Франсиско, – решил поддержать Тирадептиса Масиел, – ты отчетливо представляешь себе всю безвыходность нынешнего положения в том случае, если продолжать сидеть сложа руки. Сейчас ты богатый, уважаемый всеми человек, а если объявят дерраму, много ли останется от твоего богатства? И потом, понимаешь, дальше так продолжаться не может. Обстановка накалена до предела. Все честные люди капитании встанут под знамена революции, и как только весть о восстании долетит до других стран, немедленно придут к нам на помощь. Кстати, я тебе рассказывал о беседах, которые вел наш незабвенный Жоакин да Майя с Томасом Джефферсоном.

– Да, слышал и знаю о результатах этих бесед. Ничего конкретного Джефферсон не обещал Жоакину да Майя.

– Но я уверен, Португалия не в состоянии будет справиться с восстанием, с революцией, так как у нее достаточно забот в самой метрополии: Европейский континент тоже охвачен революционной бурей.

– Какими же силами располагает ваша организация? Или пока все это планы, построенные на песке? – спросил подполковник, видимо поколебленный в какой-то степени доводами Тирадентиса и Алвареса Масиела.

– А разве драгуны, руководимые подполковником Франсиско де Паула де Андраде, ничего не значат, ничего не стоят? Это же основные военные силы капитании. Кроме того, нас поддержат Рио и Сан-Пауло, нас поддержит Вайя, вся страна. Тирадентис знает много людей в других капитаниях, и предварительная работа уже проводится. Так, Тирадентис? – обратился Масиел к прапорщику.

– Да, нам только нужно заручиться вашим согласием, подполковник. И тогда можно считать дело революции выигранным.

Подполковник еще колебался.

– А кто из военных уже принимает участие в вашей организации? – спросил он у Масиела.

Тот кивнул на Тирадентиса.

– Что касается военных, то лучше всего тебя может информировать прапорщик.

– К нашему делу можно привлечь подполковника Домингоса де Абреу Виейру, моего кума, – ответил Тирадентис и загнул один палец. – Кроме того, сержанта-мора Луиса Вас де Толедо Пицу. Далее – полковник Домингос Видал Барбоза, полковник Жозе Айрес Гомес. Сержант-мор Жозе Жоакин да Роша пока еще не примкнул к нам, но склонить его на сторону революции будет не так уж трудно.

– Да-а, – подполковник задумался. – А почему вы никому из них не предложили пост руководителя восстания? Многие из перечисленных лиц имеют солидные познания в военном деле.

– Но ни у кого из этих людей нет таких способностей и такого опыта, как у вас, подполковник, – решил польстить Тирадентис самолюбию Франсиско де Паула.

– Пожалуй, в этом отношении вы правы, – примирительно изрек подполковник. – Ну что ж, – Франсиско де Паула встал, поправил раскрывшийся халат и, протянув руку Тирадентису и Масиелу, торжественно произнес: – Я согласен быть военным руководителем революции.

9. «ПУСТЬ ЗАПОЗДАЛАЯ, НО СВОБОДА»

Узнав о согласии подполковника Франсиско де Паула Фрейре де Андраде присоединиться к восстанию и взять па себя военное руководство им, заговорщики пришли в неописуемый восторг. Все восприняли известие как большую победу. Получив такого ценного союзника, никто больше не выражал сомнения в успехе заговора. Планы восстания начали приобретать конкретную форму. Почти каждый день происходили собрания заговорщиков, где обсуждались детали предстоящей революции, распределялись обязанности, изыскивались ресурсы.

Тирадентис стал действовать еще более решительно и смело. Через несколько дней он получил согласие на участие в заговоре от священника Жозе да Силва Оливейры Ролима, проживавшего в Серро-Фрио и пользовавшегося там очень большим влиянием. В те дни Ролим приехал на несколько дней в Вила-Рику и поселился в доме подполковника Домингоса де Абреу Виейры, который, имея особняк в столице капитании Минас, служил в кавалерийской части, расквартированной в Минас-Новасе. Помня о том, как в разговоре с подполковником Франсиско де Паула он имел неосторожность упомянуть о поддержке подполковником Домингосом де Абреу Виейрой заговора, Тирадентис, не желая прослыть болтуном, решил во что бы то ни стало убедить подполковника Домингоса де Абреу Виейру примкнуть к заговорщикам. Между Тирадентисом и старым подполковником Виейрой с давних пор существовали дружеские и даже родственные отношения, так как подполковник Виейра был кумом Тирадентиса. Тирадентис пришел в дом подполковника и сказал, что хотел бы переговорить со священником Ролимом. Виейра удивился, но, ничего не сказав, вызвал священника, а сам пошел в свои покои. На другой день Тирадентис опять навестил Ролима и потом стал ежедневно приходить сюда, ведя какие-то переговоры со священником Ролимом, пока подполковник Виейра, будучи не в силах сдержать любопытства, не спросил:

– Что за дружба связывает вас, отец мой, с Тирадентисом?
– О, мы говорим о делах большой важности, – с таинственным видом ответил Ролим.

И вот однажды, когда Домингос вошел в комнату, где Тирадентис

беседовал со священником, они пригласили его принять участие в разговоре. Заинтригованный подполковник Виейра сел и приготовился слушать.

– Кум, – сказал Тирадентис, – мы решили тебе под строжайшей тайной раскрыть очень важный секрет.

– Я весь внимание, – с любопытством произнес Виейра.

– Так вот, когда будет объявлена деррама, в Минасе произойдет революция. – Тирадентис остановился, желая посмотреть, какое впечатление произведут его слова на Виейру.

Подполковник Виейра перекрестился и воскликнул:

– Кум мой, ты сошел с ума!

– Нет, – улыбнулся Тирадентис. – Я не сошел с ума. В капитании существует заговор, в котором участвую не только я и священник Ролим, но и многие уважаемые люди, известные всей капитании. Кроме того, заговорщиков много в Сан-Пауло и Рио. Достаточно упомянуть такие имена, как судья Томас Антонио Гонзага, поэт Клаудио Мануэл да Коста, многие военные, занимающие ключевые посты в капитании Минас.

– Умоляю тебя, кум, я ничего не слышал, ничего не знаю и знать не хочу. Прошу тебя не ввязывать меня в скверную историю. Что же вы молчите, падре! – воскликнул Виейра, повернувшись к Ролиму. – Скажите этому безумцу о безрассудности подобных планов.

Священник Ролим покачал головой.

– Нет, я не могу с вами согласиться, дорогой подполковник. Тирадентис произносит разумные речи, и советую вам прислушаться к тому, что он вам говорит.

Виейра всплеснул даже руками от возмущения.

– И вы, священник, называете речи Тирадентиса разумными! Может быть, я стар и ничего не понимаю, но если так, то и не хочу ничего понимать, и вообще оставьте меня в покое. Ни в каких заговорах принимать участие я не намерен, – подполковник Виейра встал и, шаркая ногами, вышел из комнаты.

Однако Тирадентис не оставил мысли переубедить подполковника Виейру. На следующий день он пришел к нему в дом и попросил одолжить несколько бочонков пороху. Это необходимо, заявил Тирадентис, для победы, победы, которая принесет всем радость и глубокое удовлетворение. Однако подполковник Виейра категорически отказался выполнить просьбу Тирадентиса и еще раз потребовал не заводить с ним разговор на подобные темы. И только некоторое время спустя, когда священник Ролим заявил Домингосу, что после провозглашения деррамы нынешние власти

конфискуют у него шесть тысяч крузадос, Домингос сдался и решил присоединиться к заговорщикам, по всей вероятности, идя на такой шаг не из-за слепой любви к делу свободы, а опасаясь потерять свои сбережения и накопленные богатства.

Склонив на свою сторону подполковника Франсиско де Паула Фрейре де Андраде, заговорщики начали проводить собрания в его доме. Во время этих встреч сила и убежденность речей Тирадентиса были так велики, что к его мнению прислушивался сам подполковник. Так, например, однажды Франсиско де Паула выразил сомнение в необходимости начать революцию именно в Минасе, предложив подождать, пока не вспыхнет восстание в Рио, а лишь потом поддержать его выступлением в Вила-Рике. Тирадентис обратил внимание подполковника на различия между обстановкой в Рио и в капитании Минас. Положение населения в Минасе самое тяжелое, доказывал Тирадентис. Кто живет хуже гаримпейрос? Где самые большие налоги? И наконец, нельзя сбрасывать со счетов фактор расстояния. Мы организаторы заговора, центр его находится в Вила-Рике. Португальским властям будет очень трудно собрать необходимое количество войск для ликвидации выступления драгунских частей под руководством подполковника Франсиско де Паула. Вила-Рика решает успех заговора.

Против аргументов Тирадентиса было трудно что-либо возразить, но, по-видимому, подполковника все еще продолжали терзать сомнения в правильности совершенного им шага. Некоторое время спустя к Тирадентису зашел священник Ролам, чтобы передать адресованную прапорщику записку от подполковника. В записке содержалась просьба никому больше не говорить о предстоящем заговоре и отказаться от идеи поднять восстание в капитании Минас. Подполковник просил Тирадентиса использовать все свое влияние и убедить остальных участников заговора отказаться от опасной идеи. «Я предлагаю, – писал подполковник, – принять окончательное решение лишь после объявления деррамы. Мы увидим реакцию населения и решим, как действовать». Тирадентис несказанно поразился, получив записку, но и после подобной просьбы не перестал вовлекать в ряды заговорщиков новых и новых сторонников.

Разъезжая по капитании, беседуя с друзьями, развивая план восстания, Тирадентис все время помнил о записке, полученной от «верховного главнокомандующего вооруженных сил восставших». Еще раньше некоторые высказывания и поступки подполковника очень не нравились Тирадентису, и он стал постепенно сомневаться в твердости духа «главнокомандующего». Франсиско де Паула должен все время находиться в Вила-Рике, а он бросает все дела и едет в Калдейроес. И тут еще

паническая записка. «Как этот трус не понимает, – думал Тирадентис, – что отступать некуда». Прапорщик решил никому не говорить о записке и стал искать встречи с подполковником Франсиско де Паула. Однако встретиться с подполковником все не удавалось, так как тот, уехав в свое второе загородное поместье Калдейроес, сидел там безвыездно, не показываясь в Вила-Рике. Наконец, выбрав время, Тирадентис направился к Франсиско де Паула Фрейре де Андраде. Он застал подполковника в большом смятении. Тирадентису стоило немалых трудов снова вселить уверенность и вернуть бодрость духа «военному руководителю заговора», показав Франсиско де Паула список завербованных им в последние дни новых людей и выразив уверенность в близости победы и неизбежности революции. Прощаясь с подполковником, Тирадентис просил его поговорить с Алваренгой Пейшото, который хотя кое-что и слышал от своих друзей Гонзаги и Клаудио про готовящийся заговор, но никакого участия в нем не принимал и даже высказал большое сомнение в возможности осуществления восстания против португальских властей. Франсиско де Паула Фрейре де Андраде обещал поговорить с Алваренгой и свести его с Тирадентисом.

Вернувшись через некоторое время из своего поместья в Вила-Рику, Франсиско де Паула отправился в дом к Алваренге и стал уговаривать его согласиться на встречу с Тирадентисом.

– Я не верю во всю эту затею, – ответил Алваренга Пейшото, не проявив никакого энтузиазма и даже, больше того, высказав полное равнодушие к доводам подполковника.

– Мне кажется, вы не правы, дорогой полковник, – заметил Франсиско де Паула, – стоит вам услышать доводы Тирадентиса, и вы сами превратитесь в его горячего поклонника.

– Позвольте усомниться в этом.

– Именно затем, чтобы ликвидировать все ваши сомнения, я и предлагаю встретиться с Тирадентисом. Обещайте мне принять его, и вы увидите, что прапорщик произведет на вас неотразимое впечатление.

Алваренга пожал плечами, ничего не ответив.

– Вот и прекрасно. Ваше молчание я принимаю как знак согласия. Вы где собираетесь проводить завтрашний вечер?

– В последнее время наша компания с Клаудио Мануэлом да Коста и Гонзагой как-то расклеилась, и я обычно все вечера провожу в доме Жоана Маседы, играя в карты. Не правда ли, прекрасное времяпрепровождение?

– Вы не будете очень рассержены, – сказал подполковник, – если я пришлю к вам завтра Тирадентиса и попрошу выслушать его внимательно?

Алваренга нехотя согласился.

На следующий вечер Тирадентис встретился с Алваренгой Пейшото. И опять он говорил о бедственном состоянии Бразилии, об ужасном положении населения Минаса, о бесчинствах португальских властей и о заговоре. Алваренга, снисходительно улыбаясь, выслушал Тирадентиса, посоветовал ему не заниматься в дальнейшем подобными разговорами и, кроме того, просил передать Франсиско де Паула не посылать к нему, Алваренге, подобных собеседников. Возмущенный Тирадентис удалился, а Алваренга вернулся в дом и продолжал играть в карты до трех часов ночи. Два дня спустя он зашел к Франсиско де Паула, библиотекой которого часто пользовался. Просматривая какую-то книгу, Алваренга сказал:

– Да, знаете, ваш кумир навелstil меня и почти целый час в самых возвышенных выражениях расписывал бедственное положение несчастного бразильского населения.

Сделав вид, что не замечает иронического тона Алваренги, подполковник спросил:

– Ну и каково ваше впечатление от Тирадентиса?

– Он показался мне сумасшедшим, ваш Тирадентис, – заявил Алваренга Пейшото.

– Дорогой полковник, вы ошибаетесь. Не обижайтесь, если я скажу вам, что сумасшедший не Тирадентис, а вы. Не разобраться в таком человеке! Вы, вероятно, невнимательно слушали его, думая в это время об оставленной карточной партии. Я был бы очень благодарен, если бы вы согласились еще раз встретиться с Тирадентисом.

– Нет уж, увольте, подполковник. Я лучше потрачу это время на написание новой оды или в худшем случае сыграю лишнюю партию в карты.

Однако в тот же день вечером, когда Алваренга Пейшою по своему обыкновению пришел в дом к Жоану Маседе, туда через некоторое время явился капитан Висенте Виейра да Мота с запиской от викария Карлоса Корреа, в которой тот просил Пейшото сегодня же навестить Франсиско де Паула, в доме которого его ожидают. На улице шел дождь, и Алваренга ответил, что придет тотчас же, как только погода прояснится. Он выполнил свое слово и явился в дом к подполковнику Франсиско де Паула, где застал, кроме хозяина дома, Алвареса Масиела, Карлоса Корреа, Гонзагу, священника Ролима и Тирадентиса. Увидев вошедшего Алваренгу, подполковник Франсиско де Паула поднялся ему навстречу.

– Очень рад, дорогой друг, что вы откликнулись на просьбу викария. Нам будет приятно, если вы примете участие в нашей беседе и выскажете свои соображения по поводу излагавшихся здесь идей.

– Если мое мнение представляет для кого-то интерес, то я готов высказать его. Однако о чем здесь шла речь?

– О подготовке восстания, – ответил Гонзага. Алваренга с укоризной посмотрел на подполковника Франсиско де Паула.

– Я вижу, вы все-таки решили убедить меня присоединиться к вашей абсурдной идее. – И, заметив на лицах присутствующих возмущение, поправился: – Беру свои слова обратно. Не абсурдной, а просто идее.

– Дорогой полковник, – произнес Франсиско де Паула, – мы решили поднять восстание в Минасе, как только объявят дерраму. Безусловно, в Вила-Рике сразу же начнутся народные волнения, и Тирадентис с несколькими товарищами выйдет на улицы столицы, крича: «Да здравствует свобода!» Несомненно, народ откликнется на призыв. Естественно, губернатор Барбасена прикажет войскам навести порядок. Тогда наступит моя очередь действовать. Ни для кого не является секретом, что среди военных зреет недовольство. Останется лишь направить недовольство в нужное русло и усиливать его, не принимая никаких мер для подавления народных волнений. А в это время Тирадентис с товарищами проникнет в загородный дворец Кашуэро-до-Кампо и захватит там Барбасену вместе с семьей. Пленив губернатора, Тирадентис отвезет его подальше от Вила-Рики и в подходящем месте предъявит ультиматум, в котором Барбасене будет предложено убираться подобра-поздорову в Португалию. Если губернатор станет сопротивляться, то Тирадентис отрубит ему голову и привезет ее в Вила-Рику для устрашения тех, кто станет относиться без должного почтения к новой республике. В это время Тирадентис обратится к народу с речью.

– Блестящий план, – скептически произнес Алваренга Пейшото. – Только мне кажется, обращаться с речью к народу излишне, так как, увидев отрубленную голову Барбасены, народ не захочет слушать никаких речей, а поймет, что всех, кто попытается препятствовать установлению республики, ожидает такая же участь.

Тирадентис уловил иронию в словах Пейшото, но ничего не сказал, а только вздохнул. Подполковник же Франсиско де Паула продолжал:

– Хорошо, речь Тирадентис может и не произносить. Вместо этого я спрошу народ: «Из-за чего вы восстали, друзья мои?» В ответ все закричат: «Мы хотим свободы!» Услышав такое заявление, я торжественно провозглашу справедливое требование народа и дам обещание не идти против его воли.

– Прекрасный план, – чуть заметно улыбаясь, заметил Алваренга. – Ваши обязанности и обязанности Тирадентиса мне ясны. Какая же роль

отводится остальным участникам заговора?

– Алварес Масиел берет на себя организацию фабрики по производству пороха. К моменту объявления деррамы мы сможем иметь необходимое нам количество пороха и не зависеть от арсенала, который все же попытаемся захватить в первый же момент. Полковник Виейра и священник Ролим берут на себя снабжение порохом участников восстания, а после победы революции Ролим вызвался заняться административной деятельностью в районе Серро-Фрио, где добываются алмазы. Викарий Карлос Корреа взял на себя вербовку сторонников восстания в Сан-Жозе. Клаудио и Гонзага уже сейчас занимаются разработкой законов и конституции новой республики. Таковы наши планы, – сказал подполковник Франсиско де Паула. – Одобряете вы их, мой друг?

Алваренга ответил вопросом на вопрос:

– А какую роль отводите вы полковнику Алваренге в этом мероприятии?

– Мне кажется, – сказал молчавший до сих пор Тирадентис, – что господин полковник может оказать неоценимую услугу восстанию, использовав свое влияние, убеждая многочисленных друзей принять участие в восстании.

– Теперь, кажется, для меня все стало ясным, – заметил Алваренга, но не сказал, одобряет ли план и собирается ли принять участие в его реализации.

Это собрание длилось несколько часов, после чего все разошлись по домам. На другой день Алваренга, придя к викарию Карлосу Корреа, опять встретил там Тирадентиса. Однако на этот раз, как только Алваренга вошел, Тирадентис распрощался со священником и удалился. Викарий Карлос Корреа, горячий поклонник Тирадентиса, как только за прапорщиком закрылась дверь, сказал Алваренге Пейшото:

– Этот парень – настоящий герой. Если нужно, то он умрет ради нашего дела.

– Мне неловко давать вам советы, падре, – произнес Алваренга, – но давайте не будем говорить на подобную тему. Я вчера внимательно выслушал подполковника Франсиско де Паула, но, как вы могли заметить, не высказал своего мнения по поводу всех этих планов. Мне просто не хотелось огорчать собравшихся и тратить время, отражая атаки друзей, очарованных этим прапорщиком. Что же касается воинственной речи подполковника Франсиско де Паула, то, признаюсь, она не произвела на меня большого впечатления». По-моему, движение обречено на явный провал и лучше ограничиться разговорами и не выходить за пределы

абстрактных дискуссий о свободе и так далее.

– Но, дорогой полковник, неужели вы не верите в успех? Неужели считаете столь незыблемой португальскую власть над Бразилией?

– Нет, я не считаю действия нынешних властей справедливыми. Но приветствовал бы перевод столицы Португалии в Бразилию. Наша земля ничего не потеряет, если центром португальской империи вместо Лиссабона станет Рио-де-Жанейро.

– Но это в настоящее время невозможно! – воскликнул священник. – Гораздо реальнее уничтожить португальское владычество в Минасе и других капитаниях, чем убедить королеву перенести столицу из Лиссабона в Рио-де-Жанейро.

– Может быть, вы правы, дорогой падре, однако я еще не до конца убежден в этом. Могу сказать лишь одно: мои друзья Гонзага и Клаудио Мануэл да Коста пусть косвенно, но все же причастны к заговору. Я не хочу казаться белой вороной, не желаю давать повод обвинить меня в трусости, и поэтому если руководство заговора пожелает пригласить полковника Алваренгу Пейшото для участия в обсуждении каких-нибудь планов, то я не стану отказываться. Наоборот, – закончил Пейшото, – почту за честь.

Весь конец 1788 года Тирадентис вел особенно бурную деятельность. Он продолжал вербовать сторонников, выезжал из Вила-Рики в окрестные городки и создавал там центры заговорщиков, но главное свое внимание уделял разработке конкретных планов восстания. Однажды Тирадентис собрал в дом Франсиско де Паула группу заговорщиков для уточнения некоторых деталей и более четкого распределения обязанностей. На этом собрании также обсуждался вопрос, кому поручить исполнение приговора над Варбасеной. После долгих дискуссий все сошлись на одном: подобное задание может выполнить только Тирадентис.

– А как же мы оповестим всех друзей о дне начала восстания? Над этим необходимо подумать, – сказал полковник Франсиско Антонио де Оливейра Лопес из местечка Сан-Жоан-дел-Рей. – Все новости к нам в Сан-Жоан-дел-Рей приходят по меньшей мере с месячным опозданием. Я, например, узнал о смене губернатора, когда приехал с отчетом в губернаторский дворец, в Вила-Рику, и обнаружил на месте старого губернатора виконта Барбасену. Можете себе представить, какой у меня был глупый вид, если все бумаги были адресованы на имя старого губернатора.

– Полковник говорит разумные вещи, – заметил Тирадентис. – Необходимо выбрать какой-то пароль или условный знак. Без сомнения, первым о дне объявления деррамы узнает подполковник Франсиско де

Паула и сможет сообщить всем остальным, благо в свободных драгунах, которые могут исполнять роль курьеров, недостатка не наблюдается.

– Разослать записки не представит для меня никакой трудности, – заявил Франсиско де Паула. – Двух драгунов я пошлю в Минас-Новас, двух – в Серро Фрио, а также в Сан-Жозе-дел-Рей и другие города. Они мигом, за сутки всех оповестят. Пространные записки писать не буду. Всего лишь одну фразу: «Дерраму предлагают объявить такого-то числа».

– Нет, так дело не пойдет, – возразил Тирадентис. – Давайте выработаем какой-то условный пароль, условную фразу, потому что вдруг окажется, что кто-нибудь из драгунов умеет читать, и записка, где прямо говорится о дерраме, может вызвать подозрение. Революция сорвется из-за пустяка.

– Можно взять какую-нибудь фразу, связанную со священным писанием или с церковным ритуалом, – заявил священник Ролим.

– Прекрасно! – воскликнул подполковник Франсиско де Паула. – Блестящая идея! Я могу написать в записке: «Не забудьте, сегодня, такого-то числа, день моих крестин». И всем станет ясно, какое причастие я имею в виду.

Предложение подполковника и священника Ролима всем понравилось и было принято единогласно. Получив подобную записку, заговорщики должны были к дню объявления деррамы прибыть в Вила-Рику, привезя с собой оружие. Священник Ролим обязался привести людей из Серро-Фрио, Алваренга и викарий Карлос Корреа также обязались привести своих сторонников.

Викарий Карлос Корреа, согласившись с предложением Ролима и подполковника, вдруг заявил, что если объявление деррамы затянется, то он не сможет принять участия в заговоре, потому что по своим церковным делам ему необходимо выехать в Лиссабон.

– Падре! – вскричал Тирадентис. – Зачем же вам ехать в Лиссабон, если через несколько месяцев Бразилия станет самостоятельным государством? Вы сможете потом непосредственно установить контакт с папой и верховным руководством католической церкви, минуя Лиссабон. Мы же очень рассчитываем на вашу группу из Сан-Жозе.

– Да, но вдруг ничего у нас из заговора не получится, а мне не хотелось бы навлекать на себя гнев епископата метрополии, от которого я получил четкие и ясные предписания явиться в Лиссабон для урегулирования некоторых наших сугубо церковных проблем, – сказал с некоторым смущением и нерешительностью в голосе викарий Карлос Корреа.

– Все ваши дела, – убежденным тоном произнес Тирадентис, – все ваши проблемы сами собой решатся после победы революции.

– Хорошо, я постараюсь отложить поездку в метрополию.

– Вот и прекрасно, – очень довольный, Тирадентис пожал руку викарию. – А вы, дорогой полковник, – обратился Тирадентис к полковнику Оливейре Лопесу, который, хотя и присутствовал на собрании заговорщиков, до сих пор не решился дать согласие на участие в заговоре, – вы приняли какое-либо определенное решение?

Полковник смущенно улыбнулся.

– Дайте мне время осмотреться, приглядеться, и не нужно торопить меня и вынуждать на участие в заговоре, когда еще внутренне я не принял никакого решения.

– Нет, я вижу, священнослужители гораздо более решительный народ, чем полковники, – заявил викарий Карлос Корреа. – У меня сейчас нет никаких сомнений, а полковник почему-то все еще колеблется. Правда, не все военные столь нерешительны. Вы знаете, сейчас я, когда шел на наше собрание, встретил старого полковника Домингоса Виейру, кума любезного Тирадентиса. Сколько раз Тирадентис с ним беседовал о восстании, и вот сегодня, когда мы встретились, старый полковник заявил: «Падре, хотя по состоянию здоровья я не имею возможности сражаться вместе с вами, но дам для общего дела десять бочонков пороха». Вот это бразилец, это бразильский характер, это патриот! – воскликнул викарий. – Так что, полковник Лопес, прочь сомнения, наше дело святое, божеское, и не надо опасаться провала. Отступать нам невозможно.

На этом собрании, однако, ничего не было окончательно решено, и участники его ограничились обменом мнениями. Правда, как указывают многочисленные историки, все разговоры об убийстве Барбасены и его сторонников были просто пышными фразами, потому что никто из участников заговора не решился бы применить насилие. Никто, кроме Тирадентиса.

Буквально за несколько дней до рождества из ворот казарм, находившихся на улице Флорес, выехал всадник на белом коне и направился по дороге, ведущей из Вила-Рики. Это был подполковник Франсиско де Паула Фрейре де Андраде. Он держал путь в свое загородное поместье Шакара-до-Крузейро. Там должно было состояться совещание заговорщиков, намечавших провести в Шакара-до-Крузейро одно из своих последних собраний, чтобы уточнить детали заговора. В Шакара-до-Крузейро подполковника ждали Алваренга Пейшото, к тому времени

окончательно примкнувший к заговору, Алварес Масиел, Тирадентис, каноник Карлос Корреа, полковник Лопес, священник Ролим, полковник Домингос Виейра и еще несколько человек.

Когда Франсиско де Паула добрался до Шакара-до-Крузейро, собрание уже началось. Речь держал Алваренга.

– Я еще раз утверждаю, – говорил Алваренга, – самым категорическим образом: восстание мы должны начать немедленно после объявления деррамы, и не понимаю, почему господин Масиел выступает против изгнания из Минаса всех португальцев.

Масиел вскочил с лавки.

– Вы должны согласиться со мной, полковник Алваренга, и признать: мы столкнемся с большими трудностями, выслав из капитании всех португальцев. Необходимо помнить: в капитании негров-рабов гораздо больше, чем свободных белых. Негры также потребуют свободы и перебьют всех белых.

– А почему бы, – выдвинул встречное предложение Тирадентис, – сначала не освободить всех рабов?

Масиел замахал руками.

– В таком случае капитания ввергнется в хаос и беспорядок. Работа в рудниках и на полях прекратится.

– Вы глубоко ошибаетесь, уважаемый Масиел, – возразил Тирадентис. – Нельзя же утверждать, что только подневольный труд может заставить рабов добывать золото и алмазы на рудниках и в шахтах. Рабы, получившие свободу, станут значительной силой на нашей стороне во время восстания.

– Нет, – заявил Масиел, – я против такой крайней меры, как освобождение рабов. Давайте решим этот вопрос в дальнейшем, а пока нам необходимо договориться, как поступить с европейцами, в частности с португальцами. Нельзя же всем им рубить головы.

– К тому же не все они выступят против восставших и самой идеи восстания, – резонно заметил Алваренга. – Тех, кто не согласится с идеями революции и провозглашением республики, вышлем за пределы капитании.

– Вероятно, придется сделать именно таким образом, – согласился Масиел. – Кроме того, существует еще одна тонкость: многие бразильцы являются выходцами из португальских семей, и, конечно, рамки восстания значительно сузятся, если ко всем европейцам, в том числе португальцам, станут применять одну-единственную меру: высылку за пределы капитании.

– Друзья, – сказал Тирадентис, – вчера я встретился с Гонзагой, и он сообщил мне приятное известие: законы новой республики почти

подготовлены. Но у нас до сих пор нет знамени новой Бразилии. Я предлагаю начертать на знамени три наложенных друг на друга треугольника, которые должны символизировать...

– Извините, Тирадентис, – прервал прапорщика Клаудио Мануэл, – но мы с Гонзагой подумали также и о знамени. Я предлагаю принять наш проект: изобразить на полотнище силуэт доброго гения, разрывающего цепи, и внизу надпись по-латыни: «Аут либертас аут ниил». Каноник Карлос Корреа покачал головой.

Деодоро и Бенжамин Констант после провозглашения республики в Рио-де-Жанейро.

– Что-то я никогда не встречал на знамени изображения добрых гениев. Всегда какие-нибудь треугольники, круги или иные символы. Правда, три наложенных друг на друга треугольника напоминают какой-то масонский знак, но они, мне кажется, и то больше подходят для знамени, чем силуэт гения. Давайте еще подумаем над наилучшим вариантом, и к

следующему собранию каждый что-нибудь да предложит. Вот в отношении надписи по-латыни у меня нет никаких возражений. Сейчас среди нас, – продолжал каноник, – присутствуют друзья из нескольких городов капитании, и поэтому самое время прикинуть, какими людскими ресурсами мы обладаем.

– Я, – заявил полковник Алваренга, – приведу много людей из подвластных мне подразделений. В итоге вместе с людьми подполковника Франсиско де Паула войск у нас достаточно.

– Вы не забываете, полковник, – заметил с некоторой обидой в голосе полковник Лопес, – о революционерах из Вила-де-Сан-Жозе и окрестных местечек. Они ждут приказа революции. Таким образом, даже по предварительным подсчетам, мы располагаем силами, которых португальские власти не смогут одолеть.

– Как я и обещал, – заявил священник Ролим, – в Тижучо готов к отправке в Вила-Рику порох. В моем распоряжении сейчас несколько бочонков. Кроме того, полковник Домингос Виейра пришлет десять бочонков пороху. Весь вопрос в том, кто его доставит. Рассчитывать на престарелого Домингоса Виейру не приходится.

– Порох в Вила-Рику переправлю я, – сказал Тирадентис.

Памятник Тирадентису на городской площади в Оуро-Прето (бывшая ВилаРика). (Фото автора.)

– Но, друг прапорщик, – возразил Масиел, – у вас слишком много обязанностей, и нельзя заставлять делать все одного человека.

– Ничего, – засмеялся Тирадентис, – если прапорщик Жоакин Жозе да Силва Шавьер заболит от переутомления, то его вылечит Тирадентис.

Обсудив еще некоторые дела предстоящего восстания, заговорщики покинули Шакара-до-Крузейро.

В начале января 1789 года там же состоялось еще одно важное заседание заговорщиков, где был окончательно решен вопрос о знамени бразильского государства и о столице новой республики. Идею Клаудио Мануэля – человек, разрывающий цели, – отклонили большинством

голосов и одобрили идею Тирадеятиса. Алзаренга предложил начертать на знамени следующие взятые из Вергилия слова по-латыни: «*Libertas quae sera tamen*» – «Пусть запоздалая, но свобода». Всем понравилась эта фраза. Столицей республики решили сделать город Сан-Жоан-дел-Рей. Вила-Рика превращалась в культурный центр капитании. Заговорщики даже обсудили план постройки в Вила-Рике университета. Алваренга Пейшото вновь поднял вопрос о судьбе рабов. Вместе с Тирадентисом они настаивали на немедленном объявлении отмены рабства. Алварес Масиел вместе с подполковником Франсиско де Паула и еще некоторыми заговорщиками выступал против отмены рабства. В конце концов решили отменить рабство частично, а уж потом, через несколько лет, ликвидировать совсем.

Собрание в Шакара-до-Крузейро подходило к концу, когда приехал полковник Лопес с известием, что в вице-королевство пришел указ, подписанный королевой 5 января 1789 года, где говорилось о запрещении строительства всех текстильных фабрик в капитании Минас. Разрешалось производить только ткани для одежды рабов. Все остальные виды текстильных товаров могли поступать исключительно из Португалии. Этот указ задевал интересы некоторых участников заговора, имевших текстильные фабрики в капитании. Вот почему собрание в Шакара-до-Крузейро, состоявшееся в январе 1789 года, оказалось более результативным, чем предыдущие, во время которых произносилось много речей, но не принималось каких-либо конкретных планов. Бразильская пословица гласит: «Тот, кто не испытал на своей спине удара хлыста, тот не знает, что такое хлыст». Представители высшего общества Вила-Рики, люди обеспеченные, богатые, не будь Тирадентиса, не стали бы слишком торопиться начинать восстание. Но своими действиями представители королевской власти сами укрепляли бразильцев в мнении о необходимости немедленного освобождения от португальского ига.

10. ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Весь февраль 1789 года Тирадентис разъезжал по капитании Минас, продолжая устанавливать контакты, вербуя сторонников. Благодаря его усилиям в заговор вовлекались все новые и новые люди по всей капитании. На западе Минаса заговорщики группировались вокруг доктора Домингоса Видала Варбозы, жителя Сан-Жоан-дел-Рей. Того самого Варбозы, который учился в Европе вместе с Алваресом Масиелом и Жозе Жоакином да Майя. К этой группе примыкали полковник Оливейра Лопес, его брат священник Лопес де Оливейро, полковник Жозе Айрес Гомес, викарий Карлос Корреа и многие друзья, родственники этих известных в том районе семейств. Карлос Корреа активно действовал также и на юге Минаса. Священник Ролим, пользовавшийся громадной популярностью среди населения севера капитании, вместе с Тирадентисом созвал там несколько групп заговорщиков.

Тирадентиса очень беспокоило, смогут ли революционеры достать к моменту начала восстания необходимое количество оружия и боеприпасов. Однажды, идя к Франсиско де Паула обсудить вместе с Алваренгой и Карлосом Корреа некоторые проблемы, он встретил Алвареса Масиела, только что вернувшегося из путешествия по окрестностям Вила-Рики.

– Все-таки как необычайно богата земля нашей капитании! – восторженно произнес Масиел и вывалил на стол из объемистого мешка образцы пород. – Смотрите, все собрано мной на небольшом отрезке вдоль дороги от Сабары до Вила-Рики. Такой камень, например, говорит о наличии богатейших залежей меди. А вот этот свидетельствует о том, что в Минасе есть и железо. Португальцы ищут золото, ищут алмазы, не замечая главных сокровищ, валяющихся у них под ногами. Что значит, когда у земли нет настоящего хозяина!

– А скажите, Масиел, – с любопытством обратился к инженеру Тирадентис, – из руды, найденной вами недалеко от Вила-Рики, можно делать на месте железо?

– А почему бы и нет? – удивленно ответил Масиел. – Только сейчас необходимо раньше получить разрешение из Лиссабона. И вы сами понимаете, получить таковое почти невозможно.

– А порох можно фабриковать на месте? – задал новый вопрос Тирадентис.

– Безусловно. Но, – пояснил Масиел, – для производства пороха

необходимо иметь селитру, а один ее фунт стоит в Бразилии почти столько же, сколько фунт пороха. Если селитра найдется на территории капитании, то тогда можете иметь пороха сколько угодно.

Несколько дней спустя Тирадентис явился к Масиелу, принеся большой кусок желтого камня, найденного недалеко от Вила-Рики. И когда Масиел, внимательно изучив камень, покачал головой, сказав, что он и рядом никогда не лежал с селитрой, то очень огорчил таким ответом Тирадентиса.

В одно из первых воскресений марта 1789 года в Шакара-до-Крузейро – имении Франсиско де Паула – собрались Алварес Масиел, священник Ролим, викарий Карлос Корреа, Тирадентис и еще несколько заговорщиков. Тирадентис только что вернулся из поездки в Рио, совершив путешествие в столицу вице-королевства и обратно в рекордно короткий срок – всего лишь за восемнадцать суток. Как правило, на такие переезды только в одну сторону тратилось полмесяца. Путешественники перед поездкой обычно оставляли на всякий случай завещание и никогда не ездили в одиночку, а так называемыми «караванами», дабы иметь возможность отражать нападение бандитов. Тирадентис подробно доложил об обстановке в Рио-де-Жанейро и заверил присутствующих, что население в столице вице-королевства, как только услышит о вспыхнувшем в капитании Минас восстании, немедленно поддержит его.

– Не кажется ли вам разумным, – спросил Франсиско де Паула, – снова вернуться в Рио и привести оттуда в Минас группу вооруженных людей и по возможности создать из них по дороге военное подразделение, способное вести боевые действия? Представьте себе, как облегчится наша задача, если по дороге к такой вооруженной группе начнут примыкать все новые и новые сторонники восстания, разрастаясь, как каменная лавина, сметая все на своем пути. Таким образом, вы легко сможете создать целую армию из добровольцев, а если эта армия встретится с регулярными войсками, то войска эти обязательно примкнут к народу и непременно начнется братание. А уже после этого и солдаты и народ вместе двинутся на Вила-Рику, взять которую не представит никаких трудностей.

– Нет, – решительно ответил Тирадентис, – вряд ли дело примет такой оборот. Возможно, мне и удастся создать группу вооруженных людей в Рио-де-Жанейро. Но, во-первых, нас могут разбить и уничтожить без пользы для общего дела еще в окрестностях столицы вице-королевства, а во-вторых, если такая группа и выйдет за пределы Рио и войдет на территорию Минас, то не исключена возможность нападения на этот отряд со стороны людей, не разделяющих наших взглядов, а также тех, кто

просто не знает о целях восставших. Таким образом, вместо пополнения сил восставших в Вила-Рике мы потеряем ценных единомышленников, способных в соответствующий момент принести громадную пользу в самом Рио-де-Жанейро.

– Ах, Тирадентис, – произнес Франсиско де Паула, – вы до сих пор отказываетесь поддержать мою мысль о целесообразности начала восстания в Рио, а не в Минасе.

– Но, кажется, данный вопрос мы уже обсуждали? – послышался вдруг голос вошедшего в этот момент в комнату Алваренги Пейшото. – Все уже решено: революция начинается в Минасе, а потом распространяется по всей стране, громя силы правительственных войск. Зачем же тратить время на обсуждение давно решенных проблем?

Подполковник Франсиско де Паула не стал возражать, а отойдя к окну, принялся писать письма друзьям в Сан-Пауло.

Заговорщики еще раз пункт за пунктом обсудили все детали восстания. Неожиданно для всех очень легко решился вопрос о снабжении заговорщиков порохом. Когда Тирадентис осторожно спросил кума, не может ли тот увеличить обещанное им количество бочонков с порохом, то Домингос Виейра испуганно замахал руками, сказав, что, кроме выделенных на эти цели двухсот бочонков пороха, он не даст ни одного.

– Двухсот?! – воскликнул Тирадентис. – А нам казалось, ты, кум, обещал только десять.

– Как десять? – удивился Домингос Виейра. – Я говорил: двести.

– В таком случае, – обрадованно произнес Тирадентис, – ликвидировано основное препятствие, основная трудность. А я-то хотел еще порыскать по капитании в поисках пороха.

– Значит, теперь у вас, дорогой прапорщик, нет оснований для отказа от поездки в Рио? – произнес подполковник Франсиско де Паула, прервав свое занятие и подходя к беседающим. – Вот и прекрасно. До объявления деррамы вы сможете, таким образом, провести всю необходимую работу в Рио, еще больше сплотить там наших единомышленников и... – подполковник засмеялся, – вернуться «к дню моих крестин» в Вила-Рику. Есть ли у кого-нибудь другие соображения? Например, у полковника Алваренги?

– У меня никаких возражений нет, – ответил Алваренга. – Я и раньше не противился поездке Тирадентиса в Рио, а выступал только против начала восстания в столице вице королевства. Восстание должно начаться в Вила-Рике.

– Ладно, ладно, друг мой, – примирительно произнес подполковник

Франсиско де Паула, – мы же решили не возвращаться больше к этому вопросу.

Таким образом, Тирадентис через несколько дней после совещания в Шакара-до-Крузейро вновь готовился к посещению столицы вице-королевства. Оставшееся до путешествия время Тирадентис посвятил устройству личных дел. Он понимал, какой опасности подвергается семья в случае, если станет известна его заговорщическая деятельность. У Тирадентиса не было и мысли о возможности поражения революции, но во время событий, назревавших в капитании Минас, португальские власти, безусловно, могли обрушиться с репрессиями на семьи революционеров и в первую очередь на семьи руководителей заговора. Посоветовавшись с женой Эухенией Жоакиной, Тирадентис решил отправить младшего сына к знакомому мяснику Жоакину де Алмейда Белтрану, жившему в местечке Дорес-де-Индайя. О судьбе же дочери Тирадентис не беспокоился, так как ей при любом исходе их дела грозила несравненно меньшая опасность.

Прежде чем отправиться в путь, Тирадентису требовалось получить на поездку разрешение от губернатора. Явившись во дворец Кашуэро-до-Кампо, он встретился там с Алваренгой, только что вернувшимся из местечка Параопеба, где поэт отдыхал несколько дней, занимаясь литературным творчеством. Во дворец Алваренга пришел, просто желая по привычке приветствовать губернатора Варбасену и заодно выяснить, не удастся ли услышать какие-нибудь новости о дне объявления деррамы. Отведя в сторону Алваренгу, Тирадентис поделился с ним своими сомнениями в отношении твердости и решительности некоторых руководителей заговора.

– Вы знаете, полковник, – сказал Тирадентис, – я в некоторой степени разочарован поведением кое-кого из наших товарищей. Мне кажется, они думают больше о деньгах, чем о борьбе. Я вам, по-моему, рассказывал про капитана Максимилиано де Оливейро Лейте, который согласился участвовать в нашем движении. И вот вчера, встретив капитана, я предупредил его о необходимости готовиться к выступлению. Знаете, какой он дал ответ? Максимилиано де Оливейра Лейте заявил: «Я думал примкнуть к восстанию, так как мне не предоставляли пост начальника группы патрулей. А сейчас назначение мною получено, я положил в карман приказ, который превращает меня в коменданта горных подразделений. Поэтому с этого момента я знать не хочу и слышать ничего не желаю о каком-нибудь восстании». Эти люди, по-видимому, заботятся только о наполнении собственных карманов, им нет дела до бразильского народа, до независимости нашей страны, – с возмущением произнес Тирадентис.

Алваренга с испугом оглянулся.

– Какой вы неосторожный, Тирадентис! Разве можно в таком месте говорить о наших делах в полный голос? Вдруг кто-нибудь услышит. Ну, – заторопился поэт-полковник, – мне необходимо идти. Желаю вам удачи в Рио. Только помните: народ в столице вице-королевства отличается от минейрос. Они не такие решительные, как мы.

Провожая глазами поспешно удаляющегося полковника Алзаренгу Пейшото, Тирадентис усмехнулся, вспомнив разговор, имевший место между полковником и каноником Карлосом Корреа. Когда Карлос Корреа несколько дней назад попросил полковника написать какую-то записку абсолютно безобидного характера одному их общему другу в Рио-де-Жанейро и передать ее с Тирадентисом, Алваренга воздел руки кверху и театрально воскликнул: «Вы можете отрубить мне эти пальцы, но не заставите написать ни одной строчки никому, где я хотя бы одним словом обмолвился о наших делах и предстоящем восстании».

В канцелярии губернатора без каких-либо возражений Тирадентису выдали бумагу с разрешением на двухмесячную отлучку из Вила-Рики. Тирадентис зашел домой, простился с Эухенией Жоакиной, сыном, дочерью, сел на коня и выехал из Вила-Рики. А на другой день можно было видеть, как Алваренга Пейшото в сопровождении двух друзей отбыл в направлении к Сан-Жоан-дел-Рей, решив отдохнуть там еще несколько дней. Он, правда, помнил просьбу Тирадентиса все время оставаться во главе своего подразделения в Рио-Верде, но, побыв в Кашуэро-до-Кампо и не услышав в губернаторском дворце никаких новостей относительно дня объявления деррамы, решил сменить казарменную обстановку на более приятное общество в Сан-Жоан-дел-Рей. Отсутствовал в столице капитании и подполковник Франсиско де Паула. После последнего совещания заговорщиков в Шакара-до-Крузейро он, не заезжая в Вила-Рику, отправился в другое свое имение, Калдейроес, ссылаясь на возобновившиеся приступы радикулита и говоря, что воздух Калдейроеса более благотворно действует на него, чем воздух Вила-Рики. Таким образом, в столице капитании в этот момент из основных заговорщиков находились только Клаудио и Гонзага, два теоретика, у которых не было ни оружия, ни людей – ничего, кроме подготовленных законов будущей республики и текста ее конституции.

В Рио Тирадентис выехал сопровождаемый верным рабом-мулатом и в местечке Бананейросе разговорился с возвратившимся из своей фазенды в Сан-Бартоломео капитаном кавалерии Жоаном Диасом да Мота. Сидя в таверне, Тирадентис увидел вошедшего капитана и пригласил его за свой

столик.

– Вы, прапорщик, из Вила-Рики? Что там нового? – спросил капитан.

– Как, разве вы ничего не знаете? – с деланным изумлением ответил Тирадентис. – В ближайшее время должны объявить дерраму, и каждому жителю капитании придется внести восемь унций золота в государственную казну.

– С каких же это достатков я заплачу такую сумму? – изумился Жоан Мота.

– Это королевскую казну не интересует, – сухо произнес Тирадентис.

– Но меня-то интересует! – возмущенно воскликнул капитан. – Люди денежные, безусловно, заплатят, а неужели мне придется расставаться с фазендой?

– Зачем же платить, зачем расставаться с фазендой? – спросил Тирадентис. – На мой взгляд, дерраму объявить не так-то просто. Среди народа начнутся волнения, и тогда португальцам придется распрощаться с Бразилией.

– Вы в этом уверены, прапорщик? – испытующе посмотрел на Тирадентиса капитан.

– Уверен, – односложно промолвил Тирадентис и улыбнулся.

– Можно вам задать еще один вопрос? – Капитан вынул платок и вытер пот, обильно выступивший на лбу. – Какими людскими ресурсами вы располагаете?

Тирадентис покачал головой.

– Вы слишком многое желаете узнать за один разговор.

– Согласен, – заметил капитан. – Поэтому не стану вас больше расспрашивать. Но если все произойдет так, как вы предсказываете, то меня можете считать на вашей стороне.

Капитан и Тирадентис обменялись крепким рукопожатием.

В тот самый момент, когда в таверне Бананейроса говорили о восстании, почти такой же разговор происходил в местечке Арройо-да-Лаже между братом викария Карлоса Корреа, сержантом-мором Луисом Вас де Толедо Пицой, и полковником Жоакином Силверио дос Рейс. Но, прежде чем рассказывать о беседе, которая шла между этими двумя собеседниками, давайте познакомимся с биографией полковника Силверио, представляющего для нас, как вы впоследствии увидите, некоторый интерес.

Жоакин Силверио дос Рейс, португалец, родился в городке Лейриа и уже в зрелом возрасте, скопив небольшую сумму денег, приехал в Бразилию вместе с братом Жоаном Дамасено. Направившись в капитанию

Минас, они занялись там торговлей. Коммерческие операции братья вели между Минасом и Рио-де-Жанейро, и вскоре доходы двух португальцев настолько возросли, что их обязали платить большие налоги. Спустя год или два Силверию дос Рейс приобрел уже несколько фазенд. Затем братья разделили имущество, и каждый стал обманывать покупателей самостоятельно.

Силверию стремился участвовать в любых коммерческих комбинациях, пытаясь всеми способами увеличить богатство. Лишенный какой-либо культуры, грубый в обращении, Силверию во время беседы имел привычку усиленно жестикулировать. Всюду с собой Силверию таскал музыкальный инструмент псалтерио, имеющий некоторое сходство с мандолиной и состоящий из деревянной коробки треугольного размера с двумя отверстиями, похожими на скрипичные. У псалтерио было тринадцать металлических струн, и играли на нем, перебирая струны ногтями или отточенным кончиком пера.

Вскоре Силверию получил звание полковника, так как вам уже известно, что всем богатым людям вице-королевства королева присваивала воинские звания, и после их получения новоиспеченные военачальники обязывались за свой счет содержать вверенные им войска. По своей натуре Силверию дос Рейс был мотом и сорил деньгами направо и налево. Несмотря на имеющиеся в его распоряжении большие средства, вырученные от торговли, деньги у него не задерживались, и вскоре Силверию оказался в довольно тяжелом положении, задолжав казне очень крупную сумму – около двухсот двадцати контос. В последние годы счастье окончательно изменило Силверию дос Рейсу, и разразившийся в капитании Минас экономический кризис не миновал и полковника. К двумстам двадцати контос, составлявшим долг Силверию казне, прибавились новые солидные суммы. Силверию отправил несколько просьб губернатору Минаса и даже вице-королю, умоляя отодвинуть срок уплаты долга. Однако на просьбы Силверию ни губернатор, ни вице-король не дали никакого ответа.

В момент встречи с сержантом-мором Луисом Вас де Толедо Пицой Силверию находился в крайне угнетенном состоянии духа и высказал собеседникам свое недовольство действиями королевы, вице-короля и вообще всех португальских властей в Бразилии. Выслушать жалобы Силверию пришлось также и сержанту-мору.

– Вот вы, сержант-мор, – говорил Силверию брату каноника, – вы недавно вернулись из столицы вице-королевства и, вероятно, слышали самые последние новости. Мне хотелось бы знать, насколько достоверны

слухи о роспуске созданных военных подразделений. Если подобный слух подтвердится, о чем я молю бога, то в таком случае не посмотрю на свое тяжелое материальное положение и отдам в пользу церкви целых десять контос.

– Десять контос? – протянул удивленно сержант-мор. – Вы вероятно, очень состоятельный человек, господин полковник, если можете бросаться такими деньгами.

– Почему бросаться? – возразил Силверио. – А знаете, сколько мне стоит содержание этих распроклятых частей, которые находятся под моим командованием? Королева нечестно поступила, обманула меня, сделала полковником. Для чего мне пышный мундир, если ради него приходится отдавать столько денег? Тут, как ни выкручивайся, все равно останешься в долгу, как в шелку. Самый хитрый и изворотливый человек не сможет выпутаться из подобного тяжелого положения, даже если он имеет такую прибыльную должность, как моя.

– А чем вы занимаетесь, полковник?

– Я-то отвечаю за сбор налогов с товаров, ввозимых в капитанию Минас из других капитаний, – с гордостью ответил Силверио. – Сами понимаете, пост довольно выгодный, если умело им пользоваться. Но этот несчастный полковничий мундир съедает все доходы.

– Мне кажется, вам нечего особенно беспокоиться о судьбе. Скоро все изменится к лучшему и больше не придется платить налогов в португальскую казну.

– На что вы намекаете, господин сержант-мор? – с любопытством спросил Силверио.

– Да так, – уклончиво произнес сержант-мор, – у меня есть основания для подобного заявления. Вы же сами признаете, что положение в капитаний Минас очень тяжелое. И как по-вашему, разве может население долго терпеть этот произвол со стороны португальских властей?

– Но я не могу поверить в существование людей, способных изменить существующие порядки. Все проявляют какую-то апатию, равнодушие и, кажется, абсолютно смирились, склонив головы. С каждым ударом, с каждым новым налогом жители становятся тише и покорнее.

– Если хотите знать, – запальчиво проговорил сержант-мор, – некоторые не смирились. В капитаний существует заговор.

– Заговор?! – удивленно воскликнул Силверио. – Какие же цели у этих таинственных заговорщиков? Если они смогут освободить полковника Силверио от налогов, то я не замедлю присоединиться к подобному движению.

Сержант-мор дружески похлопал Силверию по плечу.

– Полковник, я сразу понял ваше настроение и увидел перед собой единомышленника.

– Но вы все-таки расскажите подробнее, ведь не хочется бросаться очертя голову в омут. Даст мне участие в заговоре освобождение от налогов? – допытывался Силверию у сержанта-мора.

– Я все разъясню. Но потерпите. Сейчас время подумать о ночлеге. Уже темнеет. Если вы не против, мы остановимся в доме капитана Жозе де Резенде Косты. Между прочим, он тоже наш человек.

– С удовольствием! Я вижу, у вас везде есть единомышленники.

– Безусловно, – с гордостью проговорил сержант-мор. – В этом наша заслуга. Правда, особенно потрудился, привлекая сторонников, прапорщик Тирадентис.

– Кто такой Тирадентис? – любопытствовал Силверию.

– Тирадентис – фактический глава заговора. Умнейший человек!

– И вы предлагаете мне, полковнику, участвовать в движении, которым руководит прапорщик? – пренебрежительно заметил Силверию.

– Вы еще не знаете нашего Тирадентиса. К его мнению прислушиваются все – и полковник Алваренга Пейшото и даже сам подполковник Франсиско де Паула Фрейре де Андраде, который командует всеми нашими вооруженными силами.

Силверию даже подскочил от удивления.

– Как! И подполковник Франсиско де Паула на вашей стороне?

– Почему на вашей? – подозрительно переспросил сержант-мор. – «На нашей» уже нужно говорить. Разве вы не согласились примкнуть к движению?

– Да, да, – поспешно подтвердил Силверию, – я просто оговорился.

Собеседники добрались до фазенды капитана Жозе де Резенде Косты и договорились с хозяином о ночлеге. Капитан Коста, сам человек необразованный, мечтал отправить своего сына в Португалию учиться в университете Коимбра. В течение нескольких лет он собирал деньги сыну на дорогу и несколько месяцев назад договорился с викарием Карлосом Корреа, намеревавшимся совершить поездку в Лиссабон, что тот возьмет юношу с собой и поможет ему устроиться в Коимбре. Однако, как мы знаем, Карлос Корреа отказался от путешествия в связи с планами заговорщиков и предстоящим началом восстания. Сначала капитан очень огорчился, но потом, узнав причины, заставившие Карлоса Корреа отложить поездку, решил сам присоединиться к заговору, стремясь приблизить день, когда в Вила-Рике бразильцы сами создадут университет,

в котором его отпрыск сможет получить образование.

Сержант-мор находился в отличнейшем настроении, радуясь удачному приобретению нового сторонника. Расположившись в гамаках, Силверио и сержант-мор еще долго беседовали, причем говорил больше сержант-мор, а полковник Силверио внимательно слушал.

На другое утро они продолжили вместе путешествие до местечка Сан-Жозе, где сержант-мор жил вместе со своим братом викарием Карлосом Корреа. Пригласив полковника зайти к ним в дом, сержант-мор представил его брату как нового члена заговора. Большого энтузиазма у Карлоса Корреа эта новость не вызвала, и, когда через несколько часов полковник Силверио отбыл по направлению к Вила-Рике, викарий пожурил брата за излишнюю болтливость.

– Как же ты мог, – выговаривал викарий, – рассказать непосвященному человеку о делах, являющихся секретом группы революционеров! Ты же совсем не знаешь, кто такой полковник Силверио, а я сразу признал в нем брата Жоана Дамасено, которого все в округе зовут Жоан-нудный. Ты, вероятно, заметил, у полковника Силверио к седлу привязан псалтерио. Он всегда таскает его с собой, и полковника иначе не называют, как Псалтерио дос Рейс. Это его вторая отличительная особенность. Первая же – жуликоватость. Вряд ли Силверио Псалтерио явится ценным приобретением для нашей революции. Ну, раз дело сделано, горевать поздно. Авось ничего плохого не случится. Однако на будущее хочу тебя предупредить: никогда не поступай опрометчиво. Бери пример со старшего брата. Я тоже позавчера сумел склонить на нашу сторону одного военного. Может быть, слышал о нем – Корреа Памплона. Он ночевал здесь, в доме, и мы долго беседовали о положении в капитании. Правда, детали заговора я не раскрыл, а только заметил, что в Вила-Рике много говорят о восстании, которое должно вспыхнуть в день объявления деррамы. Мне кажется, Корреа Памплона склонен разделить наши идеи. Тогда я прощупаю его поосновательнее. Он принял приглашение провести в моем приходе пасхальные дни.

Смущенный сержант-мор не пытался оправдываться, а только огорченно вздыхал, сожалея о своей болтливости.

А в это время полковник Силверио, очень довольный, легуа за легуа приближался к Вила-Рике. И вот недалеко от одной из фазенд он увидел под раскидистым деревом отдыхавшего путника. По висевшему на сучке камзолу Силверио признал в спящем человеке прапорщика. И тотчас же припомнил рассказ сержанта-моря.

– Тирадентис! – крикнул Силверио на всякий случай. Лежавший на

траве мужчина поднял голову и удивленно посмотрел на всадника.

– Слушаю вас, полковник. Извините, с кем имею честь? – сказал он, так как это был действительно Тирадентис, решивший переждать часы солнцепека, прежде чем продолжать путешествие.

Силвериио спрыгнул с коня и подошел к Тирадентису, протягивая руку.

– Очень рад с вами встретиться, прапорщик. Мне так много о вас рассказывали. Давайте познакомимся. Я полковник Силвериио дос Рейс.

– Ну что ж, давайте познакомимся, полковник. Так от кого же вы слышали обо мне и что?

– В моих глазах вы один из самых замечательных людей нашей капитании. Я смею вас уверить, все мои помыслы направлены на освобождение Бразилии от иноземного ига, хотя я сам португалец, но мои власть имущие соотечественники так насолили полковнику Силвериио дос Рейсу, что он ждет не дождется дня, когда их вытурят с бразильской земли и все мы вздохнем свободно.

– Простите, но я не понимаю, о чем вы ведете речь.

– Бросьте, прапорщик. Сержант-мор Луис Вас де Толедо Пица все рассказал о заговоре, и я только что из дома викария Карлоса Корреа. Считайте меня своим единомышленником.

Уборщики мусора тигрес на улицах Рио конца XV!!! века.

– Ах, – воскликнул Тирадентис, – сейчас много болтают лишнего, даже выдумывая различные небылицы, принимают желаемое за действительность! Недовольные в Минасе есть. Кто станет это отрицать! Но нельзя называть малейшее проявление недовольства заговором.

– Кажется, вы мне не доверяете, Тирадентис, – укоризненно произнес Силвериио. – Зря! Вряд ли существует в капитании человек, страдающий больше от португальских властей, чем полковник Силвериио дос Рейс.

– Ну что ж, – спокойно заметил Тирадентис, – в таком случае, если в

капитании Минас совершится революция, одним из тех, кто выиграет от нее, будет именно полковник Силвериио дос Рейс. Я лично, – добавил Тирадентис, – убежден в необходимости перемен.

– А скажите, прапорщик, будут ли отменены долги королевской казне в случае успешного завершения революции?

– Может, и существуют где-нибудь подобные планы неперменной отмены всех долгов португальской короне, но я, право, не информирован. Думаю, новую жизнь начнем без старых долгов.

– Через несколько дней, – заметил Силвериио, – я должен отправиться в Рио. Может быть, мое знание людей в столице и связи пригодятся нашему общему делу. Тирадентис неопределенно пожал плечами.

– Вероятно, вы сможете принести пользу. Во всяком случае, нелишне встретиться в Рио. Я обычно останавливаюсь в пансионе Перпетуа Минейры, недалеко от порта. В Рио ее знает каждый. Что ж, пора, пожалуй, отправляться в путь. Жара спала. – Тирадентис снял висевший па суку камзол, отвязал лошадь, оседлал ее, приподнял треуголку, поклонился и выехал на дорогу.

Силвериио помахал ему вслед рукой.

– До встречи в Рио! – крикнул он, крайне довольный предоставившейся возможностью познакомиться с прославленным Тирадентисом.

А в это время жизнь в Вила-Рике текла, как всегда, медленно, спокойно, и ничто не предвещало наступления бури. Из основных участников заговора, как мы уже рассказывали, в Вила-Рике остались только два поэта, остальные же стремились коротать жаркие дни марта в фазендах и пореже появляться в душном городке, почти начисто лишенном какой-либо растительности. После мартовского собрания в Шакара-до-Крузейро Гонзагу несколько раз видели в губернаторском дворце, где он беседовал или с интендантом Вила-Рики, или с самим Варбасеной, причем очевидцы утверждали, что Гонзага уговаривал Барбасену не объявлять дерраму, мотивируя это тем, что объявление деррамы явится трагедией для всех жителей капитании и катастрофой для местной экономики. Беседуя же с близким другом, интендантом Вила-Рики доктором Франсиско Грегорио Монтейро Бандейрой, Гонзага непременно заводил речь о необходимости быстрого объявления деррамы. Слухи о подобных противоречивых действиях Гонзаги доходили до заговорщиков, но они не придавали им никакого значения, уверенные в разумности любых шагов, предпринимаемых поэтом Гонзагой.

Один день как две капли воды походил на другой, монотонное

существование жителей Вила-Рики, казалось, ничто не в состоянии нарушить. Но наступило 15 марта.

11. ДОНОС ГУБЕРНАТОРУ

Утром 15 марта помощник губернатора Антонио Шавьер вошел в кабинет его превосходительства и доложил:

– Господин виконт Варбасена, вас желает видеть... – и он назвал имя и фамилию просителя, добивавшегося аудиенции.

Барбасена с недовольным видом отложил в сторону какую-то бумагу.

– Пора бы всем посетителям знать время приема. Сейчас я просматриваю утреннюю почту.

– Но он просит принять его немедленно. Говорит, дело государственное, и настолько важное, что не терпит отсрочки.

– Каждый, кто добивается свидания с губернатором, считает свое дело самым важным и не терпящим отсрочек, – пробурчал Барбасена, но тем не менее разрешил впустить визитера.

– Здравствуйте, дорогой друг, – приветствовал он вошедшего в кабинет человека. – Чем обязан столь раннему визиту? Какие дела государственной важности заставили прервать вас утренний сон и явиться спозаранок к скромному слуге королевы, губернатору капитании Минас?

– Господин виконт, поверьте, я не посмел бы тревожить вас во внеурочное время, если бы не имел сообщить нечто из ряда вон выходящее. Я долго набирался мужества, прежде чем решиться прийти во дворец и рассказать о делах, затрагивающих интересы ее величества королевы и всех подданных вице-королевства.

Барбасена нахмурился.

– Слишком долгое и многозначительное предисловие. Будьте любезны изъясняйтесь покороче и приступайте непосредственно к сути вопроса.

Посетитель почему-то на цыпочках приблизился к губернатору и, понизив голос, произнес:

– Господин виконт, в вице-королевстве готовится заговор, и центр его находится в столице капитании Минас – Вила-Рике.

Барбасена нахмурил брови и отступил на один шаг.

– Вы даете себе отчет в последствиях, бросая подобные обвинения бразильским подданным ее величества королевы?

– Да, ваше превосходительство. Зная все детали заговора, я уверен в полной достоверности сообщаемых мною сведений. Могу назвать имена всех главарей и участников.

– Говорите! – приказал Барбасена.

– Заговор возглавляется прапорщиком Тирадентисом.

– Я вас могу уличить во лжи, милейший, – перебил посетителя Барбасена. – Несколько дней назад мною собственноручно прапорщику Тирадентису выдано разрешение на двухмесячную поездку в столицу вице-королевства для устройства личных дел и выяснения судьбы представленных вице-королю проектов.

– Вы правы, ваше превосходительство, Тирадентис сейчас находится в пути, направляясь к Рио-де-Жанейро, но едет он в столицу совсем не для выяснения судьбы поданных вице-королю проектов, а по заданию центра заговорщиков Вила-Рики. Восстание начнется в день объявления деррамы. Заговорщики подготовили проекты новой конституции и законов для будущей республики Бразилии. Они составлены Клаудио Мануэлом да Коста и Томасом Антонио Гонзагой.

– Совершеннейшая чушь! – снова перебил доносчика губернатор. – За последние дни Гонзага несколько раз приходил во дворец, уговаривая меня отменить дерраму.

Щеки и лоб посетителя от страха и волнения покрылись красными пятнами.

– Умоляю, господин губернатор, ваше превосходительство, выслушать меня до конца. Это тактический ход со стороны Гонзаги. Он пытался завоевать доверие, притупить вашу бдительность. Я рассказываю чистую правду. Центры заговорщиков созданы по всей капитании, – и доносчик стал перечислять города и селения, где проживали люди, замешанные в заговоре.

Виконт Барбасена пренебрежительно поморщился.

– Ваши заговорщики прожектеры или безумцы. Все их планы построены на песке. В капитании Минас достаточно преданных португальской короне войск, способных в зародыше подавить малейшее проявление недовольства.

– Ваше превосходительство, в том-то и дело, что в заговоре замешаны многие высшие военные чины капитании, – и доносчик перечислил несколько имен военных руководителей заговора.

Барбасена почувствовал слабость в ногах, но усилием воли постарался не показать и виду, что его привели в ужас подробности, приведенные доносчиком.

– Хорошо, – произнес губернатор, – благодарю за преданность ее величеству и сделаю все для вознаграждения верного вассала королевской короны. Сейчас же требую вести себя очень осторожно, не вызывая подозрений участников заговора. Внимательно следите за всем

происходящим в Вила-Рике. Приходите во дворец в любой час дня и ночи. Я дам указание беспрепятственно пропускать вас. Повторяю: держите язык за зубами. Можете идти. – Барбасена заложил руки за спину, как бы демонстрируя нежелание обмениваться рукопожатием с доносчиком.

Посетитель отвесил глубокий поклон и направился к двери.

– Пойдите! – окликнул его Барбасена. – Изложите все сказанное вами здесь в письме на мое имя и, не мешкая, доставьте его во дворец.

– Слушаюсь, – произнес доносчик и после еще одного глубокого поклона, пятясь, удалился из кабинета.

– Господин Шавьер, – закричал Барбасена помощнику, – принесите мне бокал красного вина!

– Простите, господин губернатор, я не ослышался: бокал красного вина в такое время?

– Да, да, и побыстрее, не мешкайте, – Барбасена обогнул стол, отодвинул кресло и буквально упал в него, обессиленный. – Виконт, – прошептал он, – ты, видно, родился в сорочке.

Через несколько дней доносчик явился во дворец Кашуэйро-до-Кампо с письменным текстом доноса. А 23 марта Барбасена направил в палату капитании распоряжение, так называемую банда, в которой излагалось решение об отмене объявленной деррамы. «Значительное уменьшение положенных поступлений в 100 арроб золотом, которые капитания Минас должна платить ежегодно в виде пятой части, принадлежащей ее величеству, требовало принятия решительных мер и расследований, – указывалось в документе. – Объявление деррамы явилось бы первой из таких мер. Однако, имея возможность ознакомиться с положением дел в данной капитании и учитывая, что королевская казна заботится не только о пополнении поступлений налогов с населения, не только о благополучии королевского правления, но также и о народе, чье благосостояние и процветание являются главной целью блестящего правления нашей госпожи королевы... В связи с этим я, губернатор капитании Минас виконт де Барбасена, принял решение отложить взимание деррамы, которую ранее обязал ввести местную административную хунту королевской казны. Деррама отменяется до тех пор, пока не поступит новое распоряжение из Лиссабона от ее королевского величества. Об отмене деррамы мною послан соответствующий доклад королеве.

***Виконт де Барбасена, губернатор
капитании Минас.***

ВилаРика, 23 марта 1789 года».

Нужно сказать, что виконт Барбасена, услышав о готовящемся заговоре, в тот же день послал вице-королю письмо в Рио-де-Жанейро. Кстати сказать, виконт Барбасена доводился вице-королю племянником. Отменив на свой страх и риск дерраму, Барбасена 25 марта отправил второе письмо Луису Васконселос, прося выслать в капитанию Минас на всякий случай дополнительные подразделения войск для подавления бунта.

К тому времени Барбасена уже знал все подробности о действиях заговорщиков, так как доносчик регулярно приходил во дворец Кашуэйро-до-Кампо, информируя губернатора о каждом их шаге.

А в Вила-Рике царила паника. Заговорщики в растерянности не представляли, что делать дальше, и все их попытки выяснить причины отмены деррамы не имели успеха. Кое-кто из руководителей заговора горел желанием действовать, но таких, к сожалению, оказалось меньшинство. Мало того, некоторые втайне решили принять меры предосторожности, а наиболее слабые духом даже начали подумывать о предательстве и разоблачении товарищей по заговору. А между тем душа движения отсутствовала – Тирадентис находился на пути в Рио, абсолютно ничего не подозревая о событиях, разыгравшихся в капитании Минас.

Каноник Луис Виейра, получив известие об отмене деррамы, отправился в Вила-Рику и встретился с Гонзагой, желая выяснить дальнейшую судьбу заговора. Но каноник нашел поэта абсолютно спокойным. Не разделяя волнений Луиса Виейры, Гонзага заявил о необходимости отказаться от борьбы. В связи с последним актом правительства, по мнению Гонзаги, необходимость в заговоре отпала и с настоящего момента лучше всего забыть обо всех планах и не думать больше ни о заговоре, ни о восстании против португальских властей. Побеседовав еще немного на различные темы, не относящиеся к заговору, поэт простился с Луисом Виейрой и поспешил домой дописывать очередную оду Марии Доротее. Но на следующий день Гонзага нанес очередной визит губернатору. В беседе с виконтом де Барбасена Гонзага заявил:

– Народ Вила-Рики очень доволен, ваше превосходительство, отменой деррамы. Если бы местная публика имела деньги, то все жители капитании, несомненно, пожелали бы воздвигнуть вам памятник. Очень, очень своевременное распоряжение. Экономическое положение капитании, как

вы изволили заметить в банда, довольно тяжелое. Мне не терпелось лично нанести вам визит и поздравить с таким мудрым государственным шагом.

Барбасена улыбался, слушая витиеватые речи Гонзаги, и после каждой фразы согласно кивал головой. Но как только поэт покинул дворец, губернатор сел срочно писать письмо вице-королю, еще раз обращаясь к нему с просьбой немедленно выслать войска в Минас для защиты португальской власти. «Я подчеркиваю, – говорил Барбасена в письме, – войска, находящиеся в нашем распоряжении, не пользуются моим доверием. Почти все они состоят из бразильцев. В данной ситуации доверять бразильцам – настоящее безумие».

Запечатав письмо, Барбасена задумался: «Необходимо как можно быстрее доставить письмо во дворец вице-короля. Обычные средства связи в данном случае не годятся. В роли гонца необходимо использовать человека, кровно заинтересованного в быстрейшей его доставке».

Крикнув помощника, Барбасена отдал ему приказание, и тот удалился. Оставшись один, Барбасена вскочил с кресла и стал расхаживать по комнате, радостно потирая руки: «Лучшего маневра не придумал бы и сам дядюшка. Он подозревает меня в желании спихнуть его с вице-королевского кресла и, видимо, уже направил жалобу королеве на мое самовольничанье с отменой деррамы. Но ловким ударом я выбью карты из его рук. Я покажу всю справедливость моих опасений. И пусть пеняет на себя, если опоздает принять надлежащие меры. Я его предупредил вовремя».

Наступил апрель месяц. Население Вила-Рики пребывало в крайнем смятении. Один слух противоречивее другого распространялся по столице капитании Минас. 15 апреля во дворце Кашуэйро-до-Кампо появился новый доносчик – подполковник Базилио де Бритто Мальейро, смертельный враг Томаса Антонио Гонзаги. К этому времени в Вила-Рику просочился сведения об истинной причине отмены деррамы. Обыватели под величайшим секретом передавали друг другу новости. Многие в городе считали главой заговора судью Томаса Антонио Гонзагу. Для подполковника Базилио де Бритто Мальейро появился прекрасный повод для мести. Сначала он явился во дворец Кашуэйро-до-Кампо и сделал донос устно. Виконт де Барбасена применил ту же тактику, что и с первым доносчиком, приказав подполковнику Мальейро представить донос в письменной форме. Мальейро выполнил распоряжение Барбасены.

Кто-то, увидев Базилио до Бритто Мальейро выходящим из дворца, сразу же догадался о причинах визита подполковника к губернатору. И тотчас же к двум доносчикам присоединился третий – Инасио Корреа

Памплона. Памплона также вручил письменный донос Барбасене, подробно изложив разговор, имевший место между ним и Карлосом Корреа, викарием из Сан-Жозе.

Тирадентис же в это время приближался к Рио, вербуя по пути новых сторонников заговора, даже не подозревая об угрозе, нависшей над столь тщательно подготавливаемым им восстанием. Он подолгу останавливался в местечках, деревнях и в фазенде Себолас встретился со своим старым знакомым ефрейтором Мануэлом Луисом Перейрой, служившим в гарнизоне Рио и также направлявшимся в столицу вице-королевства. Решив продолжать путешествие вместе, Тирадентис стал беседовать с Перейрой, пытаясь выяснить, нельзя ли привлечь и его на сторону заговорщиков. Когда Тирадентис стал распространяться о том, какие преимущества получит Бразилия, освободившись от португальского ига, Перейра подозрительно посмотрел на прапорщика и ответил:

– Я прошу тебя, прапорщик, не болтать лишнего и не впутывать меня в разные истории. Все идет на земле Бразилии как нельзя лучше, и никаких изменений я не желаю.

Возмущенный Тирадентис воскликнул:

– Ах, так ты из тех, кто боится и пресмыкается перед португальцами! – Подстегнул коня и, замолчав, поехал впереди.

Почувствовав возможность извлечь выгоду из разговора, происшедшего между ним и Тирадентисом, Перейра обогнал Тирадентиса и, нигде не останавливаясь, добрался до Рио, сразу же направившись во дворец к вице-королю. В это время Луис де Васконселос имел уже самые свежие сведения о готовящемся заговоре в Вила-Рике, получив письмо от племянника виконта де Барбасена. Донос Перейры подкреплял и являлся лишь дополнительным подтверждением правильности сведений, сообщенных Барбасеной в его письме от 15 марта.

Рекомендовав Перейре никому не рассказывать о визите во дворец, Луис де Васконселос приказал ефрейтору попытаться сблизиться с Тирадентисом, узнать о намерениях прапорщика и докладывать ежедневно о всех собранных новостях, имеющих отношение к планируемому заговору.

Перейра примчался к вице-королю 24 апреля, а Тирадентис в этот день, миновав местечко Рибейрон, встретил своего коллегу, тоже прапорщика, Матиаса Саншеса Брандона. Матиас в свои пятьдесят лет потерял всякую надежду получить более высокий чин. Прапорщик Матиас страдал глухотой и поэтому не любил вступать в разговоры. Оба прапорщика остаток пути провели вместе, и, добравшись до Рио, Матиас, не желая тратить понапрасну сбережения, предложил Тирадентису снять

одну комнату на двоих. Так они и сделали, арендовав 25 апреля комнату на улице Сан-Педро. Через несколько дней они распрощались. Тирадентис остался в Рио-де-Жанейро вербовать новых сторонников заговора, изучать обстановку, а прапорщик Матиас 1 мая направился в обратный путь. Выезжая из города по узкой улице, ему пришлось прижать коня поближе к тротуару, уступая дорогу мчащемуся навстречу всаднику, с ног до головы покрытому дорожной пылью. Видимо, он спешил по какому-то срочному делу и проделал большой путь, добираясь до Рио.

12. ЗАПАДНЯ

Час спустя тот же самый человек входил во дворец вице-короля и попросил доложить его превосходительству Луису де Васконселос о прибытии гонца с секретным письмом от губернатора капитании Минас-виконта де Варбасена. Он был тотчас же принят вице-королем.

Луис де Васконселос прочитал послание племянника, то самое, которое Варбасена отправил со специальным посыльным, и поразился обилию деталей, содержащихся в нем. «Положение гораздо серьезнее, чем я думал!» – мелькнуло у него в голове. Но об этом он ничего не сказал подателю письма.

– Итак, – произнес вице-король, – это вам мы обязаны знакомством с такими ценными сведениями о преступлениях группы безумцев, пытающихся вступить в единоборство с властью португальской короны?

– Так точно, ваше высокопревосходительство, – почтительно произнес стоявший перед вице-королем человек.

– Я обещаю не забыть услуги и говорю это не только от своего имени, но и от имени ее величества.

Доносчик поклонился и приготовился уже рассыпаться в благодарностях, но вице-король остановил его движением руки.

– Ваша миссия пока не окончена. Вам предстоит еще много сделать, прежде чем заслужите соответствующую благодарность ее величества и мою. Вы должны не терять из виду этого – как его? – Тирадентиса и ежедневно докладывать мне письменно, не скупясь на детали, о каждом его шаге. А сейчас можете идти.

Доносчик вышел, а вице-король еще раз перечел одну из страничек письма виконта де Варбасена: «Что касается фигуры доносчика, – писал губернатор капитании Минас, – то он известен своим плохим характером и амбицией. В настоящее время его преследуют многочисленные недруги, ранее имевшие от него различные неприятности. Доносчик, по моему мнению, находится в стесненных финансовых обстоятельствах и кругом а долгах, общая сумма коих, как я подозреваю, довольно велика». Сложив послание и тщательно спрятав его в потайной ящик, вице-король покачал головой: «Да, нужно проявить максимум энергии и не дать милейшему племяннику возможности подкопаться под вице-короля. Если Тирадентису удастся что-нибудь сделать здесь, в Рио, то это произведет неблагоприятное впечатление на королеву».

Луис де Васкопселос задумался. Потом, приняв какое-то. решение, крикнул дежурного офицера.

– Капитан, – обратился он к нему, – есть у вас несколько способных людей, умеющих вести слежку?

Капитан вытянулся и щелкнул каблуками.

– Безусловно, ваше высокопревосходительство.

– Так вот, подберите человек шесть самых толковых, расторопных, прикажите им отыскать в Рио прапорщика Жоакина Жозе да Силва Шавьера по прозвищу Тирадентис, и пускай они денно и ночью ведут за ним наблюдение, но только незаметно, не спугивая его. Пусть ежедневно докладывают мне, с кем встречался прапорщик, куда ходил, что делал. Упустите – ответите головой.

– Слушаюсь, – ответил капитан, еще раз щелкнул каблуками и вышел выполнять приказание.

1 мая, возвращаясь от одного из своих приятелей, Тирадентис на улице Оувидор неожиданно нос к носу столкнулся с полковником Силвериио дос Рейс.

– О, полковник! – воскликнул Тирадентис. – Вы уже прибыли в Рио?

– Да, – ответил Силвериио, – всего лишь полчаса назад. Успел только переодеться на постоялом дворе и сейчас раздумываю, где найти для себя пристанище поудобней. А вы где остановились, прапорщик? – полюбопытствовал Силвериио. – Я мало кого знаю в Рио, а хотелось бы жить рядом с кем-нибудь из знакомых. Может, мне удастся снять жилище рядом с вами?

– Попробуйте, авось повезет. – И Тирадентис рассказал, как добраться до улицы Сан-Педро. Он, правда, не симпатизировал Силвериио, но, в сущности, ему было безразлично, будет ли жить Силвериио в соседнем с ним доме или нет.

Возвратившись к себе, Тирадентис собрался прилечь отдохнуть, но раздался стук в дверь, и вошел довольный Силвериио, сообщив, что ему удалось снять комнату напротив. Силвериио говорил об этом с такой неподдельной радостью, что Тирадентису стало как-то неловко за свое несколько сухое обращение с земляком, и он, улыбнувшись, произнес:

– Отлично! Теперь мы соседи. Будем ходить друг к другу в гости и обмениваться новостями.

Выпроводив Силвериио, Тирадентис лег на койку и принялся обдумывать дальнейший план действий в Рио. Он решил на следующий день навестить нескольких друзей, в том числе побывать у Перпетуа Минейры, но затем, поразмыслив, решил соблюдать максимум

осторожности и отказаться от этой заманчивой идеи, не желая, если с ним что-нибудь случится, причинять неприятность славной хозяйке пансиона.

Мы не станем перечислять все встречи, беседы, которые вел Тирадентис в Рио-де-Жанейро в первые дни мая 1789 года. Скажем только, что, где бы он ни появлялся, куда бы он ни пошел, за ним следовали, как тени, двое неизвестных. И каждое утро вице-король Луис де Васконселос брал со своего стола очередное донесение шпииков, перечислявших все действия Тирадентиса за минувший день. Впрочем, на столе лежало всегда два донесения. Второе – от человека, привезшего письмо губернатора капитании Минас. Ежедневные отчеты этого человека, как правило, заканчивались так: «Я понимаю, что не заслуживаю никакой награды, потому что я просто выполняю свой долг. В связи с этим я только прошу ваше высокопревосходительство относиться благожелательно к моим словам».

Тирадентис вскоре заприметил двух людей, неотступно следующих за ним, куда бы он ни направлялся. Между прочим, если шпиики старались не попадаться на глаза Тирадентису, то они совсем не подумали о возможности своего разоблачения со стороны третьих лиц, в том числе людей, которых навещал прапорщик. Однажды домой к Тирадентису пришел его друг Франсиско Шавьер Машадо.

– Слушай, Тирадентис, – сказал Франсиско, – ко мне только что заходил один знакомый – Симон Пирес Сардинья. Вы, кажется, встречались и беседовали вчера. Теперь слушай внимательно. Как только ты ушел, он заметил двух одетых в одинаковые плащи субъектов, проследовавших вслед за тобой. Обеспокоенный, Симон, в свою очередь, принялся наблюдать за ними и обнаружил, что эти два человека буквально преследуют тебя по пятам. Тогда капитан Симон пришел ко мне и попросил предупредить тебя о слежке. Я спросил у капитана, к чему, мол, следить за Тирадентисом, но он не сказал ничего вразумительного. Только еще раз просил сходить к тебе и предупредить на всякий случай. Может быть, – спросил Франсиско, – ты замешан в контрабанде золотом или алмазами? Хотя какая уж тут контрабанда золотом и алмазами. Мы же тебя так хорошо знаем...

Тирадентис поблагодарил Франсиско Шавьера Машадо за предупреждение.

– Действительно, я уже несколько дней чувствую за собой слежку. А не сказал капитан Симон, как выглядят эти люди?

– По-моему, я их видел недалеко от твоего дома в таверне. Там сейчас сидели двое, очень похожие на гренадер, но почему-то без усов. По всей

вероятности, им приказали сбрить усы, дабы себя не выдать. Это наводит меня на мысль: уж не имеют ли гренадеры предписания от самого высшего начальства следить за тобой? Без такого приказания они не решились бы самовольно сбрить усы.

– Еще раз спасибо тебе, Франсиско. Я теперь знаю, как мне поступить. Пусть только стемнеет. А уж тогда я заманю гренадер в какое-нибудь укромное место и расправлюсь с ними, благо шпагой владею прекрасно.

– Слушай, прапорщик, – умоляюще произнес Франсиско, – ты выбрал не ту дорогу. К добру она не приведет. Не нужно забывать, что эти люди действуют по приказу. Может быть, даже по приказу самого вице-короля. Если уничтожишь их, рискуешь очутиться в безвыходном положении. Хочешь услышать от меня дельный совет? Рекомендую, не мешкая, самому явиться к вице-королю и со всем уважением к его персоне рассказать, что тебя преследуют двое переодетых гренадер. Если приказ отдан вице-королем, то он объяснит мотивы такого распоряжения, если нет – даст указание расследовать столь скандальный случай.

Тирадентис задумался.

– Пожалуй, ты прав, друг Франсиско. Совет разумны! Я сейчас же воспользуюсь им. По крайней мере лучше хот что-то знать, чем чувствовать постоянно за спиной двух шпионов и находиться все время в напряжении.

Бронзовые часы времен Жоана Пятого сыграли менуэт. Стрелки показывали два часа после полудня. Вице-король Луис де Васконселос приказал секретарю принести в кабинет сургуч для запечатания корреспонденции, намереваясь как можно быстрее направить ее в Лиссабон. В этот момент открылась дальняя от вице-короля дверь и появилась фигура дежурного офицера. Секретарь подошел, желая узнать, что хочет тот передать вице-королю.

– В приемной сидит человек, – произнес офицер. – Он желает поговорить с его высокопревосходительством господином графом вице-королем Луисом де Васконселос.

Вице-король изумился:

– В такой час, сегодня?! Этого еще не хватало! Разве зря мною отведены специальные дни для аудиенций? Или меня считают простым чиновником, а не эмиссаром ее величества королевы?

Подойдя к дежурному офицеру, Луис де Васконселос раздраженно спросил:

– Кто желает меня видеть?

– Прапорщик, – ответил дежурный офицер, – прапорщик из капитании

Минас, ваше высокопревосходительство.

– Изумительно! Мне не доставало свидания лишь с каким-то прапорщиком, – возмутился вице-король.

– Он сказал, что его зовут Жоакин Жозе да Силва Шавьер.

Луис де Васконселос, пораженный, замер на месте. Конверт выпал из его рук.

– Жоакин Жозе да Силва Шавьер?! – повторил он, все еще не в силах побороть волнение.

Секунду помедлив, Луис де Васконселос сел на обитый коровьей кожей табурет, размышляя: «И этот человек смеет прийти сюда и представиться мне. Что за дерзость!»

Вице-король взял лорнет, направил его сначала на секретаря, а потом на офицера, принесшего поразительную весть.

– Каков он собой? Смуглый, глаза буравчиком, нагло смотрит и небрежно одет?

Офицер, чуть-чуть пожав плечами, ответил, что не обратил особого внимания на внешность посетителя.

– Он мне твердо заявил, – добавил офицер, – если его высокопревосходительство услышит его имя, то, несмотря на неурочное время для официального приема, все равно захочет выслушать суть его дела.

Вице-король и секретарь обменялись многозначительными взглядами. И так как офицер продолжал стоять, ожидая дальнейших распоряжений, вице-король приказал:

– Проси прапорщика Шавьера немедленно войти в кабинет. Сейчас же.

Офицер вышел, закрыв за собой дверь, а вице-король поспешно принялся приводить в порядок одежду, смахнув перчатками пыль с сапог, поправив кружева манжет, придавая своей особе важный вид. Только он успел закончить все приготовления, как дверь снова открылась, пропустив высокого мужчину крепкого телосложения, твердым шагом приблизившегося к вице-королю. Это был Тирадентис. Не дожидаясь, пока спросят, зачем он пожаловал в неурочный час во дворец, Тирадентис сказал:

– Я взял на себя смелость прийти к вашему высокопревосходительству, желая, если вы разрешите, задать один вопрос, – он замолчал на мгновение, спокойно смотря в глаза Луису де Васконселос.

Вице-король даже задохнулся от негодования. По какому праву этот Тирадентис мог войти подобным образом, так говорить, так смотреть на наместника королевы! Рука Луиса де Васконселос, нервно сжимавшая край

камзола, заметно дрожала. Боясь выдать волнение, вице-король не стал ничего говорить, а только кивнул головой, молча разрешая Тирадентису задать свой вопрос.

– Я хочу, – продолжал Тирадентис, – информировать ваше высокопревосходительство господина графа вице-короля, что уже несколько дней, как я, офицер войск ее величества в капитании Минас, живу в Рио, подвергаясь преследованиям, находясь под постоянным наблюдением двух индивидуумов, по всей вероятности, являющихся переодетыми гренадерами. Может быть, так, а может быть, и нет, но я осмелюсь просить ваше высокопревосходительство объяснить мне, человеку, находящемуся на вашей службе, почему эти люди преследуют меня? Ведь следить за подданным ее величества королевы можно, только выполняя приказ королевы. Если подобный приказ существует, то в чем меня обвиняют? Если же такого приказа не существует, то я употреблю шпагу против преследователей и постараюсь доказать, что никто не может безнаказанно наносить оскорбление офицеру ваших войск.

Луис де Васконселос в первый момент не нашелся, как отреагировать на тираду Тирадентиса, и некоторое время играл со стеклом лорнета, крутя его между пальцами. Затем внимательно осмотрел свои длинные ногти и только потом произнес:

– Дорогой прапорщик, я ничего не знаю по этому поводу. Люди, которые вас якобы преследуют, не находятся ни на моей службе, ни на службе ее величества королевы. Хочу дать вам; всего лишь один совет: избегать каких-либо драматических выходов и ни на кого не нападать. – Вице-король помолчал и, в свою очередь, спросил Тирадентиса: – У вас здесь, в столице вице-королевства, много врагов, прапорщик?

– Не знаю, – ответил Тирадентис. – Может быть, мои проекты в отношении использования вод рек Андараи и Маракана вызвали у кого-нибудь антипатию ко мне, так как если проект осуществится, то затронет карманы многих видных людей. Однако выполнение проекта представляет несомненный интерес для страны и большую выгоду для города Рио-де-Жанейро. – Тирадентис хотел продолжать развивать свою мысль о проекте, но вице-король остановил его движением руки.

– Я думаю, нет причины для волнений, дорогой прапорщик, никто вам не может сделать ничего плохого из-за подобного пустяка. Это все пустые подозрения. Вас преследуют разве что привидения.

– Нет, – покачал головой Тирадентис, – преследователи не похожи на привидения. Я прошу извинить за неурочный визит, но мне было необходимо выяснить, нет ли у вице-короля причин плохо относиться ко

мне.

Тирадентис замолчал. Луис де Васконселос тоже не произносил ни слова. В зале воцарилась тишина, стало даже слышно, как снаружи, на площади, раздавались свист кнута и крик какого-то раба, привязанного, по всей вероятности, к столбу. Видя желание вице-короля закончить разговор, Тирадентис произнес:

– Благодарю, ваше высокопревосходительство, за добрый совет, но я не могу продолжать оставаться здесь, в Рио, в атмосфере преследования и недоверия. Поэтому я прошу ваше высокопревосходительство разрешить мне вернуться в капитанию.

Секретарь, находившийся на другом конце комнаты, за спиной Тирадентиса, сделал круглые глаза. Лицо его перекошилось в удивленной гримасе.

Вице-король хотел что-то сказать, но не мог вымолвить ни слова. Тогда он решил улыбнуться. Улыбаясь, он начал внимательно и сосредоточенно поправлять на пальце громадный перстень, сделанный в форме жука известным мастером Валентином.

– Слушайте, господин прапорщик, – произнес, наконец, вице-король, – зачем же приезжать так издалека и возвращаться назад, не добившись результата? Оставайтесь в Рио. Если потребуется, то после окончания вашего разрешения на отпуск я, как вице-король, всегда смогу продлить его. – Затем, желая сменить тему разговора, Луис Васконселос, продолжая улыбаться, добавил: – Могу поспорить, что господин прапорщик, несмотря на ложную тревогу, сумел здесь хорошо развлечься. У нас в Рио так много хорошеньких мулаток. – Луис де Васконселос подмигнул Тирадентису и даже засмеялся от собственной шутки.

Тирадентис тоже сделал попытку улыбнуться. В другой обстановке и в другое время он, конечно, поддержал бы такой разговор, так как не был безгрешен и ему в меру нравились женщины, развлечения и даже спектакли.

Вице-король, желая уничтожить последние подозрения у Тирадентиса, принялся с ним беседовать о театральных представлениях, которые в то время давала в Рио-де-Жанейро итальянская труппа. Но тут вошел знакомый уже нам дежурный офицер и доложил о прибытии во дворец его преосвященства архиепископа и господина главного прокурора.

Тирадентис решил кончать комедию и попросил разрешения удалиться.

Вице-король сделал знак офицеру, прося принять вновь прибывших гостей, повернулся к прапорщику и, как бы завершая беседу, еще раз

подтвердил:

– Ну, дорогой прапорщик, как кончится ваш отпуск, знайте, что он уже продлен мною. Одним словом, мои симпатии на вашей стороне. Вы пользуетесь покровительством самого вице-короля.

Тирадентис отвесил глубокий поклон и вышел из зала, по дороге бросив полный ненависти взгляд на висевший перед входом на шелковом полотнище военный герб Португалии.

Вице-король поднялся со скамейки, опираясь на трость из жакаранды, и с довольным видом протянул руку к двери, за которой скрылся Тирадентис.

– Итак, – сказал он, обращаясь к секретарю, который все это время молча наблюдал за словесной дуэлью между Тираденгисом и вице-королем, – вы видели сейчас человека, виселица для которого давно приготовлена.

Вице-король подошел к стоявшему около стены массивному шкафу, открыл его и принялся перебирать какие-то бумаги.

– Ваше высокопревосходительство, – напомнил секретарь, – его преосвященство и господин прокурор находятся в приемной.

– Ах да, скажите: я сейчас выйду к ним.

Секретарь удалился, а Луис де Васконселос, вытащив одну из бумаг, углубился в чтение, решив еще раз просмотреть текст письма, привезенного несколько дней назад доносчиком от Барбасены: «Ваше высокопревосходительство, дядя и друг, любезный моему сердцу, – писал Барбасена, – надеюсь, ты получил мое письмо, хотя я, естественно, не мог еще получить на него ответа, и этот факт заставляет меня глубоко беспокоиться. Податель сего тот самый человек, о котором я сообщал тебе в другом письме от 15-го числа. Он должен рассказать об интересующем нас обоих деле. Уверен, податель сего расскажет тебе обо всем с неподдельным желанием не столько потому, что он является нашим верным слугой, сколько будучи лично заинтересованным в соответствующем вознаграждении за оказанную услугу. Прошу тебя, если можно, сделать для него соответствующие послабления, которых он достоин. Зубная боль, преследующая меня уже три дня, до сих пор беспокоит и является причиной того, что я пишу столь короткое послание. Но указанный человек расскажет все устно. Жду от тебя с большим нетерпением известий. Пусть хранит тебя бог много лет!

Твой племянник и друг, верный и преданный виконт де

Барбасена.

Кашуэйро-до-Кампо».

Граф Луис де Васконселос спрятал послание, плотно закрыл шкаф и задумчиво вслух произнес: «Мой любезный племянник прав: его человек достоин всяческих послаблений. Сведения о Тирадентисе очень точны. Даже, может быть, несколько преуменьшены. Игру в кошки-мышки пора кончать. Чем быстрее, тем лучше».

Возвращаясь из дворца после посещения вице-короля, Тирадентис недалеко от дома встретил Силверию. Не желая рассказывать полковнику о беседе с Луисом де Васконселос, Тирадентис обменялся с Силверией несколькими ничего не значащими фразами и хотел уже войти к себе, как Силверию остановил его, сказав:

– Мой друг, мне хочется дать вам совет: будьте более осторожным. Помните разговор о двух незнакомцах, преследующих вас. Несомненно, они посланы вице-королем. Мне кажется, если сейчас вы не скроетесь, то обязательно подвергнетесь аресту. Рано или поздно ареста вам не избежать.

– Спасибо за совет, – ответил сухо Тирадентис и захлопнул за собой дверь.

Силверию же зашагал к центру города.

Несколько фраз, оброненных полковником Силверией, заставили Тирадентиса насторожиться. Перебирая в памяти разговоры, которые он вел в последние дни, Тирадентис не мог вспомнить, чтобы хоть раз упоминал при Силверии о преследующих его шпиках. Так откуда же человек, не связанный с вице-королем, знает о планах властей? Чем дальше размышлял Тирадентис, тем больше крепла у него уверенность в неискренности полковника Силверии дос Рейс. К тому же из капитании Минас не поступало никаких сообщений. Тирадентис даже не знал об отмене деррамы. Перед отъездом из Вила-Рики он договорился с подполковником Франсиско де Паула, что тот, используя любую удобную оказию, станет поддерживать постоянный контакт. Однако за все это время он не получил ни единой весточки от «верховного главнокомандующего» заговорщиков.

Кроме всего прочего, Тирадентис начал испытывать и другого рода затруднения: отсутствие денег. В Рио многие друзья задолжали Тирадентису в общей сложности немалые суммы, но сейчас он не мог получить даже часть долга. Положение Тирадентиса ухудшалось с каждым днем. Как-то он снова встретился с Франсиско Шавьером и сказал, что

дальше не в состоянии оставаться в Рио и с разрешения или без такового, но должен вернуться в Вила-Рику.

– Слушай, – дал Тирадентису новый совет Франсиско Шавьер, – раз уж сам вице-король дал тебе указание оставаться в Рио и ждать дальнейших известий о бумагах, посланных в Португалию, оставайся и жди. Если чувствуешь за собой какое-то преступление, то, удрав, можешь усугубить вину. Ну, а если даже за тобой не числится никаких неблагоприятных поступков, то в Вила-Рику без разрешения на выезд из столицы вице-королевства добраться практически невозможно. Нельзя пройти через многочисленные кордоны и избежать проверки документов.

Тирадентис, человек инициативный, храбрый, в этот момент почувствовал себя затравленным и надломленным. Он даже воскликнул:

– Ах, только бы достигнуть Минаса, там никто не посмел бы меня схватить!

После разговора с Силверио и, несмотря на совет Франсиско Шавьера, Тирадентис решил скрыться из Рио, во что бы то ни стало пробраться в Вила-Рику и там готовиться к объявлению деррамы Барбасеной. Опасаясь, как бы следовавшие всюду за ним шпики не помешали осуществлению плана, Тирадентис принял решение переменить убежище, так как несколько не сомневался, что жилье на улице Сан-Педро постепенно превращается в самую настоящую тюрьму, за которой круглосуточно ведется наблюдение. Ночью 6 мая Тирадентис отнес свои вещи в дом к некоему Инасио Рендону, попросив передать их Жоакину де Са Пинто, жившему в том же доме. 7 мая в дом к Франсиско Шавьеру пришел взволнованный мулат, раб Тирадентиса, встревоженный исчезновением господина.

– Не знаю, – заявил раб, – по какой причине скрылся господин прапорщик и где его мне сейчас искать.

Франсиско Шавьер посоветовал заявить о происшествии властям. Вскоре на улицах, площадях, в магазинах шепотом комментировалось таинственное исчезновение прапорщика по прозвищу Тирадентис.

Где же находился в это время руководитель заговорщиков? Приняв решение во что бы то ни стало добраться до Вила-Рики, Тирадентис увиделся с капитаном Жоакином де Са Пинто, старым своим знакомым, рассказав о желании выехать нелегально из Рио, так как вице-королем дано приказание арестовать его, предъявив какое-то обвинение в действиях, направленных против португальского правительства. Не имея разрешения на выезд из города, Тирадентис просил капитана помочь добраться до территории Минаса окольными путями, дабы избежать проверки

документов. Присутствовавший при разговоре управляющий плантациями сахарного тростника Мануэл Жозе де Миранда, приехавший в столицу из местечка Марапику в капитании Мато-Гросо, предложил достать Тирадентису пирогу и проводника, который поможет добраться ему от селения Пиабанья до Марапику. Оттуда прапорщик легко достигнет территории Минаса.

– Как только я закончу все приготовления и договорюсь с проводником, сразу же сообщу вам, господин прапорщик, – заверил Тирадентиса Миранда, – а вы оставьте свой адрес, по которому можно было бы разыскать вас.

Тирадентис, к тому времени принявший окончательное решение уезжать с улицы Сан-Педро, обещал завтра же уведомить Миранду, где его можно будет найти.

Перебирая в памяти всех друзей и знакомых, Тирадентис в конце концов решил попросить убежища у донны Эмилии Инасии Жертрудес де Алмейда, вдовы, которой, как вы помните, Тирадентис когда-то оказал большую услугу, вылечив ее дочь. С большими предосторожностями Тирадентис добрался до дома вдовы на улице Алфандега, недалеко от церкви Мае-дос-Оменс.

Дверь прапорщику открыла сама хозяйка дома.

– О господи, – всплеснула руками донна Инасия. – Какой неожиданный и всегда желанный гость пожаловал к нам. Мы так часто вспоминаем вас. Проходите, сеньор Тирадентис. Дочь как раз дома.

Тирадентис вошел в небольшую комнатку, где ничего не изменилось с тех пор, как он ушел отсюда в последний раз. Но в те времена прапорщик являлся сюда как добрый гений дома, а сейчас он сам нуждался в помощи и поддержке.

– Дорогая донна Инасия, – произнес Тирадентис, – у меня к вам большая просьба, но не знаю, сможете ли вы выполнить ее.

– Господин Тирадентис, я уже тогда говорила вам, что готова выполнить любое ваше требование.

– Нет, донна Инасия, я не хочу требовать. Я пришел как проситель, и просьба моя несколько необычна. Мне необходимо где-нибудь получить приют на несколько дней. Даже не приют, а убежище. Видите ли, я имел неосторожность задолжать в Минасе небольшую сумму. Так, сущие пустяки. Но неприятности могут возникнуть очень большие. Мне очень важно переждать где-то два-три дня, а потом направиться в фазенду, расположенную в Марапику. Как вы отнесетесь к тому, если я два-три дня проведу в вашем доме?

– Ох, господин Тирадентис, – еле выдавливая из себя каждое слово, произнесла вдова, – я говорила: для вас мы с дочерью готовы сделать все, что угодно, но такая просьба несколько деликатного свойства. Понимаете, я всю жизнь придерживаюсь строгих католических обычаев и принципов. Мне невозможно нарушить их, приняв в доме постороннего мужчину. Безусловно, моя репутация защищена возрастом, но дочка... Что могут сказать о ней злые языки соседей?

– Понимаю, – сказал Тирадентис и поднялся со скамейки.

– Нет, нет, господин Тирадентис, не уходите! Давайте вместе подумаем и найдем выход, приемлемый для всех.

В этот момент в комнату вошла дочь донны Инасии. Узнав о просьбе Тирадентиса, она вместе с матерью принялась перебирать знакомых, у которых лучше всего укрыть Тирадентиса. В конце концов остановились на кандидатуре ювелира Домингоса Фернандеса да Круса, кума донны Инасии, шестидесятичетырехлетнего старика. Проживал он на улице Латоэйрос и со слов донны Инасии знал историю исцеления Тирадентисом дочери вдовы.

Мы забыли сказать, что одну из комнат дома донны Инасии занимал ее племянник священник Инасио Ногейра де Лима. После того как Ногейру де Лима посвятили в суть дела, он тоже одобрил план, предложенный теткой.

Договорившись со стариком Домингосом, донна Инасия привела Тирадентиса на улицу Латоэйрос примерно часов в десять вечера 6 мая, еще раз попросив хозяина оказать максимум внимания постояльцу.

Между тем во дворце Луиса де Васконселос царила паника. Вzbешенный исчезновением Тирадентиса, вице-король грозился посадить всех за решетку, если прапорщику удастся скрыться. По дорогам и тропинкам, выходящим из города, разослали патрулей. Солдаты день и ночь дефилировали по улицам Рио-де-Жанейро. Срочно вызвав к себе доверенное лицо Барбасены, вице-король приказал доносчику любыми способами раздобыть сведения, у кого скрывается глава заговорщиков, пригрозив в противном случае самым суровым наказанием. Раба Тирадентиса, продолжавшего терпеливо ожидать хозяина в доме на улице Сан-Педро, немедленно арестовали.

Тирадентис и не подозревал, какую тревогу вызвало в вице-королевском дворце его исчезновение. На другое утро после переезда в дом к старику Домингосу Тирадентис попросил его сходить к Миранде и сообщить о его новом адресе. Домингос несколько раз заходил к Миранде, но все безрезультатно. Как впоследствии выяснилось, после разговора с Тирадентисом Миранда обнаружил и за собой слежку. Решив убраться от

греха подальше, он тут же выехал в Марапику, не имея возможности предупредить Тирадентиса, так как еще не знал адреса прапорщика. На второй день, потеряв надежду установить контакт с Мирандой, Тирадентис попросил хозяина позвать племянника донны Инасии, сказав, что хочет видеть его как можно быстрее. Священник Ногейра де Лима немедленно откликнулся на просьбу прапорщика. Тирадентис поручил ему увидеться с полковником Силвериио дос Рейсом и спросить, нет ли каких новостей.

Ногейра де Лима, выполняя поручение Тирадентиса, пришлось трижды наведываться в дом, где жил полковник, и только на третий раз он застал Силвериио. Узнав, зачем к нему пожаловал священник, Силвериио наказал передать Тирадентису, что дела идут из рук вон плохо.

– Но куда же пропал прапорщик, почему он сам не пришел ко мне? Неужто его нет в Рио? Какие у него планы? – засыпал священника вопросами Силвериио.

– Сын мой, я ничего не знаю относительно планов Тирадентиса, – ответил Инасио Ногейра де Лима и распрощался с полковником.

Возвратившись к Тирадентису, падре Инасио подробно передал разговор с Силвериио и от себя добавил, что, по его мнению, Тирадентису не следовало бы слишком доверять этому другу, проявляющему столь чрезмерное любопытство.

– Вы не заметили, падре, – с тревогой спросил Тирадентис, – полковник Силвериио не пошел вслед за вами, когда вы направились из его дома сюда, к Домингосу?

Ногейра де Лима засмеялся.

– Он при всем желании не смог бы этого сделать. Я застал его одетым лишь в халат и туфли.

Тирадентис заметно успокоился.

– Вот и прекрасно. Если вас не затруднит, падре, мне хотелось бы встретиться с вами завтра в любое время дня.

Обещав навестить Тирадентиса, священник ушел. Однако выполнить обещание не смог, так как 10 мая при выходе из церкви «Сеньора Масдос-Оменс» после окончания утренней мессы Инасио Ногейра де Лима был задержан солдатами вице-короля. Доставленного во дворец арестованного не только допросили, но и подвергли пыткам. Священник Ногейра де Лима пыток не выдержал и согласился указать, где скрывается прапорщик Жоакин Жозе да Силва Шавьер. Во время допроса Ногейры присутствовал доносчик из Вила-Рики. Узнав секрет местонахождения Тирадентиса, вице-король немедленно отдал приказ подготовить необходимое число солдат для ареста государственного преступника. Вечером отряд под

командованием прапорщика Франсиско Перейры Видигала направился на улицу Латоэйрос, окружил дом мастера Домингоса. Увидев вооруженных солдат, первой мыслью у Тирадентиса было сопротивляться, но потом, поняв бессмысленность борьбы с целым отрядом, решил подчиниться приказу прапорщика Видигала. Солдаты произвели в доме тщательный обыск и затем отвели арестованного в каземат.

13. СУДИЛИЩЕ

Арестовав Тирадентиса, вице-король Луис де Васконселос немедленно направил депешу губернатору Минаса виконту де Барбасена.

Через несколько дней в Рио-де-Жанейро солдаты вице-короля арестовали также мастера Домингоса, полковника Силверио, Мануэла Жоакина де Са Пинто, Франсиско Шавьера и многих из тех, к кому в последние дни заходил Тирадентис, с кем он беседовал, кто оказывал ему какую-либо поддержку и помощь. Задержанных отправляли в тюрьмы на острове Кобрас и на остров Виллегайнон.

Между тем в Вила-Рике, где еще ничего не знали о судьбе Тирадентиса, среди заговорщиков продолжала царить паника, усилившаяся после распространившегося слуха, что планы организации заговора каким-то образом попали в руки губернатору виконту де Варбасена. Некоторые из заговорщиков стали убеждать Гонзагу добиться свидания с губернатором и, раскрыв всю правду, попросить прощения. Но против такого шага выступила жена Алваренги Пейшото, которая, пристыдив заговорщиков, заявила, что сама она предпочитает умереть, чем стать свидетельницей позора и капитуляции перед порабощателями. Пожалуй, единственным человеком, проявившим твердость духа, оказался викарий Карлос Корреа. Он послал из своего местечка записку к Алваренге Пейшото и подполковнику Франсиско де Паула, требуя решительных действий, невзирая на то, что планы заговорщиков известны губернатору. В этой записке Карлос Корреа писал: «Будет лучше, будет гораздо лучше умереть со шпагой в руке, чем быть раздавленным, как букашка, в пыли». Однако совету викария никто не последовал.

Несмотря на договоренность, существовавшую между заговорщиками, в случае провала ничего не говорить, большинство решило при аресте взвалить всю вину на Тирадентиса. В этой нервной обстановке спокойнее всех выглядел Гонзага. Он заявил, что не считает себя виновным в преступлении, так как не совершил никаких противозаконных действий. Теоретические изыскания в области юриспруденции, утверждал Гонзага, не могут служить мотивом для преследований. Как мы уже говорили, викарий Карлос Корреа предложил подполковнику Франсиско де Паула начать действовать, чтобы не умереть «раздавленным. как букашка, в пыли». Однако бывший «главнокомандующий вооруженных сил» заговорщиков не решился применить оружие для защиты товарищей, а думал лишь о

спасении собственной персоны. Нет, он не превратил свой дом в неприступную крепость, не помчался на коне в изгнание, чтобы в одиночестве скорбеть там о загубленном идеале. Он решил идти по дорожке, протоптанной подполковником Базилио де Бритто Мальейро до Лаго и его собратом Памплоной. 17 мая 1789 года подполковник Франсиско де Паула Фрейре де Андраде написал донос на своих товарищей по заговору, в котором обвинял Тирадентиса, Алваренгу, викария Карлоса Корреа, священника Ролима, полковника Домингоса Виейру и других. Донос кончился так: «Вашего превосходительства самый смиренный подданный Франсиско де Паула Фрейре де Андраде».

Прослышав, что многие строчат покаянные письма властям, полковник из Сан-Жоан-дел-Рей Оливейро Лопес решил также написать маленький доносик и направил Барбасене письмо, сообщая, что одним из заговорщиков является полковник Силверию дос Рейс.

17 мая, в тот день, когда подполковник Франсиско де Паула писал свой донос губернатору, виконт де Барбасена вызвал полковника Франсиско Антонио Рабело, отдав приказ арестовать ряд людей, упомянутых в полученных доносах. Кроме того, Барбасена приказал патрулировать все выезды из Вила-Рики и вести тщательное наблюдение за улицами.

Проболтался ли полковник о расположении Барбасены, или кто-то подслушал разговор – неизвестно. Однако ночью, еще до того, как полковник Франсиско Антонио Рабело отправился с солдатами выполнять приказ губернатора, какой-то человек, закутанный в плащ, в шляпе, надвинутой на глаза, пробирался темными улицами Вила-Рики, стучась именно в те дома, которые принадлежали заговорщикам. Когда незнакомцу открывали дверь, он вполголоса давал совет немедленно уничтожать все документы, связанные с заговором, и, если возможно, не теряя времени, бежать из города, так как над заговорщиками нависла угроза ареста. Убеждая в необходимости покинуть Вила-Рику, таинственный незнакомец сообщал всем об аресте Тирадентиса.

Тем не менее на следующее утро в Вила-Рике не наблюдалось никакого волнения. Внешне жизнь в столице капитании шла прежним размеренным ритмом, если не считать того, что время от времени по улицам проезжали вооруженные солдаты.

22 мая в доме Клаудио Мануэла да Коста собрались несколько заговорщиков, в том числе Гонзага. Когда Гонзагу спросили, как быть дальше, поэт посоветовал сохранять спокойствие и не волноваться. «Сам же я, – сказал Гонзага, – сейчас же, вернувшись домой, прежде чем лечь спать, уделю некоторое время сочинению стихов». Однако спокойствие

Гонзаги не передалось его друзьям, и все разошлись, как и собрались, очень встревоженными.

Холодным туманным утром горожане, проснувшись, увидели дом Гонзаги окруженным военными под командованием полковника Франсиско Антонио Рабело. С быстротой молнии по городу разнеслась весть об аресте поэта.

Полковник подошел вместе с солдатами к двери дома Гонзаги, когда еще не рассвело. Постучал один раз, второй, третий, с небольшими интервалами. Гонзага, видимо, еще не ложился спать и слышал стук в дверь, но открыл не сразу, а когда, наконец, решился, увидел перед собой фигуру военного.

– Господин судья, – сказал полковник, войдя в дом, – вы арестованы по приказу виконта де Барбасена.

У Гонзаги закружилась голова, и он сел на лавку.

Полковник огдал приказ солдатам занять дом Гонзаги, но ничего в нем не трогать. Затем велел поэту следовать за ним, предварительно взяв с собой вещи, которые могут потребоваться Гонзаге в тюрьме, а также деньги.

Гонзагу вывели из дому, связали руки и конец веревки приторочили к седлу лошади, на которой сидел солдат.

– Пошел! – приказал полковник. И необычная процессия медленно двинулась в путь по направлению в Рио-де-Жанейро.

Впереди солдат на лошади, а сзади на веревке брел со связанными руками поэт Томас Антонио Гонзага.

После ареста Гонзаги наступила очередь кума Тирадентиса полковника Домингоса Виейры. В то время ему перевалило за шестьдесят пять лет, и он почти не мог двигаться из-за сильных ревматических болей.

Примерно одновременно с Домингосом сержант-мор Васконселос, личный враг Клаудио Мануэла да Коста, арестовал поэта, лежавшего больным в постели. Отправив Клаудио за решетку, сержант-мор тщательно обыскал дом и присвоил все найденное в нем золото. Затем сержант-мор направил своих подручных за город, где находилась семья Клаудио, и они, выполняя приказ сержанта-моря, убили многих родственников поэта и захватили большое количество золота, собранного для нужд заговорщиков.

В камерах Вила-Рики заключенных подвергали пыткам и другим варварским методам допроса, вырывая нужные властям показания. Барбасена проявлял необычайную активность и 12 июля издал указ о создании следственной комиссии. Она немедленно принялась за дело. Всего в Вила-Рике арестовали сначала тридцать два человека.

После первого допроса поэта Клаудио пытками довели до такого состояния, что он покончил с собой, повесившись в камере.

Власти стремились собрать как можно больше улик, подтверждающих вину заговорщиков. В конце мая солдаты произвели налет на аптеку, около моста Росарио, принадлежавшую Тирадентису. Тщательно обыскав помещение, они конфисковали много книг, в основном медицинского содержания.

Перед лицом опасности сразу же раскрылись сильные и слабые стороны заговорщиков. Трусами оказались подполковник Франсиско де Паула, полковник Оливейра Лопес и старый кум Тирадентиса, который, уже находясь в тюремной камере, также написал донос на товарищей. Хорошо держался полковник Алваренга Пейшото. Из тюрьмы он посылал бодрые письма и стихотворения, посвященные жене. Поэт Клаудио предпочел гибель смирению перед врагами.

Но наибольшую твердость духа и стойкость характера, образец гражданского мужества и пример не только своим товарищам по несчастью, но и многим грядущим поколениям бразильцев показывал вдохновитель заговорщиков прапорщик Жоакин Жозе да Силва Шавьер по прозвищу Тирадентис.

Находясь в мрачном каземате тюрьмы на острове Кобрас, Тирадентис размышлял о судьбе товарищей, о народе Бразилии, о будущем, которое ожидает землю его многострадальной родины. И еще его мучила одна мысль: кто же оказался предателем, в ком он мог так жестоко ошибиться? Тирадентис неоднократно задавал этот вопрос тюремщикам, но они лишь хохотали в ответ и ничего не говорили. Однако в один из дней, когда караульный принес похлебку и Тирадентис снова, в который уже раз, спросил, кто донес португальским властям, стражник, запирая дверь, бросил через плечо всего лишь два слова:

– Полковник Силверию.

Тирадентис подозревал это. Он не решался даже мысленно бросить упрек, не то что обвинение кому-либо из единомышленников в Вила-Рике или Рио-де-Жанейро. Силверию же Тирадентис не причислял к заговорщикам. Он никогда не доверял этому человеку.

Уже потом, во время процесса, раскрылась вся подлость действий Силверию дос Рейс. Мысль о доносе возникла у Силверию в тот самый момент, когда он услышал от сержанта-мора Луиса Вас де Толедо Пицы про существующий заговор. Поговорив затем с Тирадентисом, Силверию, не останавливаясь, проследовал в Вила-Рику и направился прямо во дворец к Барбасене. Силверию рассчитывал использовать в своих целях секрет

заговорщиков и ценой доноса заслужить расположение и также освободиться от долга королевской казне.

Барбасена послал Силверио с письмом к вице-королю в Рио-де-Жанейро, и после этого доносчик регулярно поставлял сведения о Тирадентисе Луису де Васконселос. Священник Ногейра де Лима, выполнив поручение Тирадентиса и выходя от Силверио, столкнулся в дверях дома с сыном мастера Пауло Лоуренсо, который затем рассказал Силверио, где живет священник Ногейра де Лима. Силверио немедленно помчался с доносом к вице-королю. Мы знаем, как развивались дальнейшие события. Не желая сразу раскрывать карты, вице-король решил запутать следы и, арестовывая всех лиц, с которыми встречался Тирадентис, приказал задержать и Силверио. Однако это было сделано только для виду, и надежды Силверио получить королевское вознаграждение за предательство полностью оправдались.

Расследование по делу заговорщиков велось одновременно в Минасе и Рио-де-Жанейро. Причем в столице вице-королевства по приказу Луиса де Васконселос еще за три дня до ареста Тирадентиса уже назначили писца и судью для ведения предстоящего процесса. Но на первом этапе основное расследование велось в Вила-Рике. Волна террора и насилия прокатилась по всей территории Минаса. Аресты производились по любому доносу; дома, фазенды подвергались бесчисленным обыскам. Солдаты врывались в квартиры и от имени властей шарили по комодам в поисках ценных предметов. Награбленное отбирали потом офицеры, но никогда ничего не попадало в казну. Конфисковывались рабы и даже одежда. Время от времени по дороге из Вила-Рики в Рио солдаты вели группы арестованных.

Вице-король, недовольный действиями Барбасены, метал громы и молнии. Луис де Васконселос хотел закончить подготовку к процессу как можно быстрее, а его племянник отправлял из Вила-Рики новых и новых арестованных, предварительно подолгу занимаясь снятием допросов в казематах столицы капитании Минас. Подготовка процесса вызвала столкновение различных интересов. Судьи, назначенные для ведения процесса Тирадентиса, делали попытки оправдать замешанных в заговоре коллег, с которыми вместе когда-то учились в университете Португалии. Личные же враги заговорщиков спешили воспользоваться создавшимся положением и отомстить за все неприятности, причиненные им кем-либо из арестованных. Приближенные Барбасены выбирали себе жертвы.

Как мы уже говорили, некоторые из заговорщиков, очутившись в тяжелом положении, не проявили должной твердости духа и оказались не

на высоте положения. Так, например, бывший студент университета в Коимбре, Домингос Видал Барбоза, племянник полковника Оливейро Лопеса, во время предварительного допроса в Вила-Рике струсил и пытался свалить всю вину на Алвареса Масиела. Он рассказал о встречах Жозе Жоакина да Майя с Томасом Джефферсоном и от себя приплел, что Жозе Жоакин да Майя намеревался еще раз встретиться с американским консулом. Узнав из допроса Домингоса Видала Барбозы о встрече в Ниме, Барбасена очень серьезно отнесся к такому сообщению и 30 июня 1789 года потребовал от судьи в Вила-Рике еще раз детально допросить Домингоса Видала Барбозу и выяснить все подробности контактов бразильских студентов в Португалии с представителями иностранных держав.

Вице-король получил несколько доносов из Вила-Рики, в которых обвинялся не кто иной, как сам виконт де Барбасена. Правда, ему не приписывали участия в заговоре, а вменяли в вину якобы мягкое отношение к некоторым арестованным, например, к подполковнику Франсиско де Паула, Алваресу Масиелу, сержанту-мору Толедо Пице и к Гонзаге.

Военным помощником Барбасены являлся подполковник Жоан Карлос Ферран, дядя невесты Гонзаги Марии Доротеи. Анонимный доносчик из Вила-Рики утверждал, что Барбасена, уступая просьбе Феррана, не собирается арестовывать Гонзагу. Однако к тому времени, когда донос пришел к вице-королю, Гонзагу не только арестовали, но и доставили в Рио-де-Жанейро.

В свою очередь, Барбасена пребывал в чрезвычайно скверном настроении, считая себя обойденным. Он рассчитывал быть центральной фигурой на процессе Тирадентиса, поскольку, по его словам, основная заслуга в раскрытии заговора принадлежала ему, Барбасене. Желая нейтрализовать возможные действия губернатора Минаса, вице-король направил несколько подразделений из Рио в Вила-Рику, Сан-Жоан-дел-Рей и Игрежа-Нова. Верные же Барбасене войска перевели из Вила-Рики в Рио. Таким образом, губернатор Минаса теперь все время находился под наблюдением войск, присланных из Рио и непосредственно подчиненных вице-королю, а не губернатору.

22 мая 1789 года в крепости на острове Кобрас Тирадентиса подвергли первому допросу. После того как судья Жозе Педро Машадо Коэльо Торрес и писец Марселино Перейра Клетто исполнили все формальности, они велели ответить Тирадентису, знает ли он, за что был подвергнут аресту. Тирадентис в то время принял решение полностью отрицать

существование заговора и поэтому ответил, что не знает мотивов, по которым его бросили в темницу.

Сразу же после первого допроса власти начали конфискацию всего имущества, принадлежащего Тирадентису. Из списков конфискованных вещей, подшитых к делу процесса, видно усердие судебных чиновников, не забывших конфисковать в пользу государственной казны все до единого предмета из имущества Тирадентиса.

27 мая судебные власти учинили второй допрос Тирадентису. На этом этапе Тирадентис, видимо, еще надеялся спасти революцию. Он не знал о многочисленных арестах, произведенных в Вила-Рике, Рио-де-Жанейро и других городах. Он не знал, что многие свидетели, многие арестованные заговорщики наперебой старались всю вину взвалить на Тирадентиса.

30 мая состоялся третий допрос. Как и во время предыдущих допросов, Тирадентис продолжал категорически отрицать сам факт подготовки заговора, и лишь 18 января 1790 года, когда после полугодового перерыва состоялся четвертый допрос Тирадентиса, прапорщик дал другие показания, признавшись, что он действительно готовил заговор, добавив, что отрицал это во время первых трех допросов не из-за стремления уйти от ответственности, а не желая причинять кому-либо страдания. И через несколько дней, во время пятого допроса, так и не назвав ничьих фамилий, Тирадентис подчеркнул, что только он несет ответственность за подготовку заговора и никто другой в этом не виновен.

Отведя арестованного в камеру после пятого допроса, ни тюремщики, ни судьи больше года не входили в каменный мешок, куда заточили Тирадентиса. Судьи работали не спеша, желая произвести как можно более сильное впечатление на население вице-королевства. При чтении протоколов допроса арестованных сразу же бросается в глаза, что роль центрального обвиняемого с самого начала отводилась Тирадентису. После того как все документы следствия переслали в Лиссабон, королева Мария, прочитав их, убедилась, что без Тирадентиса не было бы заговора.

9 июня 1790 года в Бразилию прибыл новый вице-король принц Резенде. Специальным приказом королевы ему поручалось заняться процессом заговорщиков из Вила-Рики. К моменту приезда нового вице-короля расследование уже закончилось, но потом почти полгода ожидали письма от королевы Марии и приезда судьи, специально назначенного властями португальской короны для ведения процесса. После долгого перерыва с Тирадентиса опять начали снимать показания. Всего ему было учинено одиннадцать допросов. Последний из них состоялся 15 июля 1791 года. Во время последнего допроса Тирадентис решительно заявил, что он

является единственным лицом, на кого падает ответственность за организацию предполагавшегося переворота. «Никто, – говорил Тирадентис, – без моего ведома и согласия не предпринимал никаких действий».

14. КАЗНЬ

В ночь с 16 на 17 апреля 1792 года содержащихся в разных тюрьмах заключенных перевезли в так называемую общественную тюрьму. Зал заседания тюрьмы специально оборудовали для предстоящей церемонии зачитания приговора.

Еще 17 апреля утром принц Резенде и канцлер Васконселос Коутиньо вызвали администратора тюрьмы и дали подробные распоряжения относительно того, как украсить и подготовить зал приговоров тюрьмы, кому разрешить присутствовать при зачитании обвинительного приговора и как провести церемонию закрытия процесса.

Администратору приказали задрапировать все стены помещения от потолка до пола черными тканями и вывесить на них большие серебряные кресты. Ночью в зал пришел Васконселос Коутиньо вместе с двумя помощниками проверить, как выполнены распоряжения вице-короля. У стен стояли вооруженные солдаты. Вокруг здания разместились войска в полной выкладке. Весь день 18-го числа и почти всю ночь в зале заседали судьи, окончательно оформляя документы.

На рассвете 19 апреля жителей склона горы Санто-Антонио разбудила шумная процессия, поднимавшаяся к тюрьме.

Она состояла из многочисленных монахов, медленно шагавших вверх по ступенькам, читая при этом громко вслух молитву. Войдя в помещение тюрьмы, они расположились в зале. Через некоторое время сюда ввели заключенных. Со связанными руками, обросшие, похожие на скелеты, молча вошли они в задрапированный черной материей зал. За последним арестованным с ненужным шумом и грохотом закрылась большая дверь. Среди заключенных не видно было участвовавших в заговоре священников и других церковных лиц. По высочайшему приказу королевы всех обвиняемых священнослужителей отправляли в Португалию, где сама королева решила огласить им приговор, оказавшийся довольно мягким по сравнению с приговорами, вынесенными другим обвиняемым.

Войдя в зал, Тирадентис направился в угол и сел на скамейку, несколько сутулясь под тяжестью надетых на него цепей. В помещении появился сопровождаемый чиновниками, представителями церкви и писцами судья, в обязанность которого входило зачитание приговора. Текст приговора он оглашал в течение двух часов. Основное место в документе уделялось обвиняемому Жоакину Жозе да Силва Шавьеру по прозвищу

Тирадентис, приговариваемому к повешению. «Жоакин Жозе да Силва Шавьер по прозвищу Тирадентис, – говорилось в приговоре, – будет казнен. Его проведут к месту казни по улицам города. После смерти у него отрубят голову и затем доставят ее в Вила-Рику, а тело его четвертуют. Имя его, так же как и детей и внуков его, если таковые появятся, будет подвергнуто позору на вечные времена. Имущество его будет конфисковано». Часть арестованных также приговаривалась к смертной казни через повешение. Остальные – к ссылке, в большинстве пожизненной, в африканские колонии Португалии.

После зачитания документа заключенных не вывели из зала. И несколько часов спустя им было объявлено, что королева высочайшим повелением отменила смертную казнь, заменив ее каторгой. Всем, кроме Тирадентиса. Тирадентис спокойно выслушал свой смертный приговор.

Фактически вся комедия процесса, суда и зачитания приговора была излишней и никому не нужной, так как потом выяснилось, что декрет королевы Португалии об отмене смертной казни всем, кроме Тирадентиса, составили в Лиссабоне еще 15 октября 1790 года, и документ этот продержали в Рио-де-Жанейро почти 16 месяцев.

21 апреля 1792 года португальцы объявили праздничным днем во всем вице-королевстве. Жителям Рио-де-Жанейро приказали выйти на улицы и собраться в районе Ларго-де-Кариока и на Кампо-де-Лампадоса, где уже стояла виселица, сооруженная специально для казни Тирадентиса. Войска нарядили в парадную форму. Сбруя лошадей, на которых восседали португальские офицеры, сверкала серебром. К месту казни подтянули артиллерию. Ржали кони, звенело оружие. На казнь Тирадентиса португальцы явились, как на парад.

В 8 часов утра звуки кларнета возвестили о приближении процессии. Впереди шли францисканские монахи и монахи ордена Миссерикордиа, следом шествовали палач с помощниками. Палач держал конец веревки, которой были связаны руки Тирадентиса. Шествие замыкал эскадрон португальских войск. Сзади него двигалась телега, запряженная двенадцатью каторжниками, на которой после казни должны были отвезти четвертованное тело Тирадентиса. Процессия двигалась медленно. Тирадентис шел спокойно. На лице его нельзя было прочесть волнения. Время от времени трое монахов кричали в толпу: «Идет суд, который ее величество королева вершит над бесчестным преступником Жоакином Жозе да Силва Шавьером по прозвищу Тирадентис!» В толпе шныряли монахи, выпрашивая подаяния для месс за упокой души приговоренного к смертной казни.

На церемонии присутствовал весь двор, разодетый в парадные костюмы и мундиры. В одиннадцать часов утра процессия достигла места казни на площади Лампадоса, у края которой возвышалась сооруженная накануне виселица. В городе существовало несколько постоянных виселиц, в том числе на площади Капин, или Шафариз, около церкви Сакраменто. Но португальские власти решили по случаю казни столь опасного государственного преступника, каким являлся Тирадентис, соорудить специальную виселицу, самую большую из когда-либо виденных на земле Американского континента. К эшафоту вели двадцать четыре ступеньки.

Три часа процессия пробивалась сквозь толпу, останавливаясь, петляла по улочкам, двигаясь к месту казни. Три часа раздавались по городу грохот барабанов, звуки кларнетов и истерические выкрики монахов, каждые несколько минут истошными голосами бросавших в толпу одну и ту же фразу: «Суд, который ее величество королева...»

Три часа процессия двигалась к месту казни. И все это время Тирадентис шел с высоко поднятой головой, и на лице его нельзя было прочесть ни страха, ни волнения. В сопровождении палача и помощников Тирадентис подошел к ступеням, ведущим на эшафот. Португальские служители Фемиды остановили своих лошадей, образовав пустое пространство вокруг Тирадентиса. По левую сторону от лошади каждого судьи находился солдат с оружием наготове.

За несколько минут перед казнью Тирадентиса.

В то время как процессия ползла по улицам города, народ группировался на перекрестках вокруг небольших молелен из дерева, в

каждой из которых стояло изображение какой-нибудь святой личности и под ним день и ночь кадила наполненная рыбьим жиром лампада. Преклонив колени, многие вслух молились, прося небесные силы помочь во время казни оборваться веревке. Согласно законам того времени, если в момент казни повешенного обрывалась веревка и упавшую жертву монахи из ордена Миссерикордиа успевали накрыть знаменем ордена, то казнь в таком случае отменялась и приговоренного к смерти оправдывали.

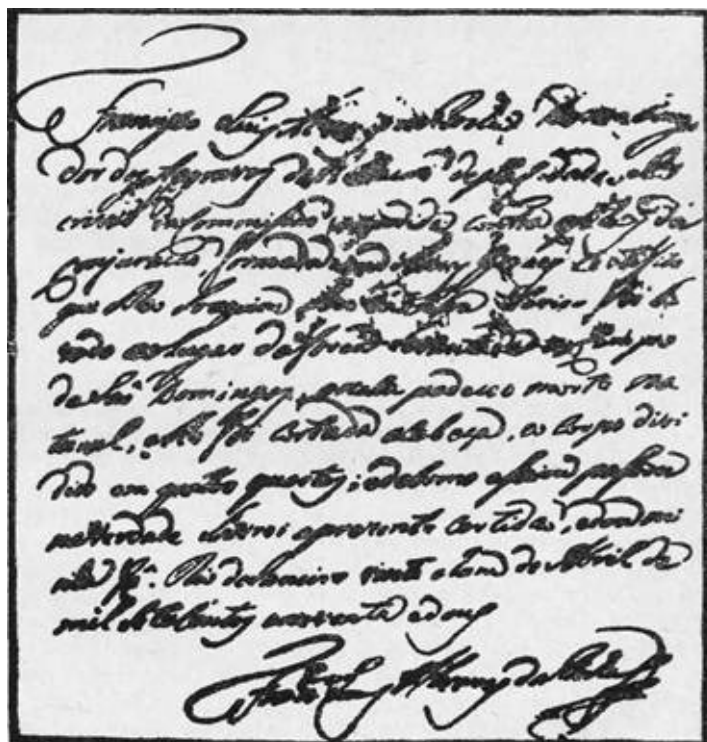
Тирадентис быстро поднялся по лестнице на площадку к виселице. Помощник палача дал ему чашку воды. Тирадентис отпил глоток и отвел руку с кружкой.

– Слушай, друг, – сказал он палачу, – кончай быстрее работу.

Но короткий спектакль не входил в планы португальских властей, противоречил намерениям вице-короля. И последняя просьба осужденного осталась невыполненной. Около виселицы появился монах Жозе Жесус Мария до Дестерро, посланный принцем Резенде. Став лицом к толпе, он начал читать проповедь, осыпая проклятиями осужденного и всех тех, кто осмеливается выступать против господства португальских властей. Но вот палач накинул веревку на шею Тирадентиса. На площади воцарилась полнейшая тишина. Взоры тысяч людей прикованы к Тирадентису. И тут собравшиеся услышали последние слова прапорщика Жоакина Жозе да Силва Шавьера:

– О родина, прими мою жертву!

В ту же секунду палач толкнул его с возвышения. Все было кончено. Собравшиеся на площади издали единый крик, моментально заглушённый сигналами кларнетов и барабанной дробью. А затем бывший каторжник, сменивший профессию преступника на должность палача, Жеронимо Капитания выполнил свою грязную обязанность, четвертовав согласно приговору тело Тирадентиса.

Свидетельство о смерти Тирадентиса.

Часы на башне показывали двадцать минут двенадцатого.

Вечером по случаю казни государственного преступника во дворце вице-короля устроили пышное празднество. Согласно высочайшему приказу жителей обязали иллюминировать дома и отслужить благодарственные мессы королеве.

На другой день после казни отряд солдат выехал по направлению к Вила-Рике и 21 мая прибыл в столицу капитании Минас. Солдаты сопровождали палача Жеролимо Капитания, везшего в кожаном мешке с солью голову Тирадентиса.

Виконт Барбасена приказал организовать празднество по случаю второй казни прапорщика – установлению головы Тирадентиса на высоком шесте в центре Вила-Рики. Барбасена объявил всему населению Минаса о благополучном завершении процесса и ликвидации заговора. По указанию Барбасены в Вила-Рике и других городах были устроены пышные церемонии. Улицы селений и городков иллюминировались. В церквах служились благодарственные молебны и мессы. Члены муниципалитета Вила-Рики 25 мая собрались на торжественное заседание, и потом все участники его направились во дворец Кашуэйро-до-Кампо, чтобы поблагодарить губернатора «за заслуги в раскрытии заговора и за верноподданнические действия в защиту интересов королевы донны

Марии Первой».

А на центральной площади Вила-Рики день и ночь часовые несли караульную службу у высокого шеста, на котором выставили голову Тирадентиса. И все же однажды ночью голову Тирадентиса похитили, и, несмотря на все усилия Барбасены, виновные так и не отыскались.

Вот и вся история о том, как жил и боролся, стремясь видеть свою родину свободной и независимой, прапорщик Жоакин Жозе да Силва Шавьер по прозвищу Тирадентис. Он был немножко наивен, но искренен. Он любил свою родину так же сильно, как ненавидел португальских колонизаторов. Тирадентису не удалось увидеть свою мечту осуществленной. Но усилия его не были напрасными. Для Бразилии Тирадентис оказал неоценимую услугу – пробудил народ к борьбе, показал цель, к которой нужно идти и за которую, если потребуется, стоит отдать жизнь. Когда 18 августа 1823 года в Рио-де-Жанейро торжественно провозгласили независимость Бразилии, то немалая заслуга в этом принадлежала и герою борьбы за независимость, руководителю заговора в Минасе, или, как его называют в Бразилии, инконфиденсия минейра Тирадентису.

И сейчас на уроках истории в бразильских школах изучают биографию Тирадентиса. Почти во всех городах стоят памятники прапорщику драгунских отрядов капитании Минас, а в бывшей Вила-Рике, нынешнем городе Оуро-Прето, на том месте, где 22 мая 1792 года палачи подняли на шест голову Тирадентиса, сейчас сооружен красивый монумент с фигурой Жоакина Жозе да Силва Шавьера. В бывшем здании тюрьмы Вила-Рики, как раз напротив памятника Тирадентису, открыт музей инконфиденсия минейры, и туда круглый год не прекращается поток посетителей. Тирадентиса помнят, любят и уважают в Бразилии, потому что за Бразилию, свободную и независимую, он боролся, за Бразилию, свободную и независимую, он отдал свою жизнь.

ЭПИЛОГ

В заключение нам остается рассказать, как сложилась судьба остальных участников событий, с которыми мы встречались на протяжении этого повествования.

Подполковник Франсиско де Паула Фрейре де Андраде, полковник Оливейра Лопес, полковник Домингос де Абреу Виейра, подполковник Жозе Айрес Гомес умерли в ссылке на африканской земле – в Анголе и Мозамбике.

Алварес Масиел, Алваренга Пейшото, сержант-мор Луис Вас де Толедо Пица были отправлены в ссылку в Анголу. Томас Антонио Гонзага и многие другие отвезены в Мозамбик. Никто из руководителей заговора больше не вернулся в Бразилию. Первый в ссылке 1 января 1793 года умер Алваренга Пейшото. Его жена, мужественная женщина Барбара Элиодора, не могла выехать вместе с мужем и вскоре сошла с ума.

Алварес Масиел занялся в Анголе строительством фабрики и умер там в 1802 году.

Когда Гонзага находился в тюрьме, то получил всего лишь одно письмо от Марии Доротеи. Весьма вероятно, родители девушки запрещали ей писать жениху, желая, чтобы Мария Доротея как можно быстрее забыла Гонзагу. Прибыв в Мозамбик, Гонзага не вспоминал больше о своей возлюбленной, через год женившись на некоей сеньорите Жулиане, молодой, богатой, правда, неграмотной девушке. Через некоторое время Гонзага приобрел влияние, вес и положение среди португальцев мозамбикского общества. Он даже стал прокурором таможни и умер в 1810 году в кругу своей семьи как добропорядочный буржуа.

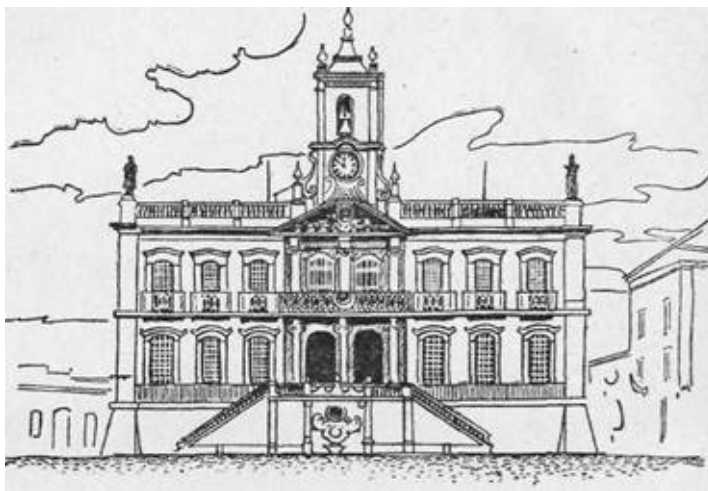
Мария Доротея дожила до 86 лет, так и не выйдя замуж. Такая продолжительная жизнь приводила всегда в смущение бразильских историков, не желающих примириться с тем, что героиня романтической любви прожила столь долго.

Участвовавшие в заговоре священнослужители, как мы уже говорили, пострадали меньше других, а два из них – каноник Луис Виейра и викарий Карлос Корреа – даже смогли вернуться на родину, не потеряв своих духовных санов.

Сейчас останки большинства заговорщиков перевезены в Оуру-Прету, где и похоронены в музее инконфиденсии минейры, бывшем здании тюрьмы, напротив воздвигнутого на площади памятника Тирадентису.

Нам остается сказать только о судьбе трех основных доносчиков. Полковник Силверию дос Рейс получил из рук наследного принца Португалии орден Христа, а затем титул рыцаря королевского дома, дворянский титул, пожизненную пенсию в четыреста контос и был назначен хранителем королевской грамоты в капитаниях Минас, Гояс и Рио-де-Жанейро. Побывав в Лиссабоне, Силверию вернулся в капитанию Минас, но не смог жить там, постоянно чувствуя к себе ненависть и презрение всего населения. Ему не помогали ни титулы, ни звания, ни деньги, данные португальцами. Вскоре он переехал в Мараньон под именем Жоакин Монтенегро. Однако и туда дошли вести о его предательстве. Силверию умер, всеми презираемый, всем ненавистный.

Судьба второго предателя, Базилио де Бритто Мальейро, была несколько иной. После окончания процесса, который не принес ему никаких выгод, он продолжал жить в Вила-Рике, связавшись с убийцей семьи Клаудио Мануэла да Коста сержантом-мором Жозе Васконселосом. Они совместно занялись торговлей рабами и спекуляцией золотonosными участками. Умер Мальейро глубоким стариком в Вила-Рике, полный злобы и зависти ко всем, особенно к более удачливому полковнику Силверию. С Мальейро никто в Вила-Рике не поддерживал никаких отношений. Его избегали, с ним не разговаривали.

Старое здание тюрьмы в Вила-Рике. Ныне музей инконфидентов в Оуро-Прето.

О судьбе Памплоны известно мало подробностей, за исключением того, что ему, как и Силверию, пришлось уехать из капитании из-за ненависти и презрения ее жителей.

Как мы знаем, у Тирадентиса осталось двое сыновей и дочка. Старший

сын Жоакин Пауло де Оливейро считается основателем города Терезополиса, расположенного недалеко от Рио-де-Жанейро. Второй сын Тирадентиса, Жоан, пошел по линии отца, поступив на военную службу. Затем занялся сельским хозяйством и жил на своей фазенде вместе с матерью донной Эухенией Жоакиной и сестрой. Последний праправнук Тирадентиса умер несколько лет назад на территории бывшей капитании Минас, ныне штата Минас-Жераис.

На этом мы и заканчиваем рассказ о событиях, имевших место в конце XVIII века и оказавших столь значительное влияние на дальнейшее развитие истории самой большой страны Южноамериканского континента, которая называется сейчас Соединенные Штаты Бразилии.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖОАКИНА ЖОЗЕ ДА СИЛВА ШАВЬЕРА ТИРАДЕНТИСА

1748 – Рождение Жоакина да Силва Шавьера.

1757 – Жоакина Жозе да Силва Шавьера после смерти отца отдают на учебу к священнику Жоану Генсалвесу Шавесу.

1782– Начало работы погонщиком мулов.

1767 – Тирадентис начинает самостоятельно заниматься торговлей.

1789 – Тирадентис поступает на военную службу в драгунское подразделение Вила-Рики.

1776 – Тирадентис получает звание прапорщика драгунских отрядов.

1780 – Инспекционная поездка с губернатором Родриго Жозе де Менезес.

1780—1783 – Тирадентис служит начальником отряда драгунов в районе Тижуко.

1788 – Встреча Тирадентиса с Жозе Алваресом Масиелом в Рио-де-Жанейро.

Декабрь – Собрание заговорщиков в доме подполковника Франсиско де Паула, на котором были разработаны детали заговора. Собрание заговорщиков в Шакара-де-Крузейро.

1789, март – Последнее путешествие Тирадентиса в Рио-де-Жанейро. Встреча Тирадентиса с Силвериио дос Рейс.

25 апреля – Приезд Тирадентиса в Рио-де-Жанейро.

Май – Посещение Тирадентисом вице-короля.

10 мая – Арест Тирадентиса.

22 мая – Первый допрос Тирадентиса в крепости на острове Кобрас.

1790, 18 января – Четвертый допрос Тирадентиса.

1791, 15 июля – Последний, одиннадцатый допрос Тирадентиса.

1792, 19 апреля – Объявление приговора заговорщикам.

21 апреля – Казнь Тирадентиса.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Роша Помбу, История Бразилии.
Сборник „Латинскгя Америка в прошлом и настоящем", Москва, 1960.
Гонзага, Томас Антонио, Лиры, Москва, 1964. Изд-во „Художественная литература".
- Autos de Devassa da Inconfidencia Mineira, Rio de Janeiro. 1956, Biblloteca Nacinal, Vol. I–VII.
- Jose Caetano Alves Neves, A Inconiidencia Mineira – Cliudio Manoel da Costa. Rio de Janeiro, 1943. „Irmaos Fongetti Editores".
- „Historia geral da clviHzac.ao brasileira. „A epoca colonial" Sao Paulo, 1960. „Ditusao Enropeia do livro".
- Austrigliano de Carvalho, Brasil Colonia e Brasil, imperio. Rio de Janeiro, 1927, editora „Jornal do Commercio".
- Albino J. e F. C o u t i n h o, Datas brasileiras. Porto Alegre,1959. Ofcinas graficas da,Livraria do Qlobo".
- Eduardo Freiro, Como era Gcruaga?. Publicac.oes da Secretaria da Educac,ao do Estado de Minas Gerais.
- Sergio D. T. M a c e d o, Tlradenies e o Aleijadinho. Rio. de Janeiro, 1962. „Sao Paulo Editora".
- J. Norberto de Sousa Silva, Historia da Conjiirac.ao Mineira. Rio de Janeiro. 1948. Imprema Nacloaal,vol. 1–2.
- Luiz P i n t o, Tiradentes. Rio de Janeiro,1961 editora „ALBA".
- Eponina Ruas, Ouro Preto. Minas Gerais, 1958, „Estableci-rjiientos Graficos Santa Maria" S. A.
- Salomao de Vasconsellos, O Fico-Minas e os mineiros na 'ndependencia. Rio de Janeiro, 1957,„Campania Editora Nacional".
- Aagusio da Lima, J. Pequena Historiada Inconfidencia de Minas Gerais.
- Xavler da Veiga, A sen en;a da Alcada. Efemerides Mineiras, vol. 1–2.
- Estevam de M e n d o n e . a, Datas Mato-Grossenses. Rio de Janeiro, 1924.
- Francisco Adolfo de Varnhagen. Historia Geral do Brasil. S. Paulo, 1940.
- Ant6nio Torres, Razoes da Inconfidfincia. Rio de Janeiro, 1950.
- Artur Resende, Qenealogla Mineira. vol. 4. Rio de Janeiro, 1939.
- J. P. de Oliveira Martins, O Brasil e as colonias Portugueses. Lisboa, 1920.
- Capistrano de Abreu. Caminnos AntigCb e Povoamento do Brasil. Rio, 1950.